

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

XVII

*СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА . 1966 . ЛЕНИНГРАД

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

УРАРТСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАСКОПОК КАРМИР-БЛУРА, СВЯЗАННАЯ С ОСНОВАНИЕМ ЭРЕБУНИ

В 1950 г. на холме Арин-Берд, на юго-восточной окраине Еревана, был найден камень из древней постройки с клинообразной надписью урартского царя Аргишти, сына Менуа, рассказывающий о постройке крепости, получившей имя Эребуни.

Последующие раскопки на Арин-Берде¹ открыли целый комплекс построек, в который вошли дворец, храмы, закрома и другие сооружения. У внешних ворот в стене была обнаружена надпись, дублетная найденной в 1950 г.

Таким образом, местоположение Эребуни, об основании которого упоминала Хорхорская летопись Аргишти I, высеченная на Ванской скале, было твердо установлено. Это был крупный урартский административный центр первой четверти VIII в. до н. э. (5-ый год летописи Аргишти I), служивший также резиденцией царя во время походов с целью покорения стран, расположенных в южном Закавказье, севернее долины р. Аракса.

Раскопки на Арин-Берде открыли хорошо сохранившиеся монументальные сооружения, на стенах которых на прежних местах сохранилось пять надписей (из общего числа девяти) и остатки богатых настенных росписей, но археологический материал оказался крайне малочисленным, что характерно для покинутых, но не разрушенных при штурме крепостей.

Совершенно иную картину дали раскопки древнего урартского города Тейшебаини, развалины которого были открыты на холме Кармир-Блур, на противоположной Арин-Берду, юго-западной окраине Еревана. Там, в кладовых крепости, построенной в VII в. до н. э., обнаружен громадный материал, дающий полное представление о древней урартской культуре.

Особенно много было найдено предметов вооружения (шлемы, щиты, колчаны, стрелы, панцири, мечи, кинжалы, наконечники копий и пояса). Бронзовые шлемы, щиты и колчаны были украшены изображениями и имели почитательные надписи урартских царей богу Халди. На шлемах и колчанах умещались короткие надписи, более пространные чеканились на щитах. На некоторых щитах была встречена следующая однотипная надпись: ⁴Hal-di-e e-u-ti-e i-ni aše 'Ar-gi-iš-ti-še 'Me-nu-a-ḫi-ni-še ¹⁰Ir (Er)-e-bu-ni-e-di uš-tu-ni... —

¹ К. Л. Оганесян. Арин-Берд. I. Архитектура Эребуни. Ереван, 1961.

„Богу Халди, владыке, этот щит Аргишти, сын Менуа, городу Эребуни подарил...“ (щит, найденный в помещении № 36, 1962 г.). Таким образом, эти надписи на щитах устанавливали, что посвященное оружие с надписями

царей VIII в. до н. э. (Аргишти I, Сардури II и Русы I) было перенесено в Тейшебаани из более раннего урартского центра Эребуни, потерявшего как будто в VII в. до н. э. свое прежнее значение.

В 1961 г. в Тейшебаани был найден камень с частью надписи царя Русы II, строителя Тейшебаани, в которой упоминается „священное оружие“ в связи с „воротами бога Халди“.² Вероятно, этот текст рассказывал о принесении в новый храм крепости Тейшебаани оружия, посвященного богу Халди. По свидетельству анналов ассирийского царя Саргона, в урартском храме города Мусасира было захвачено громадное количество оружия, а рельеф во дворце Саргона, изображающий разграбление этого храма ассирийцами, показывает, что фасад его был украшен декоративными щитами. В урартских надписях храм называется иногда „домом щита“. С достаточной уверенностью можно предположить, что надпись Русы II, найденная на Камир-Блуре в 1961 г., говорит именно о тех предметах вооружения, которые были найдены в кладовых Тейшебаани. Ведь надписи на них всегда имеют посвящение богу Халди и называют имена урартских царей первого периода истории Урарту, правивших в VIII в. до н. э.

В 1962 г. в южной части цитадели Тейшебаани были обнаружены восемь

a

б

в

Бронзовая подставка с урартским клинообразным текстом (Гос. исторический музей Армении).

камней с надписью Русы II, рассказывающей о постройке Тейшебаани. Камень 1961 г., по-видимому, относится ко второй части этой же надписи.

В 1963 г. также при раскопках в южной части цитадели Тейшебаани (Кармир-Блур) был найден еще один предмет, происходящий из Эребуни и

² Н. В. Арутюнян. Новая клинообразная надпись из Кармир-Блура, „Историко-филологический журнал Академии наук Арм. ССР“, Ереван, 1962, № 3, стр. 95—114.

перенесенный в VII в. до н. э. в новый центр. Это небольшая бронзовая массивная подставка в виде барабана (диаметром 7 см, высотой 3 см) с вогнутыми стенками. В верхней части подставки круглое углубление (глубина 0.5 см), служившее для закрепления в нем какого-то предмета, вероятно статуэтки (см. рисунок). Такие круглые базы характерны для ассирийской скульптуры, с которой урартская была стилистически связана. На стенке бронзового предмета в двух разграфленных строках (a — b) вырезана клинообразная надпись:

| >>|> >> <|>|> =|| >|| I =E >|| >E >| I Δ I
 =| >E|> =|| =E | <|>||<| >|| Δ >|| >>|> =E >
 | I |> >|> || Δ >|| > || >|| >E =||>=
 >|| >|| >E >|| >|| <|> <|> = <|| <|> =||> >||

^dHal-di-e EN ŠU i-ni i-si-qi ^zišša-e-i 'Ar-gi-iš-ti-i-še
^lMe-nu-a-ḫi-ni-še za-du-ni i-u ^{lu}Ir(Er)-bu-ni-ni ši-du-iš-tu-ni

Перевод. „Богу Халди, господину своему, этот «предмет из дерева шае» Аргишти, сын Менуа, изготовил, когда город Эребуни был построен“.

К сожалению, в надписи упоминается неизвестное название предмета,³ который, судя по детерминативу giš, был деревянным. По-видимому, найденный на Кармир-Блуре предмет служил подставкой для деревянной фигурки бога или царя, поднесенной храму бога Халди в честь основания Эребуни. В свое время вместе с другими сокровищами кладовых Эребуни он был перенесен в Тейшебаани.

Уже давно при обнаружении первой надписи на Арин-Берде было высказано предположение, ныне принятое историками, о том, что имя Еревана, столицы Армянской ССР, происходит от названия урартской крепости Эребуни, построенной ок. 782 г. до н. э.

Таким образом, скоро Ереван будет отмечать свой 2750-летний юбилей. В связи с этим надпись на подставке предмета, вероятно статуэтки бога или царя, поднесенной в храм Эребуни в честь постройки города, приобретает особый интерес.

³ R. L a b a t. Manuel d'épigraphie akkadienne. Paris, 1952, № 353.

*И. Г. ЛИВШИЦ***ФРАГМЕНТ САРКОФАГА ИЗ АХМИМА**

Публикуемый памятник, приобретенный В. С. Голенищевым зимой 1888/1889 г. в Ахмиме (в Верхнем Египте) и поступивший в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в 1911 г.,¹ представляет часть левой боковой стенки саркофага египтянки *Hwt*, жрицы богини Хатор, и относится к переходному времени между Древним и Средним царством (см. таблицы).

Сохранившаяся часть стенки состоит из трех досок неправильной формы. Доски неплотно прилегают одна к другой, и всю поверхность фрагмента пересекают две продольные трещины. Длина фрагмента 212 см; высота 40.5 см (у правого края²), 48 см (в самой высокой части фрагмента), 45 см у левого края; толщина 5.8 см у правого края, 6 см — у левого края. С правой и левой сторон края стенки (в местах соединения с торцовыми стенками саркофага) по ее внутренней поверхности стесаны под углом в 45°. В толще стесанных краев имеются сквозные отверстия с остатками деревянных шипов во всех этих отверстиях, кроме одного. Вдоль нижнего края фрагмента, на расстоянии 3—4 см от края, имеется около полутора десятков деревянных шипов. В толще верхнего края сохранившейся части стенки имеется пять пазов длиной ок. 5—5.5 см, шириной ок. 1—1.2 см, глубиной ок. 5.5 см каждый паз. Древесина (по определению старших научных сотрудников Ботанического института АН СССР Е. В. Будкевич и А. А. Никитина) — *Ficus sycamogus*. Сохранность хорошая.

На наружной поверхности фрагмента помещены (справа налево): рисунок глаз *wdjtj*, список заупокойных приношений, фриз с рисунками различных предметов.

Рисунки фриза и сопровождающие их надписи опубликованы.³

Глаза *wdjtj*. Выполнены черной краской. Сохранились слабые следы вспомогательной сетки кирпично-красного цвета, местами почти совершенно стертой. Белки глаз белые, с красными штрихами в обоих уголках глазного яблока.

Список заупокойных приношений состоит из трех рядов клеток с названиями приношений, — по 32 клетки в каждом ряду, — образованных путем пересечения черных вертикальных и горизонтальных линий толщиной

¹ ГМИИ I, 1а, 5310.

² По отношению к наружной поверхности стенки.

³ См.: И. Г. Лившиц. Рисунки на фрагменте саркофага Хевит. ЭВ, XVI, М.—Л., 1963.

ок. 1 мм каждая. Слева список заканчивается широкой 33-й клеткой, высота которой равняется высоте всего списка и которая содержит титулатуру и имя владелицы саркофага.

Под каждым из трех рядов основных клеток с названиями приношений имеется по три ряда других клеток. Первый из них содержит, за немногими исключениями (I, 19; III, 26—28, 30—32),⁴ детерминативы к словам, приведенным в основных клетках; второй ряд — цифры,⁵ указывающие количество порций кушаний и других приношений, названных в верхних больших клетках списка; третий (за двумя исключениями: I, 19; III, 32) — изображения колена-преклоненной фигуры, держащей на протянутой вперед руке предмет, символизирующий жертвенное приношение, а иногда изображающий определенное приношение, названное в соответствующей основной клетке списка и повторяющийся детерминатив, нарисованный в соответствующей клетке графы детерминативов; см., например, I, 1, 2, 11, 14, 16, 21; П, 3.

Иероглифы списка в большинстве случаев имеют черные контуры и внутри закрашены, иногда черной краской, более светлого оттенка, чем контуры, часто белой (например, иероглифы в клетке I, 28; — в клетках III, 18, 22; — в клетке II, 7; — в клетке II, 8; — в клетке III, 14, и др.), кирпично-красной (например, иероглифы, изображающие члены человеческого тела — иероглифы в клетке I, 23; и — в клетках I, 19, II, 25, и др., а также некоторые другие иероглифы — иероглифы в клетках II, 17, 24; — в клетке III, 10;⁶ — в клетке I, 21, и др.). В других случаях те же самые иероглифы не имеют внутренней раскраски (например, иероглиф в клетке II, 2, и др.).

Раскраска имеется и на целом ряде знаков, изображенных в графе детерминативов. Так, белой краской окрашены детерминативы в клетках I, 4 (сохранились слабые следы белой краски), 7, 8, 17, 18; II, 12 (белым цветом окрашена часть иероглифа, изображающая кость, так же как и в II, 14), 15; на детерминативах третьего ряда следов белой краски незаметно. В кирпично-красный цвет окрашены детерминативы в клетках I, 3, 5, 6, 12, 13, 14 (основная часть иероглифа, изображающая сосуд , 21 (нижняя часть сосуда красная, верхняя черная, так же как и в I, 28), 23, 24, 26; II, 9 (красной краской выполнены и все знаки вышележащей основной клетки II, 9, см. ниже), 13, 16—26, 30—32; III, 1—4, 7—11, 17, 18. Целый ряд детерминативов окрашен в черный цвет: I, 9, 10, 20, 22, 25, 27, 29, 30—32; II, 1—8, 27—29; III, 6, 12—16, 19—25, 29, 30, 32.

⁴ Римской цифрой мы обозначаем здесь и далее горизонтальный ряд клеток списка; арабская цифра указывает место, занимаемое отдельной клеткой в горизонтальном ряду (справа налево).

⁵ Наличие вертикальной черточки, передающей в графе цифр цифру „1“, в данном списке (см. I, 19), так же как и в ряде списков звукоименных приношений на других египетских памятниках, не всегда оправдано и, по-видимому, иногда ставится писцом механически или же для заполнения пустого пространства.

⁶ Красная окраска тела птицы является для данного списка исключением.

На некоторых детерминативах следов раскраски незаметно.

Иероглиф , изображающий рогатую гадюку, в данном списке везде воспроизведен без головы (для того чтобы „обезопасить“ покойника).

Коленопреклоненные фигуры, изображенные в клетках графы списка, расположенной под графой цифр, выполнены одинаково во всех клетках, за исключением клеток I, 1, 8, 19 и II, 9. Как правило, фигуры эти изображены стоящими на коленях, с туловищем, слегка наклоненным вперед. Лицо и обнаженные части тела имеют кирпично-красный цвет; волосы черные; одежда, состоящая из куска ткани, закрывающей ногу от таза до колена, белая; предмет на протянутой вперед руке красный. В клетке I, 1 фигура целиком, за исключением белой одежды, окрашена в черный цвет; в черный цвет окрашен и сосуд на протянутой вперед руке. Фигура, изображенная в клетке I, 8, отличается от остальных тем, что ее туловище не имеет обычного для фигур данного списка наклона. Не имеет этого наклона и фигура в клетке I, 19, в которой человек изображен сидящим прямо, с поднятыми к груди коленями; в поднятых вверх руках, по-видимому, нет никакого предмета; белой краской закрашена не только часть ноги от таза до колена, но вся нижняя часть фигуры. О позе фигуры, изображенной в клетке II, 9, см. ниже, стр. 11.

Как указывалось выше, список начинается на правой, головной, части стенки и идет справа налево. Группы знаков внутри каждой клетки списка выполнены (также в направлении справа налево) вертикальной строкой. В некоторых случаях над несколькими (от 2 до 5) строками внутри соответствующих клеток тянется одна горизонтальная строка с названием обобщающего значения по отношению к отдельным названиям, содержащимся в этих вертикальных строках (см. ниже, к III, 7—11, 15—16, 17—18, 19—21, 22—23). Насколько можно судить по сохранившимся частям надписей в клетках I, 7—8, 9—10, 17—18, 20—21, 27—28, эти надписи были размещены в указанных клетках аналогичным способом.

Список заупокойных приношений⁷

I, 1 [mw sꜥt] 1 — „вода (для) возлияния, 1“.⁸

I, 2 [ḥt snꜥr] 1 — „ладан (на) огонь, 1“.

I, 3 [stj]-ḥb 1 — „праздничное благовоение, 1“. — stj-ḥb — название первого из семи благовоенных масел, обычно фигурирующих во многих списках заупокойных приношений (stj-ḥb, ḥknw, sfꜥt, nḥnm, twꜥwt, ḥꜥtt nt 'š, ḥꜥtt nt tḥnw).

I, 4 [ḥknw] 1 — „масло ḥknw, 1“.

I, 5 [sfꜥt] 1 — „масло sfꜥt, 1“. — Масло sfꜥt — продукт дерева хвойной породы, известного в египетских текстах под названием 'š. Дерево 'š ввозилось в Египет из Азии.

⁷ Списки заупокойных приношений подробно анализируются в труде: Selim Hassan. Excavations at Giza. The Offering-List in the Old Kingdom, vol. VI, Part II. 1934—1935. Cairo, 1948, — и в книге: W. Barta. Die altägyptische Opferliste von der Frühzeit bis zur griechisch-römischen Epoche. Berlin, 1963 (Münchener Ägyptologische Studien, 3). В настоящей статье эта книга не использована вследствие того, что она была опубликована после того как данная статья была сдана нами в печать.

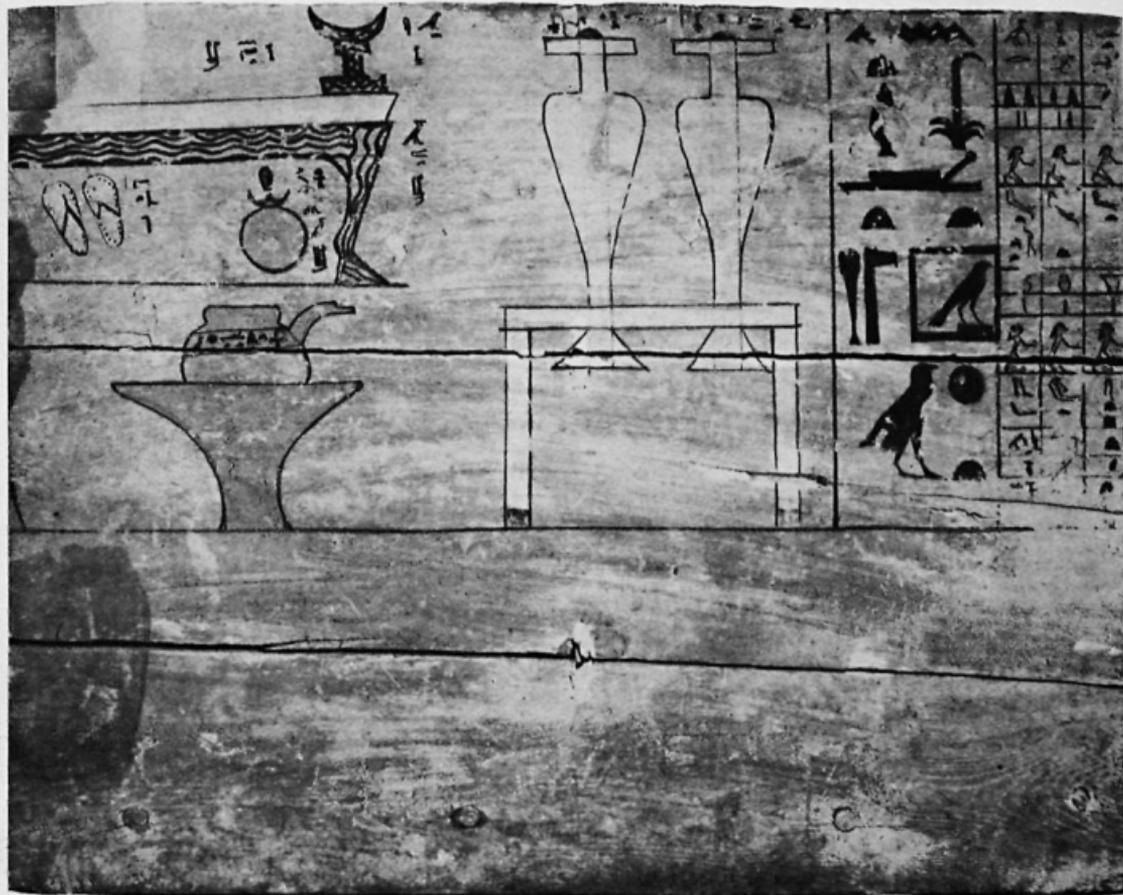
⁸ Названия приношений в клетках I, 1, 2, 4, 5, 6 и 7 восстанавливаем, исходя из сохранившихся в указанных клетках детерминативов и порядка их следования.

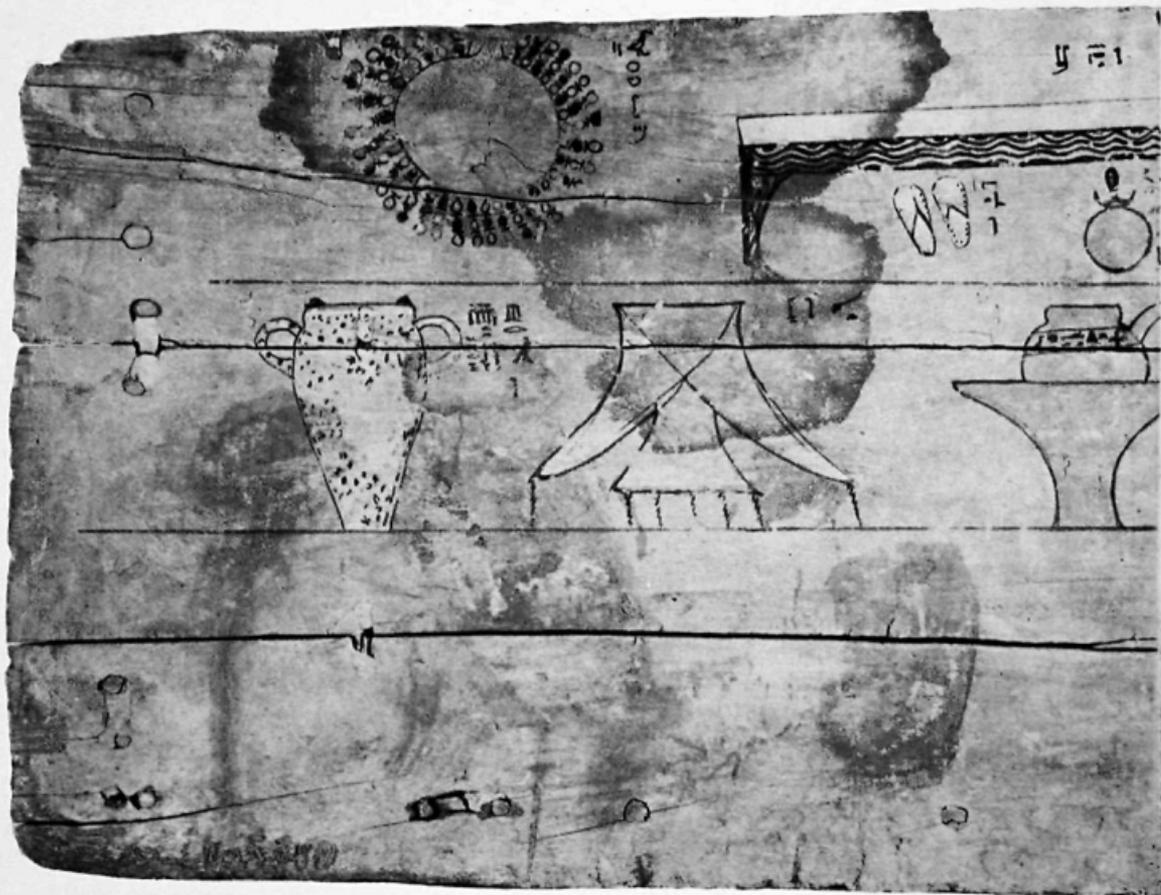
Фрагмент саркофага Хевит (1).

Фрагмент саркофага Хенит (2).

Фрагмент саркофага Хевит (3).

Фрагмент саркофага Хевит (4).

См.: Alan H. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*, I. Oxford, 1947, p. 8, nota 1; H. von Deines und H. Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Drogenamen*. Berlin, 1959, pp. 110—111; А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. Пер. с англ. М., 1958, стр. 491 сл.

I, 6 [tw]wt 1 — «масло tw}wt, 1».

I, 7—8 [h]tt nt 'š 1 — «лучшее масло дерева 'š, 1».

[h]tt nt t}h[nw] 1 — «лучшее масло Ливии, 1».

I, 9—10 ['rfw]j n w}šw 2 — «два мешочка зеленой краски для глаз, 2»; ['rfw]j n mš{dmt} 2 — «два мешочка черной краски для глаз, 2».

I, 11 [wn]h(w) 2 — «ткань (одежда), 2». Слово wn}w написано здесь в единственном числе. В большинстве случаев в заупокойных списках как на ахмимских саркофагах, так и на саркофагах иного происхождения слово wn}w стоит в двойственном числе. См., например, Cairo 28 001, 28 002, 28 003, 28 004, 28 027; Davies-Gardiner. *The Tomb of Antefoker*. London, 1920, tab. XXXII; и др. См. также ахмимские саркофаги ГМИИ (подготовлены нами к изданию еще в 1958 г.). В единственном числе (если говорить об ахмимских саркофагах) слово wn}w в списке заупокойных приношений стоит на саркофаге Каирского музея 28 013.

I, 12 [h]t šnt[r] 1 — «ладан (на) огонь, 1».

I, 13 [k]bh}w 1 — «прохладная вода, 1».

I, 14 t}wj 2 — «два шарика (натра), 2». — I, 13 и I, 14 составляют одно выражение и передают обряд преподнесения воды с разведенными в ней двумя шариками натра для культового очищения. Прежде полагали, что слово t}wj в сочетании со словом k}bh}w означает «две капли (воды)», см.: A. Erman und H. Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache* (далее: Wb.), V. Berlin, 1926, p. 34 1, 4. Юнкер на основании некоторых изображений ритуального характера в гробницах Древнего царства, сопоставленных им с соответствующими разделами списков заупокойных приношений, доказал, что слово t}j в указанной выше связи следует понимать как «шарик (натра)». Слово, обозначающее «натр», при этом опускается как само собою разумеющееся. См.: H. Junker. *Gîza*, III. Wien und Leipzig, 1938, pp. 103—104. В некоторых списках слово «натр» в сочетании со словами k}bh}w — «прохладная вода» и t}j — «шарик» (обычно 2 шарика, в более древних текстах — до 8 шариков) сохранилось; см., например: Тексты пирамид, § 23в; G. Jéquier. *Tombeaux de particuliers contemporains de Péri II*. Le Caire, 1929, tab. XIV, и др.

Детерминатив к слову k}bh}w — «прохладная вода» (I, 13, в графе детерминативов) изображает прибор для умывания, состоящий из чаши (таза), носившей название š'wtj, и кувшина, называвшегося hsmnj}. Такой прибор изображен на саркофаге H}wtj особо, в левой части публикуемого нами памятника, после списка заупокойных приношений (см.: ЭВ, XVI, стр. 5—6). Ср.: H. Junker. *Gîza*, IV. Wien und Leipzig, 1940, p. 72 и tab. IX. Иероглиф, изображающий прибор для умывания, засвидетельствован в роли детерминатива к слову k}bh}w и на других памятниках заупокойного характера. См., например: H. Junker. *Gîza*, III, p. 133, fig. 16, — где слово k}bh}w с указанным детерминативом стоит (в малом списке заупокойных приношений) примерно в том же контексте, что и на саркофаге H}wtj I, 13—14.

I, 15 h}z(w)t 1 — «столык h}z(w)t 1». — Детерминатив изображает столык (на одной ножке), по-видимому, со «стоящими» на нем «половинками (хлеба)». К форме детерминатива ср.: H. Junker. *Gîza*, VIII. Wien, 1947, tab. XXI (верхний горизонтальный ряд списка заупокойных приношений, 15-я клетка) и стр. 120. О «половинках (хлеба)» см. ниже (III, 27).

I, 16 [rdj(t)] pr(t) hrw 1 — «давание заупокойной жертвы, 1».

I, 17—18 htp [njšwt] 2 — «царская жертва, 2»; htp [njšwt] [im]jt wšht 2 — «царская жертва из помещения wšht, 2». — wšht означает «широкое (обширное) помещение». К wšht как к значению жертвенных приношений см.: Тексты пирамид, § 59с и комментарий Zete к §§ 214с и 905в (K. Sethe. *Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten*, Bd. I, IV. Glückstadt, s. a.). См. также: S. A. B. Mercer. *The Pyramid Texts*, II. New York—London—Toronto, 1952, p. 38, H. Junker. *Gîza*, II.

Wien und Leipzig, 1934, pp. 77—78. — Иероглиф в графе детерминативов является, очевидно, вариантом детерминатива к слову *wšḥt*; внутри выделен.

I, 19 *ḥmš(j) (i)gr 1* — „садись же!“ Иероглиф , передающий *г* в слове *(i)gr*, стоит здесь в графе детерминативов. Поза фигуры, относящейся к данной надписи, отличается от позы всех других фигур этого ряда (см. выше, стр. 8). — Вертикальную черточку, передающую в данном списке в графе цифр цифру 1, писец, очевидно, поставил здесь (I, 19) механически.

I, 20—21 *[š]bw šnš 1 q̄w̄jw 1* — „еда *šbw*: печенье *šnš*, 1, кувшин (пива), 1“.

I, 22 Значение группы знаков данной клетки нам неясно:

I, 23 *mw ' 1* — „вода, 1 порция“.

I, 24 *bd 1* — „натр, 1“.— I, 23—24 являются параллелью к I, 13—14, с той разницей, что в I, 23 вместо *q̄b̄w* (I, 13) — „прохладная вода“, стоит *mw* — „вода“ и что в I, 24 дано название натра, подразумевающегося в I, 14. И здесь, и там идет речь о ритуальном очищении перед едой.

I, 25 *šnš 1* — „печенье *šnš*, 1“.

I, 26 *f̄t ' 1* — „преподнесение жертвы, 1“.

I, 27—28 *i'w-[r]š̄nš 1 q̄w̄jw 1* — „завтрак: печенье *šnš*, 1, кувшин (пива), 1“.

I, 29 *t-wt 2* — „ячменный (?) хлеб, 2“.— К чтению и переводу термина *t-wt* см.: Н. Junker. *Giza, V. Wien und Leipzig, 1941, p. 94; E. Edel. Altägyptische Grammatik, I. Roma, 1955, § 144. Ср.: Н. von Deines und H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Drogenamen (Grundriss der Medizin der alten Aegypter, VI), p. 542. Ср. также стелу Британского музея № 583 (Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, etc., in the British Museum, Part II, London, 1912, tab. 26), список заупокой-*

ных приношений II, 9: ; приведенное написание может служить подтверждением

чтения *t-wt*, предложенного Юнкером.

I, 30 *[t]-rḥ 2 (?)* — „печеный хлеб, 2 (?)“.

I, 31 *ḥt̄}wj 2* — „два хлеба *ḥt̄}* 2“.

I, 32 *nḥrwj 2* — „два хлеба *nḥrw*, 2“.

II, 1 *dptj 4* — „хлеб *dptj*, 4“.

II, 2 *psn 4* — „хлеб *psn*, 4“.

II, 3 *šnš 4* — „печенье *šnš*, 4“.

II, 4 *t-imj-t̄} 4* — „хлеб *imj-t̄}*, 4“.

II, 5 *ḥnf(w) 4* — „хлеб (или печенье) *ḥnfw* 4“.

II, 6 *ḥbnn(w)t 4* — „хлеб *ḥbnnwt*, 4“.

II, 7 *t-š̄r 4* — „хлеб *š̄r*, 4“.— Н. Junker. *Giza, VI. Wien und Leipzig, 1943, p. 259: „Backbrot“.* К различным способам написания слова *š̄r* в данном названии

см.: И. Г. Лившиц. Об иероглифе . ВДИ, 1960, № 3, стр. 128 сл.; см.: там же, 1961, № 1 („Исправления“).

II, 8 *qm̄h(w) qm̄(š) 4* — „хлеб *qm̄hw qm̄}*, 4“.— После иероглифа (*h*), под иероглифом

(*m*), в клетке пустое место; пропущен иероглиф (идеограмма *qm̄}*), необычная для писца саркофага *Ḥwjt* небрежность. Пропуск, быть может, объясняется тем обстоятельством, что писец должен был после клетки II, 8 переменить черную краску, которой он писал до сих пор, на красную в связи с переходом к надписи в клетке II, 9, выполненной целиком красной краской и, по-видимому, имевшей особое значение

для списка заупокойных приношений (см. ниже, стр. 11, II, 9). Писец, возможно, поспешил переменить черную краску на красную и при этом забыл закончить надпись в клетке II, 8. Иероглифы в выражении ḳtḥw ḳm расположены таким образом, что сочетание

(ḳm)

относится одновременно и к стоящему ниже иероглифу (h) и образует вместе с последним слово ḳtḥ(w) , и к ошибочно пропущенному писцом иероглифу и образует

вместе с ним слово ḳm . Подобные написания — с выписанным иероглифом — засвидетельствованы неоднократно. Иногда выражение ḳtḥw ḳm пишется в списках заупокойных приношений сокращенно; см., например: Тексты пирамид, § 77в и ср. список заупокойных приношений на стенке саркофага Špšj-pw-Mnw, в котором все

выражение передано только двумя иероглифами (публикуется нами в указанной выше монографии). Иногда слово ḳtḥw пишется с на конце, например на саркофаге Каирского музея № 28 007; ср.: H. Junker. Giza, VI, p. 112.

II, 9 id(?)t dj ḥḳ-k ḥm-k} 4 — „хлеб (или печенье) id(?)t, 4, дай (это) позади тебя, жрец ḥm-k}“. — По характеру своего выполнения эта группа знаков резко выделяется среди всех других групп знаков списка заупокойных приношений на саркофаге Ḥwt: только эта группа целиком написана красной краской и в основном подлинно иератическим письмом. По-видимому, обряду поднесения хлеба (печенья) id}t, составлявшему часть заупокойного ритуала, египтяне придавали особое значение. Слова dj ḥḳ-k — „дай (это) позади тебя“, очевидно, относятся к лицу, выполнявшему обряд „кормления“ умершего, и имеют в виду приношение id}t (сорт хлеба или печенья). В списках на некоторых саркофагах, в том числе и на публикуемом в настоящей статье, это лицо названо; это — жрец ḥm-k} — „слуга Ка“. Относительно позы, которую должен был принимать жрец при выполнении обряда преподнесения умершему хлеба (печенья)

id}t Юнкер (Giza, VII. Wien und Leipzig, 1944, p. 169) говорит: „Durch erhielt also der Opfernde die Anweisung, das id}t nicht wie die übrigen Speisen dem Verstorbenen vorzusetzen, sondern sich umzudrehen und das Brot nach rückwärts zu reichen; der Sinn dieser Zeremonie lässt sich schwer erraten“. Эта поза точно указана коленопреклоненной фигурой, изображенной в публикуемом списке под выражением id(?)t dj ḥḳ-k ḥm-k}: голова, туловище и протянутая рука с приношением обращены в противоположную сторону по отношению ко всем другим фигурам данной графы списка заупокойных приношений на саркофаге Ḥwt, а также по отношению ко всем иероглифам данного списка, в частности к знакам настоящей клетки (II, 9), смотрящим вправо. Нижняя часть тела фигуры изображена, так же как и у всех остальных фигур данной графы, обращенной вправо. В некоторых списках заупокойных приношений выражение id}t dj ḥḳ-k сопровождается детерминативом, изображающим сидящего человека с руками, протянутыми за спину (см., например: A. M. Blackman. The Rock Tombs of Meir, Part 5. London, 1959, табл. XXXIV, XXXVI). В списке заупокойных приношений на саркофаге 'Ibj (публикуемом мною в указанной выше монографии) этот детерминатив изображает стоящего или, скорее, идущего человека, у которого голова, туловище (сильно наклоненное вперед, вправо, в направлении всех иероглифов надписи) и поддерживающие сосуд с приношением вытянутые руки обращены в противоположную сторону по отношению к направлению ног

и к обычному направлению всех иероглифов списка: Ср. позу жреца, выполнявшего обряд „заметания следа“ в заупокойном ритуале; см., например: A. M. Blackman. The Rock Tombs of Meir, Part 5, tab. XXXVI; Alan H. Gardiner. The tomb of Amenemhät. London, 1915, tab. 18.

II, 10 ḥdw 4 — „лук, 4 (головки)“. — Число головок передано здесь, так же как и на некоторых других саркофагах, не только цифрой 4, но и четырехчленным детерминативом.

- II, 11 $h\dot{p}\dot{s}$ 1 — „передняя нога быка, 1“.
- II, 12 iw^c 1 — „бедро быка (femur), 1“.
- II, 13 shn 1 — какой-то внутренний орган животного. — Детерминатив к данному слову в публикуемом списке совпадает по форме с детерминативом к слову $mjst$ — „печень“. — См.: Alan H. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*, II. Oxford, 1947, pp. 253*—254*; H. von Deines und W. Westendorf. *Wörterbuch der medizinischen Texte*, Zweite Hälfte. Berlin, 1962, p. 790.
- II, 14 $\dot{s}wt$ 1 — „нога быка (tibia), 1“.
- II, 15 $\dot{s}pr-\dot{s}p\dot{h}t$ 4 — „ребра с мясом, 4“. — Структура детерминатива находится в соответствии со стоящей под ним цифрой 4. Ср. выше, II, 10.
- II, 16 $\dot{z}\dot{s}rt$ 1 — „жаркое, 1“. — Слово это является здесь термин, обобщающим названия следующих за ним четырех блюд (II, 17—21) — „печени“, „селезенки“, какой-то части тела животного, носящей название h^c , и „грудинки“. Об этом свидетельствуют варианты данной части списка приношений. В этих вариантах слово $\dot{z}\dot{s}rt$ — „жаркое“ пишется горизонтальной строкой и ставится над рядом вертикальных строк, в которых даны названия (обычно, но не всегда, каждое название в отдельной клетке) различных видов жаркого. Такой вариант приведен, например, в труде Юнкера (H. Junker. *Giza*, III, fig. 17); см. также: Тексты пирамид, § 82в. Иногда слово $\dot{z}\dot{s}rt$ — „жаркое“ в списках заупокойных приношений отсутствует, а перечисляются только отдельные виды жаркого; см., например: H. Junker. *Giza*, VIII, fig. 56, 61 (и p. 133), 72. В одной из гробниц Древнего царства, напротив, опущены названия отдельных видов жаркого, и в надлежащем месте списка стоит только $\dot{z}\dot{s}rt nbt$ — „всевозможное жаркое“; см.: H. Junker. *Giza*, II, p. 91 и *Giza*, VIII, p. 133. В некоторых списках заупокойных приношений перед названиями четырех обычных для списков этого рода перечисленных выше видов жаркого в особой клетке стоит термин $\dot{z}\dot{s}rt$ — „жаркое“, а под ним цифра 4. Эта цифра, очевидно, суммирует приведенные дальше четыре отдельных вида жаркого, каждый из которых сопровождается цифрой 1. См., например, список на саркофаге Каирского музея № 28 007, а также: H. Junker. *Giza*, II, p. 91, № 50 (гробница $Dh\dot{h}n$), и др. Ср. также саркофаг Каирского музея № 28 027, на котором в списке заупокойных приношений слово $\dot{z}\dot{s}rt$ — „жаркое“ имеет детерминатив, стоящий во множественном числе ($\dot{z}\dot{s}rt$), а следующие за словом $\dot{z}\dot{s}rt$ названия мясных блюд (четыре вида жаркого) имеют только по одному детерминативу. Цифра 1, стоящая в списке на саркофаге $Hwjt$ под словом $\dot{z}\dot{s}rt$, не оправдана. См. ниже, к III, 7—11.
- II, 17 $mjst$ 1 — „печень, 1“. См.: Alan H. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*, II, p. 245* sq.
- II, 18 $nn\dot{s}m$ 1 — „селезенка, 1“. — См.: Alan H. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*, II, p. 245* sq.
- II, 19 h^c 1 — Слово h^c обозначает здесь какую-то часть тела животного. — См. *Wb.* III, 38.28. Иногда в списках заупокойных приношений вместо выражения $i(w)f n h\dot{z}t$ — „мясо грудной части“, „грудинка“ (см. ниже, II, 20—21), обычно заканчивающего перечень названий различных видов жаркого, употребляется выражение $h^c n h\dot{z}t$; см.: H. Junker. *Giza*, II, p. 171, № 43 и p. 204 („Brustfleisch“); ср.: Alan H. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*, II, p. 289: „ $h^c n d\dot{z}w$, among parts of ox...“; ср. также: Selim Hassan. *Excavations at Giza*, I. Oxford, 1932, p. 77, fig. 136.
- II, 20—21 $i(w)f l n h\dot{z}t$ 1 — „мясо грудной части (грудинка), 1“.
- II, 22 $r\dot{z}$ 1 — „гусь (определенной породы), 1“.
- II, 23 $\dot{t}rp$ 1 — „гусь или утка (определенной породы), 1“.
- II, 24 st 1 — „утка-шилохвость (Dafila acuta), 1“. См.: Alan H. Gardiner. *Egyptian Grammar* 3. Oxford, 1957, p. 471, G39; H. Junker. *Giza*, VI, p. 259 („s. t Spiessente“) и *tab.* XI, — на которой воспроизведены в красках изображения домашней птицы, в том числе и утки st (из гробницы Древнего царства); ср.: там же, рис. 16, и др.
- II, 25 $\dot{s}r$ 1 — „гусь (определенной породы), 1“.
- II, 26 $mnwt$ 1 — „голубь, 1“.
- II, 27 $t-sjf$ 1 — „хлеб (определенного сорта), 1“.
- II, 28 $\dot{z}^c(w)t$ 2 — „пирожное или печенье (определенного сорта), 2“.

- II, 29 $\text{nr}^{\text{t}} \text{1}$ — „печенье (определенного сорта), 1“.
- II, 30 $\text{mswt} \text{1}$ — „кушанье (из пшеницы), 1“.
- II, 31 $\text{dsrt} \text{1}$ — напиток dsrt , 1. — Wb. V 616.7: „...ob eine Zubereitung der Milch?“. S. A. B. Mercer. The Pyramid Texts, I. New York—London—Toronto, 1952, p. 37 (Pyr. 61a): „ dsr.t-beer “. Ср.: Wb., Die Belegstellen, V, 616.7; H. von Deines und H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Drogennamen, p. 604: „ dsr.t eine Art Bier“.
- I, 32 $\text{dsrt} \text{ i}^{\text{t}} \text{t}$ 1 — „напиток $\text{dsrt} \text{ i}^{\text{t}} \text{t}$, 1“. — Детерминатив, как об этом можно судить по сохранившейся части иероглифа, изображает сосуд другой формы, чем детерминатив к предшествующему слову (II, 31, dsrt). — Ср.: Abdel Moneim Abu-Bakr. Excavations at Giza 1949—1950. Cairo, 1953, p. 18; Raymond O. Faulkner. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 1964, p. 325: „milky ale (?)“.
- III, 1 $\text{h(n)kt} \text{1}$ — „пиво, 1“.
- III, 2 $\text{hnm}^{\text{s}} \text{1}$ — „пиво hnm^{s} , 1“.
- III, 3 $\text{shpt} \text{1}$ — „напиток shpt , 1“. — Иногда в списках заупокойных приношений на саркофагах слово shpt стоит в таком контексте и сочается со словом h(n)kt — „пиво“ таким образом, как если бы слово shpt было названием одного из сортов пива. См., например, списки на Каирских саркофагах 28 005, 28 006 и др. См. также: S. Hassan. Excavations at Giza, V, Cairo, 1944, p. 112: „ shpt-drink (beer) “. Ср.: H. von Deines und H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Drogennamen, p. 461.
- III, 4 $\text{c ph}^{\text{z}} \text{1}$ — „порция напитка ph^{z} , 1“.
- III, 5 $\text{dwjw} \text{ sh(r)} \text{2}$ — „(два) кувшина $\text{shr} \text{ (ssr)}$ (с пивом?), 2“. — H. Junker. Giza, VII, p. 169, высказывает предположение, что слово ssr в выражении $\text{dwjw} \text{ ssr}$ говорит о способе запечатывания кувшина dwjw , способе, указывающем на то, что содержимым кувшина должно быть пиво. Ср. в связи с этим те списки заупокойных приношений, в которых слову ssr предшествует слово h(n)kt — „пиво“; иногда оба эти слова написаны вместе в одной и той же клетке, например, на саркофаге 'Ibj (ГМИИ).
- III, 6 $\text{d}^{\text{z}} \text{b} \text{1}$ — „фига, 1“.
- III, 7—11 $\text{irp} \text{ mhj} \text{1}$ — „вино нижнеегипетское, 1“; $\text{irp} \text{ }^{\text{c}} \text{bs} \text{1}$ — „вино, кувшин $^{\text{c}} \text{bs}$, 1“. — Юнкер (H. Junker. Giza, VIII, p. 105, nota 1) указывает, что слово $^{\text{c}} \text{bs}$ само по себе обозначает кувшин для вина, имеющий особую форму и, по-видимому, предназначенный для вина определенного сорта („...aber diesem könnte auch eine bestimmte Weinsorte entsprechen; siehe Meir, IV, Taf. 9, 12, 18: $^{\text{c}} \text{bs-wj n irpw}$ “).
- $\text{irp} \text{ imtj} \text{1}$ — „вино бутосское, 1“. — О вине из Буто см.: K. Sethe. Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen, II. Leipzig, 1928, p. 179, и указанную в этом труде работу: K. Sethe. Der Name der Phönizier bei Griechen und Aegypten. Mitt. Vorderas. Gesellschaft, 1916, p. 321, где говорится о роли города 'Imt в импортировании вина из Финикии в Египет.
- $\text{irp} \text{ h}^{\text{z}} \text{mwj} \text{1}$ — „вино из $\text{H}^{\text{z}} \text{mw}$, 1“. — Иногда в списках заупокойных приношений приводится формулировка: $\text{irp} \text{ n } \text{H}^{\text{z}} \text{mw}$. $\text{H}^{\text{z}} \text{mw}$ — географический пункт, местоположение которого не установлено (H. Kees. Das alte Aegypten. Eine kleine Landeskunde. Berlin, 1958, p. 41: „in der Mareotis?“).
- $\text{irp} \text{ sn(w)} \text{1}$ — „вино пелусийское, 1“. — К нижнеегипетскому городу Snw , или Swnw , — „Пелусий“ см.: K. Sethe. Dramatische Texte, II, p. 180. К различным вариантам написания слова snw — „пелусийское (вино)“ см.: H. Junker. Giza, VIII, pp. 105, 121, 150.
- Слово irp — „вино“ написано здесь (III, 7—11) один раз, над названиями отдельных сортов вина. Обычно в списках заупокойных приношений данного периода полный перечень вин содержит пять различных сортов, причем, начиная с определенного времени, они перечисляются в одном и том же строго соблюдаемом в этих списках порядке: 1) $\text{irp} \text{ mhj}$ — „вино нижнеегипетское“, 2) $\text{irp} \text{ }^{\text{c}} \text{bs}$ ($^{\text{c}} \text{bswj}$) — „вино в кувшине $^{\text{c}} \text{bs}$ “, 3) $\text{irp} \text{ imtj}$ — „вино бутосское“, 4) $\text{irp} \text{ h}^{\text{z}} \text{mwj}$ — „вино из $\text{H}^{\text{z}} \text{mw}$ “, 5) $\text{irp} \text{ snw}$ — „вино пелусийское“. Но иногда, например на саркофаге 'Ibj (ГМИИ), в списке заупокойных приношений в разделе вин содержится шесть названий, причем на первом месте в таком случае стоит слово irp — „вино“, без уточнения сорта вина. Это

уклонение от стандарта в перечне вин, принятом в списке заупокойных приношений определенного периода, вероятно, только кажущееся. По-видимому, здесь, так же как и в перечне четырех различных видов жаркого (см. выше), мы имеем дело с фактом, в основе которого лежит явление графического порядка. Речь идет о месте, занимаемом иероглифами, передающими слово, имеющее обобщающее значение, по отношению к иероглифам, обозначающим слова той же категории, но более узкого значения. В данном случае речь идет о положении слова *ỉr* — „вино“ по отношению к словам, уточняющим, какие сорта вина имеются в виду. При одном способе написания группа иероглифов, передающая в списке слово *ỉr* — „вино“, пишется в виде горизонтальной строки, расположенной над рядом коротких вертикальных иероглифических строк,⁹ содержащих названия отдельных сортов вина. При другом способе группа иероглифов, передающая слово *ỉr* — „вино“, ставится в один (горизонтальный) ряд с остальными группами иероглифов раздела вин и занимает первое место в перечне названий данного раздела списка, сохраняя смысловую связь с каждой из остальных иероглифических групп этого раздела. Ср., например, расположение отдельных групп иероглифов в списке вин в пирамиде Тети (§ 92в) с расположением аналогичных групп в пирамиде Пепи II (§§ 92б, д, 93б, д, 94б). В публикуемом нами списке приношений на саркофаге *Ḥwjt* перечень вин (III, 7—11) оформлен таким же способом, как в пирамиде Тети. Иногда (см.: Н. Junker, Giza, II, pp. 93—94, №№ 72—76; Giza, VIII, p. 105) дается название одного из пяти сортов вина (*ḥbš*), а в каждой из остальных четырех клеток списка приводится только одно слово *ỉr* — „вино“. Однако и в этом случае, по-видимому, имеются в виду те же пять различных сортов вина, хотя их названия и не уточнены. См.: Н. Junker, Giza, VIII, p. 105, и ср.: Giza, IV, p. 26. Вследствие того что отдельные сорта вин в списке заупокойных приношений данного периода со времени появления окончательной редакции списка обычно упоминались, как указывалось выше, в определенной последовательности, за каждым из пяти названий сортов вина, по-видимому, закрепилось свое строго определенное место в разделе вин, занимавшем, как правило, место между словами *d}b* и *ḥbnnwt*. Поэтому египтянину, на обязанности которого лежало оглашение списка заупокойных приношений при выполнении определенного обряда заупокойной службы, для правильного понимания раздела вин списка, по-видимому, было достаточно упоминания в списке лишь одного сорта вина (*ḥbš*), стоявшего обычно на втором месте перечня вин, или даже простого пятикратного повторения слова *ỉr* — „вино“.

III, 12 *ḥbnn(w)t* 2 — „хлеб *ḥbnn(w)t*, 2“.

III, 13 *ḥnf(w)* 2 — „хлеб (или печенье) *ḥnf(w)*, 2“.¹⁰

III, 14 *isd* 1 — „фрукт *isd*, 1“.— О слове *isd*, обозначающем какой-то сладкий фрукт, см.: L. Keimer, Bemerkungen und Lesefrüchte zur altägyptischen Naturgeschichte. „Kēmi“, II, Paris, 1929, p. 92, nota 1; H. von Deines und H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Drogenamen, p. 64 sq.

III, 15—16 *šht ḥdt* 1 — „белое зерно *šht*, 1“;

šht w}dt 1 „зеленое зерно *šht*, 1“.— Слово *šht* написано здесь один раз горизонтальной строкой над словами *ḥdt* и *w}dt*.

III, 17—18 *ḥwgt it* 1 — „поджаренный ячмень 1“;

ḥwgt s(w)t 1 „поджаренная пшеница, 1“.— Слово *swt* — „пшеница“ написано здесь с двумя *t*, как если бы это слово следовало читать *swtj*.— Слово *ḥwgt* написано здесь один раз и расположено так же, как и слово *šht* в клетках III, 15—16 (см. таблицу 2). Детерминатив в обоих случаях изображает мерку с высыпавшимся из нее зерном.

III, 19—21 *ḥn b}t* 1 — „порция зерна *b}t*, 1“;

⁹ Применение расщепленной вертикальной строки, о которой, по существу, идет здесь речь, является, как известно, характерной чертой письма Древнего царства и непосредственно следующего за ним периода и засвидетельствовано с IV династии. См.: E. Edel. Altägyptische Grammatik, I. Roma, 1955, § 89.

¹⁰ Не исключена возможность, что в клетках III, 12, 13 слова *ḥbnn(w)t* и *ḥnf(w)* обозначают не хлеб (печенье), а зерно двух определенных сортов.

^c n nbš 1 „порция плодов дерева nbš, 1“;

^c n t n nbš 1 — „порция хлеба из плодов дерева nbš, 1“. — Группа знаков   ^c n „порция...“, написанная один раз горизонтальной строкой, относится к словам всех трех клеток (III, 19—21). Слово bḏt является разновидностью слова bḏbḏwt; см.: Н. Junker. Giza, X, Wien, 1951, p. 147; VI, 114.

Еще Швейнфурт отождествил дерево nbš с деревом, носящим у современных арабов название sidr; плоды этого дерева — nabk. См.: L. Keimer. Die Gartenpflanzen im alten Aegypten, Bd. I. Hamburg—Berlin, 1924, p. 160 sq. — Принятое в ботанике название: Zizyphus spina Christi Willd.

III, 22—24 ^c wḥ 1 — „порция плодов wḥ, 1“; wḥ — название плодов какого-то стручкового растения; см.: L. Keimer. Note sur le nom égyptien du jububier d'Égypte. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, t. XLIII. Le Caire, 1943, p. 280, H. von Deines und H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Drogenamen, p. 134.

^c iḥt nb(t) 1 bnr(t) 1 — „порция всевозможных сладостей, 1“. — Слово „порция“ написано здесь фонетически горизонтальной строкой ( ) внутри клеток 22—23, в которых находятся названия кушаний (wḥ и iḥt nbt), и относится не только к слову wḥ, но и к выражению iḥt nbt (bnrt). Быть может, поскольку выражение iḥt nbt bnrt подводит, по-видимому, итог тому разделу списка, который содержит перечисление фруктов и кушаний, приготовленных из зерна (см.: Н. Junker, Giza, III, p. 111), указанное выражение в сочетании со словом „порция“ следует понимать: „по одной порции всевозможных сладостей“.

III, 25 rnp(wt) nb(wt) 1 — „все годовичные жертвы, 1“. — К переводу „годовичные жертвы“ см.: Н. Junker, Giza, III, pp. 111—113. Юнкер, полемизируя с составителями Берлинского словаря, в котором (Wb. II, 435) слову rnpwt дается значение „растения, плоды“ и т. п., приводит данные в пользу понимания термина rnpwt в ряде случаев, в том числе и в списках заупокойных приношений, как „Jahresopfer“, „Jahresfestopfer“ и т. п. (см. также: Н. Junker, Giza, IV, p. 27; XI, Wien, 1953, p. 146), и приводит слово rnpwt от rnp — „год“.

III, 26 ḥnkt nb(t) 1 — „все жертвы ḥnkt, 1“. — По Юнкеру, слово ḥnkt первоначально, по-видимому, обозначало жертву, состоявшую из напитков. Впоследствии оно получило более широкое значение, чем и объясняется наличие при слове ḥnkt в ряде случаев детерминатива, изображающего ящик с приношениями, состоявшими из различных кушаний и напитков (см.: Н. Junker. Giza, III, p. 113; VI, p. 114; K. Sethe. Dramatische Texte, II, p. 148).

III, 27 gšw — „половинки (хлеба)“. — В сцене трапезы умершего эти „половинки (хлеба)“ изображаются „стоящими“ на столе. Иногда фонетически написанное слово gšw сопровождается иероглифом, изображающим стол с этими „половинками“. С определенного времени слово gšw получает в списках заупокойных приношений и более широкое значение и может применяться для обозначения всего ритуала „кормления“ покойника; в связи с этим широким значением слово gšw иногда может иметь детерминатив, в состав которого входят не только иероглифы хлеба, но и иероглиф, изображающий сосуд с напитком (см.: Н. Junker. Giza, III, p. 102, № 91, pp. 113—114; Giza, VII, pp. 78—79; ср.: K. Sethe. Dramatische Texte, II, p. 208).

III, 28 pšr 1 — „приношение pšr, 1“. — Слово pšr (phr), так же как и pšw и ḥḏt wdḥw (см. ниже III, 29, 31), в списках заупокойных приношений означает, по-видимому, жертвоприношение в целом, а не какое-нибудь специальное кушанье. См.: Н. Junker. Giza, III, p. 114; VII, pp. 78, 214.

III, 29 pḏ(w) 1 — „приношение pḏw, 1“. — Детерминатив (круглой формы) сильно поврежден.

III, 30 štp — „отборное“. К переводу см.: Н. Junker. Giza, XI, p. 60; III, p. 114; V, p. 40. Ср.: Wb. IV 336.14 sq. Как указывает Юнкер, слово štp в списках заупокойных приношений относится к обряду поднесения определенных блюд — гуся и мяса быка, именно передней ноги быка. На последнее указывает наличие в слове štp соответствующего детерминатива. Однако в случае употребления второго детерминатива — иероглифа, изображающего голову быка, допускается и более широкое толкование

слова *štp*; голова быка может стоять здесь как символ всего животного (см.: Н. Junker, *Giza*, XI, p. 60).

Юнкер указывает также, что слово *štp* появляется в списках заупокойных приношений Древнего царства только в поздний период V династии, стоит при этом после выражения *h̄t wd̄hw* (см. ниже, III 31) и обычно заканчивает список приношений. В публикуемом в настоящей статье списке, так же как и в ряде других списков на ахмиских саркофагах, термин *štp* стоит до выражения *h̄t wd̄hw*.

III, 31 *h̄t wd̄hw* — «лучшее (из того, что на) столе *wd̄hw*». *wd̄hw* — поставец, на который ставились кушанья и напитки; см.: Н. Junker, *Giza*, III, p. 114. Выражение *h̄t wd̄hw*, как указывалось выше, имеет в виду не какие-нибудь отдельные блюда, но всю совокупность блюд жертвенного стола. К *wd̄hw* см.: K. Sethe, *Dramatische Texte*, II, pp. 173—174. Иероглиф, передающий здесь (*Hwt* III, 31) слово *wd̄hw*, сильно поврежден и трудно решить, какая разновидность этого иероглифа изображена на публикуемом памятнике. Сравнение с разновидностями указанного иероглифа на других ахмиских саркофагах показывает, что на саркофаге *Hwt* слово *wd̄hw* передано либо иероглифом (поставец, пустой), либо, скорее, тем же иероглифом поставца со стоящими на нем сосудами (или какими-либо другими предметами): над верхней линией иероглифа можно различить слабые следы каких-то изображений. Знак или знаки, стоявшие под иероглифом , стерты настолько сильно, что невозможно их восстановить. Расположение слабых следов рисунка в самом низу, в последней графе списка, свидетельствует о том, что здесь (III, 31) была изображена такая же коленопреклоненная фигура, как и в остальных клетках данного списка приношений.

III, 32 *inj(t) c̄, šd dšrt, rdjt kb̄hw* (?). — Таковую транскрипцию группы знаков, содержащихся в клетке III, 32, заставляет нас дать то положение, которое занимает данная группа в публикуемом списке. Начиная с определенного, сравнительно позднего, времени периода Древнего царства (см.: Н. Junker, *Giza*, III, pp. 114—115), в конце списка заупокойных приношений появляются указания на некоторые из обрядов, выполнявшихся при торжественной церемонии «преподнесения» кушаний и напитков умершему и, по-видимому, первоначально не связанных с самим списком, обычно заканчивавшимся словом *štp* или выражением *h̄t wd̄hw* (см. выше). Сцены, на которых изображены персонажи, выполнявшие эти обряды, помещены в ряде гробниц непосредственно под списком заупокойных приношений или рядом с ним и примыкают к изображению умершего, сидящего за столом, уставленным яствами; рисунок каждого из этих персонажей сопровождается надписью, содержащей название соответствующего обряда (см.: Н. Junker, *Giza*, III, p. 104 sq.; A. M. Blackman, *The Rock Tombs of Meir*, Part V, tab. XXXIV, XXXVI; и др.). К названиям трех

из этих обрядов: *inj t rd* () — «стирание следа», *šd dšrt* (   ) — «разбивание красных горшков», *rdjt kb̄hw* (   ) — «давание прохладной воды»¹¹ мы предположительно и относим три последние группы знаков (III, 32) публикуемого списка.

Первая группа: .¹² Слово в значении «след (ноги)» существует в египетском языке и засвидетельствовано как в текстах Нового царства (*Wb* I 159.

¹¹ Различные варианты этих названий засвидетельствованы рядом списков заупокойных приношений (уже в гробницах Древнего царства). См., например: Н. Junker, *Giza*, VIII, tab. XXI; A. M. Blackman, *The Rock Tombs of Meir*, IV, tab. XVIII, 7; G. Jéquier, *Tombeaux de particuliers* . . . , tab. VI. О значении обряда «стирания следа» см. также: E. Otto, *Das ägyptische Mundöffnungsritual*, Teil II. Wiesbaden, 1960, p. 157 sq. (*Ägyptologische Abhandlungen*, Bd. 3), ср.: H. Nelson, *The rite of „Bringing the Foot“ as portrayed in Temple Reliefs*. „*Journal of Egyptian Archaeology*“, 35, London, 1949, p. 82—86.

¹² На публикуемом нами памятнике иероглиф является эквивалентом иероглифа и, по-видимому (поскольку можно судить по фотографии памятника), передает также слово *h̄nkt* (см. выше, III, 26).

4—5), так, по-видимому, и в текстах Среднего царства (Paul C. Smither. The Semnah Despatches. „Journal of Egyptian Archaeology“, 31, London, 1945, p. 6, nota 2).

Что касается иероглифа , который мы читаем здесь как *inj*, то к такому употреблению данного иероглифа (вместо обычного в приведенном контексте иероглифа)

можно указать параллель. В списке заупокойных приношений из мастабы K3jhrp^h (см.: Н. Junker. Giza, VIII, tab. XXI и fig. 56 после p. 116), которую Юнкер (p. 4) склонен относить к концу Древнего царства, название обряда *injt rd*

написано следующим образом: . Ср. также чередование иероглифов и в имени *ʔInk3f* (Древнее царство); см.: Н. Junker. Giza, VII, p. 96, nota 2.

Вторая группа: . К идеографическому употреблению иероглифа в данном контексте ср. детерминатив к выражению *šd dšrt* в „Текстах пирамид“ (§ 249b M:). К обряду „разбивания красных горшков“ в связи со списками заупокойных приношений см. заметки К. Зете и Э. Шотта (Zeitschrift für ägyptische Sprache, 63, 1927, pp. 101—102); Н. Junker Giza, III, pp. 109, 115; XI, p. 118; IX, pp. 22, 120 sq.; и др.

Третья группа: . Сохранившаяся верхняя часть первого знака (стоящего под детерминативом в слове *dšrt*) данной группы дает основание для восстановления *kbhw*. Иератический знак, расположенный на египетском оригинале слева от , напоминает знак, дважды фигурирующий в клетке II, 9 (*id3t dj h3-k hm-k3*) и являющийся иератическим эквивалентом иероглифа . Таким образом, группу   (под стоит плохо сохранившийся небольшой знак:) мы могли бы рассматривать как один из вариантов обряда *rdjt kbhw* („давание прохладной воды“), если наша транскрипция () группы знаков, расположенных на оригинале слева от , правильна и если можно было бы найти удовлетворительное объяснение такому расположению указанной группы знаков; к вместо

 ¹³ см.: Н. Junker. Giza, IX, pp. 38, 282; E. Edel. Altägyptische Grammatik, I, p. XXXV, § 112.

За клеткой III, 32 следует широкая 33-я клетка (см. выше, стр. 7), содержащая выполненную подлинными иероглифами строку с титулатурой и именем владельца саркофага, благополучное существование которой за гробом и должен был обеспечить

список приношений: *n hkr̄t n3swt w^ctt hm(t) n3r Hwjt* — „для единственного украшения царя, жрицы (богини) Хатор Хевит“.

¹³ Обычные написания: и т. п. Чередование и в различных списках заупокойных приношений имеет место и в выражении *dj h3-k* (в формуле *id3t dj h3-k hm-k3*).

М. А. ГЕЛЬЦЕР

ДРЕВНЕПАЛЕСТИНСКАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА КАК ВАЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Раскопки последних лет в Палестине добавили к имеющимся материалам немало нового по керамической эпиграфике древнеиудейского царства VIII—начала VI в. до н. э. Особенно следует отметить здесь эпиграфические находки из древнего Гибсона¹ (соврем. эль-Джиб), Рамат Рахэль,² по-видимому, древний Бэт ха-Керем (?),³ расположенный в 4 км от Иерусалима, на полпути к Вифлеему и Телль Гата,⁴ находящегося на полпути между Аскалоном и Хеброном.⁵

Данные археологии и керамической эпиграфики в сочетании с материалами библии и некоторых надписей и печатей помогают нам разобраться в ряде вопросов социально-экономической истории древней Иудеи конца VIII—начала VI в. до н. э., изучение которых до сих пор из-за отсутствия достаточного количества источников не ставилось.

На наш взгляд, древнеиудейскую керамическую эпиграфику рассматриваемого времени можно по формальным признакам подразделить на 3 группы. I — черепки

¹ J. B. Pritchard. 1) HISG; 2) More Inscribed Jar Handles from El-Jib. BASOR, № 160, 1960, pp. 2—6. См. также: М. Гельцер. Новые эпиграфические материалы из Гибсона. ВДИ, 1961, № 1, стр. 167—174.

² Y. Aharoni, A. Ciasca, G. Garbini, L. Y. Rahmani, P. Testini. Excavations at Ramat Raḥel (Seasons 1959 and 1960). Roma, 1962 (далее: Y. Aharoni, ERR); Y. Aharoni, A. Ciasca, M. Kochavi, P. Matthiae, L. Y. Rahmani, P. Testini. Excavations at Ramat Raḥel (Seasons 1961 and 1962). Roma, 1964 (далее: Y. Aharoni, ERR, II). См. также: S. Moscati, A. Ciasca, G. Garbini. Il Colle di Rachele. Roma, 1960, и ред. на эту работу М. Гельцера (ВДИ, 1962, № 4, стр. 174).

³ См.: Y. Aharoni, ERR, pp. 49—51; ERR II, pp. 122—124; S. Moscati. Riflessioni su Ramat Raḥel. ANLR, ser. VIII, vol. XVI, fasc. 7—12, (1961) 1962, pp. 255—260. В Библии такого названия местности нет, но встречается в „A Genesis Apocryphon“ (N. Avigad, Y. Yadin. A Genesis Apocryphon. Jerusalem, 1956 (табл. XXII, строки 13—14). Иную точку зрения, идентифицирующую Рамат Рахэль с названием Бэтгере, встречающимся в средневековой грузинской литературе, см.: G. Garbini. Sul nome antico di Ramat Raḥel. RSO, vol. 36, 1961, № 3—4, pp. 199—205.

⁴ Sh. Yeivin. First Preliminary Report on the Excavations at Tell „Gat“ (Tell Sheykh 'Ahmed el-Areun). Seasons 1956—1958. Jerusalem, 1961; данные о раскопках 1959—1960 гг. см.: IEJ, IX, 1959, № 4, pp. 269—271; X, 1960, № 2, pp. 122—123; см. также обзорную статью: A. Ciasca. Tell Gat. OA, I, 1962, № 1, pp. 23—39.

⁵ Современное название холма — Телль Гат было ему дано из-за ошибочной его идентификации Олбрайтом в 1921 г. с Гатом Филлистимским. Раскопки же выяснили, что слои I тысячелетия до н. э. являются иудейскими и к филлистимлянам отношения не имеют.

(острака) с выцарапанными или написанными чернилами на них надписями,⁶ II — надписи, выцарапанные на сосудах (или ручках сосудов), III — оттиски печатей (клейма) на сосудах. Разберем каждую из них.

I. Сюда относятся острака, найденные в Телль Касиле в южной Палестине, изданные Б. Майзлером (Мазаром).⁷ Из них первый является не полностью сохранившимся донышком амфоры. Сохранившаяся часть надписи читается:

1) lmlk 'l...⁸ 2) šmn wm'h. 3) [ʾ]ḥ'yh.

Перевод. 1) „Царю (или „царские“)... 2) масла и 100. 3) [А]х'ия“. Возможно, что это была какая-то памятка, сделанная сборщиком налогов. Другая надпись гласит:

1) zhb. 'fr. lByṭhrn. 2) š≡.

Перевод. 1) „Золото Офирское⁹ для Бэт Хорона.¹⁰ 2) С(иклей)¹¹ 30“. По-видимому, в данном сосуде находилось золото,¹² предназначенное для селения Бэт Хорон, или для его администрации, или же для каких-то работ или их оплаты. Вполне возможно, что в обоих случаях мы имеем дело с официальными надписями. Датируются они палеографически VIII в. до н. э. Сюда же относится надпись чернилами на остраконе конца VII в. до н. э. из Мецад Хашавяху¹³

1) ...n]tšb^cl. 2)]šql 'rb^c ksp^lšy.

Перевод. 1) „...Не]тацба^cал (или [Не]тацба^cала, [Не]тацба^cалу). 2) ...] сиклей 4 серебра (царского),¹⁴ подарок“.

⁶ Острака, содержащие письма и юридические документы, не следует относить к керамической эпиграфике.

⁷ B. Maisler. Two Hebrew Ostraca from Tell Qasile. JNES, vol. X, 1951, № 4, pp. 265—267; S. Moscati. L'epigrafia ebraica antica (1935—1950). Roma, 1951 (далее: Moscati, EEA), p. 113, № 10—11, tab. XXXI, 7—2.

⁸ Возможно 'l[ʾ]f — „тысяча“.

⁹ Речь идет о привозном золоте из страны Офир ('Öfir), упоминаемой также и в библейских текстах, описание событий в которых относятся ко времени, начиная с X в. до н. э. (I Reg. 9, 28; 10, 11; 22, 49; 2 Chr. 8, 18; 9, 10; 29, 4; Jes. 13, 12 и др.). Локализация Офира точно не выяснена. Возможно, Южная Аравия или Восточная Африка (см.: Р. Хенниг. Неведомые земли, I. М., 1961, стр. 49—61).

¹⁰ Название ряда древнепалестинских населенных пунктов (Jos. 16, 3; 21, 22; I Reg. 9, 7; 2 Chr. 8, 5 и др.).

¹¹ š — сокращенное обозначение для слова šqlym — „сиклей“; ≡ знак для числа 30 (см.: Y. Yadin. Ancient Judaean Weights and the Date of the Samaritan Ostraca. SH, 1961, pp. 9—25).

¹² Можно также предположить, что остракон является чем-то вроде сопроводительного письма или „накладной“ к данному золоту.

¹³ J. Naveh. More Hebrew Inscriptions from Me'ad Hashavyahu. IEJ, XII, 1962, № 1, p. 30.

¹⁴ Относительно объяснения знака как скорописной формы стилизованной иудейской царской эмблемы см.: Y. Yadin. Ancient Judaean Weights..., pp. 9—25; см. также: И. Ш. Шифман, ЭВ, XVI, 1963, стр. 28, — где данный текст понимается как запись о пожертвовании в пользу храма Яхве в Иерусалиме.

II. Далее следуют надписи, выцарапанные на сосудах или же сохранившиеся на черепках, о которых можно сказать, что они в любом случае относятся к сосуду.

1. Надпись *bt lmlk* — „царский бат“. Из Лахиша, VII в. до н. э., сохранилась на верхней части амфоры.¹⁵ Подобная же надпись есть также на амфорной ручке из Телль эн-Нацбе (древняя Мицпа) того же периода.¹⁶ Следовательно, можно определенно заявить, что в Иудее рассматриваемого времени царская власть контролировала хотя бы часть мер и весов и данная надпись обозначала объем тары, на которой она была выцарапана.¹⁷

2. Сосуды с именем их владельца. Сперва приведем целые или восстановленные экземпляры. Таковыми являются: а) „амфора“ из Телль Гата с надписью *l Yhz⁷*;¹⁸ здесь, по всей вероятности, мы имеем ипкористикон от имени *Yhz[yhw]*, и надпись следует переводить: „Принадлежащий Йахез(ии)“;¹⁹ б) надпись на сосуде, сделанная до его обжига („амфоре“) из Азора;²⁰ надпись читается *lšlmu*, и ее следует понимать как „принадлежащий Шеломи“²¹ (табл. I, J); в) надпись на плече амфоры из Эн-Геди *l Ptyhw* — „принадлежащий Путияху“.²²

Палеографически обе надписи относятся к VII—началу VI в. до н. э. Помимо этих двух имен на целых сосудах, мы имеем еще ряд подобных же надписей на фрагментах сосудов, например:

а) черепок, остаток верхнего края сосуда, из Мецад Хашавяху (нынешний Израиль), который по палеографическим и археологическим данным следует отнести к последней трети VII в. до н. э.²³ На нем выцарапана надпись (табл. I, 2) *l Ḥšbyhw bn Y[...]* „принадлежащий Хашавяху, сыну Я[...];“ б) надпись на остраконе — 1) *ʾyhw*. 2) *Ḥsyhw* — „Ахияху, (сына) Хасадяху“ из раскопок в Рамат Рахэль (табл. I, 3);²⁴ надпись также дати-

¹⁵ Moscati, EEA, p. 111, № 2, tab. XXIX, 2. Бат равнялся примерно 22,5 л (см.: R. B. Y. Scott. *Weights and Measures of the Bible*. BA, XXII, 1959, № 2, pp. 22—39).

¹⁶ Moscati, EEA, p. 112, № 6, tab. XXX, 7. Однако правильное чтение *bt lml[k]* установлено Н. Авигадом впоследствии (N. Avigad. *Another bat le-melek Inscription*. IEJ, III, 1953, № 2, pp. 121—122). Фрагмент сосуда, где сохранилось лишь слово *bt*, см.: W. F. Albright. *The Excavation of Tell Beit Mirsim, III. The Iron Age*. New Haven, 1943, p. 59, tab. 60, 2.

¹⁷ См.: М. Гельцер. ВДИ, 1961, № 1, стр. 171—172.

¹⁸ A. Ciasca. *Tell Gat*, p. 38, tab. IX, 72.

¹⁹ Ср.: *Ezr.* 10, 15 *Jaḥ⁷zjā*.

²⁰ M. Dothan. *An Inscribed Jar from Azor*. „*Atiqot*“, III, 1961, pp. 181—184. Как правильно указывает издатель текста, во второй половине VII в. до н. э. данный район, ранее входивший в состав северного — Израильского царства, был включен в состав Иудеи.

²¹ По-видимому, и здесь ипкористикон. *š⁷lomī* встречается в Библии только один раз (Num. 34, 27). Более распространенным было имя *šelemyā(hū)*.

²² См. предварительное сообщение: IEJ, XII, 1962, № 2, стр. 146, — автор не указан.

²³ J. Naveh. *A Hebrew Letter from the Seventh Century B. C.* IEJ, X, 1960, № 3, pp. 129—139; рассматриваемый черепок на стр. 136—137, рис. 2. Надо помнить, что до второй трети VII в. включительно побережье Палестины находилось под господством Ассирии; см. также: И. Д. Амусян, М. Гельцер. Надпись из „Мецад Хашавяху“. ВДИ, 1963, № 3, стр. 118—125; И. Ш. Шифман. Новые материалы к характеристике социальной структуры иудейского государства. ЭВ, XVI, 1963, стр. 21—28.

²⁴ Y. Aharoni, ERR, pp. 15—16, fig. 14, 7, tab. 10, 7. Имя *ʾAḥījā(hū)* встречается часто как в Библии, так и в эпиграфических памятниках; *Ḥasadjā* встречается в Библии только

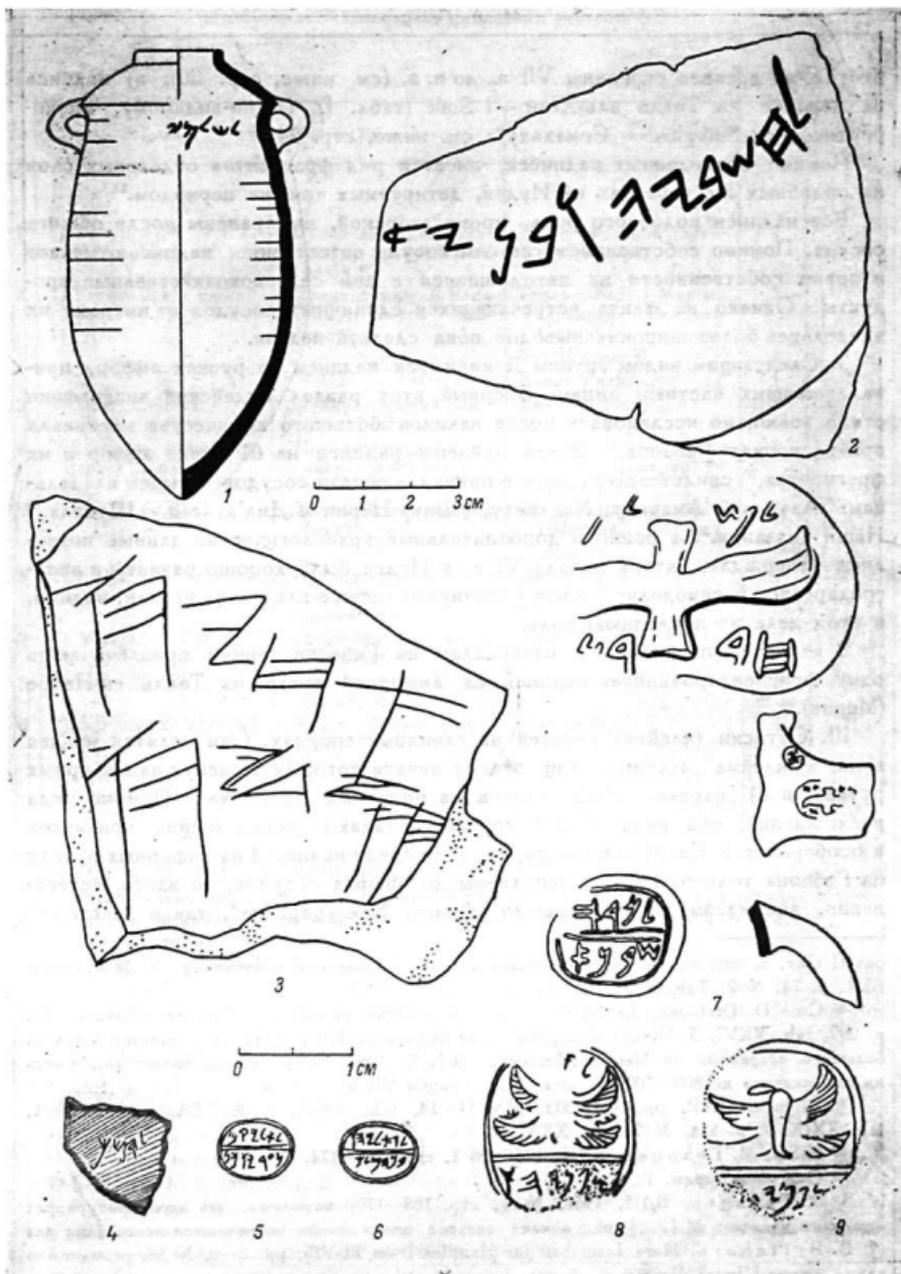

Табл. I. Надписи и клейма на древнепалестинской керамике.

1 — надпись на сосуде из Азора; 2 — надпись на черепке сосуда из Мецуд Хашваву; 3 — надпись на остроконе из Рамат Рахель; 4 — надпись на черепке из Тель-эль-Хези; 5 — амфорное клеймо „Завкима, слуги Иовахия“; 6 — амфорное клеймо „Гольяху, царского сына“; 7 — амфорное клеймо „Нери(ху), (сына) Шебим“; 8 — амфорное клеймо „Семяхи, (сына) Цэфани“; 9 — амфорное клеймо „Цэфани(ху)“.

руется не древнее середины VII в. до н. э. (см. ниже, стр. 30); в) надпись на черепке из Телль эль-Хези — l Smk (табл. I, 4) (по-видимому, ипокрестикон от Smkhw — „Семахяху“; см. ниже, стр. 24).²⁵

Помимо приведенных надписей, имеется ряд фрагментов отдельных слов на подобных же черепках из Иудеи, датируемых тем же периодом.²⁶

Все надписи подобного рода, кроме азорской, выдарапаны после обжига сосуда. Помимо собственности на сам сосуд, естественно, надпись отмечает и право собственности на находившиеся в нем сельскохозяйственные продукты. Однако из факта встречающихся единичных сосудов с именами их владельцев более широких выводов пока сделать нельзя.

3. Следующим видом группы II являются надписи на ручках амфор, принадлежавших частным лицам. Впервые этот раздел иудейской эпиграфики стало возможно исследовать после находок большого количества материала при раскопках Гибеона.²⁷ Здесь найдены надписи на 61 ручке амфор и их фрагментах,²⁸ свидетельствующие о принадлежности сосудов четырем владельцам: Азаряху, Амаряху, Хананяху, (сыну) Нерии и Дм'а, (сыну) Шубэла.²⁹ Наши указания,³⁰ а равно и дополнительные археологические данные позволяют утверждать, что в начале VI в. в Иудее были хорошо развиты виноградарство, и виноделие³¹ и что упомянутые четыре владельца играли, видимо, в этом деле не последнюю роль.

В качестве параллели к материалам из Гибеона можно привлечь лишь одну фрагментированную надпись на амфорной ручке из Телль ен-Нацбе (Мицпа).³²⁻³³

III. Оттиски (клейма) печатей на глиняных сосудах. Они делятся на два вида: а) клейма „частных“ лиц, оттиск печати которых оттиснут на амфорных ручках, и б) „царские“ (lmlk) клейма на подобных же ручках. Помимо ряда расхождений, оба вида данной группы обладают рядом общих признаков и особенностей. Следует помнить, что если среди надписей на амфорных ручках из Гибеона только 4 были исполнены до обжига сосудов, то здесь, естественно, все клейма поставлены до обжига. Как „царские“, так и „частные“

раз (I Chr. 3, 20), однако Hsd' встречается в эпиграфических памятниках (S. Moscati, EEA, p. 74, № 2, Tab. XVI, 3).

²⁵ См.: D. Deringer. Le iscrizioni antico-ebraiche palestinesi. Firenze, 1934. (IAP), p. 299, tab. XXVI, 5. Чтение S сомнению не подлежит. Именно такое S имеется в тексте большого остракона из Мецад Хашавяху (IEJ, X, 1960, № 3). Это позволяет датировать на нем надпись не 800—700 гг. до н. э., а концом VII в. до н. э.

²⁶ Deringer, IAP, pp. 300—302, №№ 11—14, tab. XXVI, 6—9; EEA, p. 111, № 1, tab. XXIX, 7, p. 114, № 2, tab. XXXI, 4.

²⁷ HISG; М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 167—174.

²⁸ См. выше, прим. 1.

²⁹ М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 168—170; возможно, что здесь фигурирует еще один владелец М [...] lwh, однако остатки этого имени встречаются всего один раз (J. B. Pritchard. More Inscribed Jar Handles from El-Yib, pp. 2—6, № 58, — возможно также чтение [']m[r] yhw).

³⁰ М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 168—170.

³¹ J. B. Pritchard. 1) The Wine Industry at Gibeon. 1959. Discoveries, „Expedition“ II, № 1, 1959; 2) Industry and Trade at Biblical Gibeon. BA, XXIII, 1960, № 1, p. 23—29.

³²⁻³³ S. Moscati, EEA, p. 115, № 5, tab. XXIX, 5: jñyw wł smk.

Таблица 1

№	Клейма	Перевод	Место находки	Количество	Итого
1	1) l'hzyh[w]. ³⁴ 2) Mtnyh[w].	„Принадлежащий Ахазях[у], (сыну) Маттанях[у]“.	Тель еи-Нацбе (древняя Мицпа).	1	1
2	1) l'yqm. 2) n ^c r Ywkn ³⁵ (табл. I, 5).	„Принадлежащий Эльякиму, слуге Иоахина“.	Тель Бейт Мирсим (древний Кирьят-Сефер). ³⁶ Бэт Шемеш. ³⁷ Рамат Рахэль. ³⁸ Бэт Шемеш. ⁴⁰	2 1 1 1	4
3	1) IBky. 2) Šlm.	„Принадлежащий Бкй, ³⁹ (сыну) Шаллума“.	Бэт Шемеш. ⁴⁰	1	1
4	1) ! G'lyhw. 2) bn hmlk. (табл. I, 6).	„Принадлежащий Гоэляху, царскому сыну“. ⁴¹	Хирбэт эт-Тубейка (древний Бэтцур). ⁴²	1	1
5	1) Hws ^c . 2) Šfn.	„Хошеи, (сына) Цефан (яху)“.	Тель эль-Джудейде ⁴³ (Шефела). Лахиш. ⁴⁴ Бэт Шемеш. ⁴⁶	2 3 1	5
6	1) l Hsd'. 2) Yrmyhw.	„Принадлежащий Хасди (яху), ⁴⁵ (сыну) Иереми“.	Бэт Шемеш. ⁴⁶	1	1
7	1) Yhwḥl. 2) Šḥr. ⁴⁷	„Иехохайла (сына) Шахара“. ⁴⁸	Рамат Рахэль. ⁴⁹	3	3
8	1) l Ks'. 2) Zk'.	„Принадлежащий Кс' (сыну) Эк“.	Бэт Шемеш. ⁵⁰	2	2
9	1) K[r]my. 2) Yfyh[w].	„Карми, (сына) Иофия [ху]“. ⁵¹	Лахиш. ⁵²	1	1

³⁴ EEA, p. 81, № 1, tab. XVIII, 10.

³⁵ Относительно орфографии и датировки этого клейма ±597 г. до н. э. и термина n^cr — „слуга“ в данном контексте см.: М. Гельдер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 173—174.

³⁶ IAP, p. 119, tab. XIV, 77.

³⁷ Там же.

³⁸ Y. Aharoni, ERR, p. 59; ERR, II, p. 33, fig. 37, 6, tab. 40, 4.

³⁹ Этимология имени неясна.

⁴⁰ IAP, p. 120, № 10a; EEA, p. 83, № 10a, tab. XIX, 7.

⁴¹ См.: М. Гельдер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 173—174.

⁴² IAP, p. 119, tab. XIV, 72.

⁴³ Там же, № 4, табл. XIV, 4—5.

⁴⁴ EEA, p. 75, № 10, tab. XVI, 10.

⁴⁵ См. выше остракон из Рамат Рахэль.

⁴⁶ EEA, 74, № 2, tab. XVI, 3.

⁴⁷ Var. Yhwḥyl Šḥr.

⁴⁸ Yhwḥyl известно только в качестве отчества на одной северопалестинской печати (D. Diring, IAP, p. 200, № 26), I Chr. 8, 26 — Šḥarja.

⁴⁹ Y. Aharoni, ERR, p. 48, fig. 31, 2—3; tab. 27, 1—2, ERR, II, p. 33, fig. 37, 7; tab. 40, 5.

⁵⁰ EEA, p. 75, № 8, tab. XVI, 8; оба имени встречаются впервые.

⁵¹ Yofiyahu, — такое теофорное имя в Библии не засвидетельствовано.

⁵² EEA, p. 80, № 23, tab. XVIII, 5.

Таблица 1 (Продолжение)

№	Клейма	Перевод	Место находки	Количество	Итого
10	1) Mḥm. 2) Yḥbnh. ⁵³	„Менахема, (сына) Иохабны“. ⁵⁴	Тель эль-Джудейде. ⁵⁵	1	} 4
			Рамат Рахаль. ⁵⁶	1	
			Бэт Шемеш. ⁵⁵	2	
11	1) Mšlm. 2) 'ḥmlk.	„Мешуллама, (сына) Ахимелеха“.	Лахиш. ⁵⁷	7	7
12	1) l Mšl. 2) m'lntn.	„Принадлежащий Мешулламу, (сыну) Эльнатана“.	Гибеон. ⁵⁸	1	1
13	1) l Nḥm. 2) Ḥšlyhw.	„Принадлежащий Нахуму, (сыну) Хициляху“.	Лахиш. ⁵⁹	1	} 2
			Гибеон. ⁶⁰	1	
14	1) l Nḥm. 2) ḥbdy.	„Принадлежащий Нахуму, (сыну) ḥАбди“.	Тель Саидханна ⁶¹ (Мареша, Шефела).	1	} 8
			Лахиш. ⁶²	7	
15	1) l Nr'. 2) Šbn'. ⁶³	„Принадлежащий Нер (ияху), (сыну) Шебны“.	Рамат Рахаль (табл. I, 7).	1	1
16	1) l S[m]ky. 2) Šfn[yhw] (табл. I, 8).	„Принадлежащий Семехи, (сыну) Цефании (или Цефан) (яху).“	Лахиш. ⁶⁴	1	1
17	1) l ḥbd. 2) y.	„Принадлежащий ḥАбди (яху).“	Лахиш. ⁶⁵	1	1
18	1) l ḥzr. 2) Ḥgy.	„Принадлежащий ḥАзар (яху), (сыну) Хаггая“.	Тель Закарье ⁶⁶ (Шефела, древняя Азка).	1	1
19	1) l Pnbn. 2) Yḥny.	„Принадлежащий Пнбну, (сыну) Йхий“.	Лахиш. ⁶⁷	1	1

⁵³ Var. 1) Mḥm, 2) Ywbnh см.: J. Aharoni, ERR, p. 18, fig. 14, 3; tab. 6, 4.

⁵⁴ IAP, № 6, tab. XIV, 8; S. Moscati, EEA, p. 82, № 6.

⁵⁵ EEA, p. 74, № 4, 5, tab. XVI, 5.

⁵⁶ См. прим. 53.

⁵⁷ EEA, p. 76, № 11, tab. XVI, 11—13.

⁵⁸ HISG, pp. 27—29, № 5.

⁵⁹ EEA, p. 78, № 18, tab. XVIII, 7. Правильность чтения подтверждается Гибеонским экземпляром.

⁶⁰ HISG, pp. 27—29, № 2.

⁶¹ IAP, p. 120, № 7, tab. XIV, 7.

⁶² EEA, p. 77, № 14, tab. XVII, 3—4.

⁶³ Y. Aharoni, ERR, pp. 16—17, fig. 14, 2; tab. 6, 2. Имя Нера известно только из надписей Гибеона (см.: М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 168—169); в полной форме Nēriya(hū) имя это встречается: Jer. 32, 12; 36, 14 и др. Šbn' см. также: Jes. 22, 15; II Reg. 18, 37; полная форма Šbny(hw) см.: I Chr. XV, 24 и др., а также на оттисках печатей (см. ниже).

⁶⁴ EEA, p. 81, № 29, tab. XVIII, 8.

⁶⁵ Там же, стр. 77, № 15, табл. XVII, 5.

⁶⁶ IAP, p. 119, № 2, tab. XIV, 2.

⁶⁷ EEA, p. 79, № 22, tab. XVIII, 4.

Таблица 1 (продолжение)

№	Клейма	Перевод	Место находки	Количество	Итого
20	1) l ṣdq. 2) Smk.	„Принадлежащий Цидки (яху), (сыну) Семах (яху)“.	Бэт Шемеш. ⁶⁸	1	1
21	1) ṣfn ^c . 2) c ^z ryhw.	„Цефан (яху), (сына) c ^z Азаряху“.	Лахиш. ⁶⁹ Бэт Шемеш. ⁷⁰ Гибеон. ⁷¹	3 1 1	} 5
22	1) l ṣfn'. ⁷² 2) l ^c ṣ.	„Принадлежащий Цефан (яху), (сыну) Л ^c ц“.	Азeka.	1	
23	1) ṣfny[hw].	„Цефани (яху)“ (таб. I, 9).	Лахиш. ⁷³	1	
24	1) l Rft ^y . 2) Yhw'l.	„Принадлежащий Рфти, (сыну) Иехозла“.	Тель эс-Сафи ⁷⁴ (Шефела).	1	1
25	1) Šbnyhw. 2) c ^z ryhw.	„Шебанияху, (сына) c ^z Азаряху“.	Тель эль-Джудейде. Тель-Сандхана ⁷⁵ (Мареша). Лахиш. ⁷⁶	1 2 1	} 4
26	1) l Šbn. 2) 'Šḥr.	„Принадлежащий Шебне, (сыну) Шахара“. ⁷⁷	Лахиш. ⁷⁸ Мицпа (Тель эи-Нацбс). Рамат-Рахэль. ⁷⁹	1 3 2	
27	1) l Šwk. 2) h Šbn. 3) '.	„Принадлежащий Сохо, ⁸⁰ (сыну) Шебны“.	Лахиш. ⁸¹	2	2
28	1) l Šlm. 2) 'ḥ'.	„Принадлежащий Шаллуму, (сыну) Аха (яху)“.	Тель эль-Джудейде. ⁸² Неизвестно откуда. ⁸³	1 1	} 2
29	1) l Šlmh. 2) 'ḥsmk.	„Принадлежащий Шелеми, ⁸⁴ (сыну) Ахисамаха“.	Лахиш. ⁸⁵	1	

⁶⁸ Там же, стр. 74, № 6, табл. XVI, 6.⁶⁹ Там же, стр. 73, № 1, табл. XVI, 1—2.⁷⁰ Там же, стр. 74, № 3, табл. XVI, 4 (var. 1) ṣfn. 2) c^zry.).⁷¹ HISG, pp. 27—29, № 4; 1) [ṣpn^c], 2) zry[hw].⁷² IAP, p. 119, № 3, tab. XIV, 3.⁷³ EEA, p. 81, № 30, tab. XVIII, 9; возможно, что сохранилось лишь отчество.⁷⁴ IAP, p. 119, № 1, tab. XIV, 1.⁷⁵ Там же, № 5a, b, c; tab. XIV, 6—7.⁷⁶ EEA, p. 79, № 20, tab. XVIII, 3; только 1) Šbnyḥ. 2) [. . .].⁷⁷ См. прим. 48.⁷⁸ EEA, p. 78, № 16, tab. XVII, 6—9.⁷⁹ Y. Aharoni, ERR, II, fig. 37, 2—3; tab. 40, 2—3.⁸⁰ В качестве им. собств. Šbkō см.: I Chr. 5, 18.⁸¹ EEA, p. 78, № 17, tab. XVII, 10—11.⁸² EEA, p. 83, № 9c, tab. XIX, 3.⁸³ Там же, № 27, табл. XIX, 2.⁸⁴ Вряд ли имя Šlmh надо здесь читать как „Соломон“ — Š^clomō, — встречающееся только по отношению к царю Соломону. Скорее здесь Шелеми(ху) — Selemjā(hū) (Jer. 37, 3, 13; 38, 1 и др.).⁸⁵ EEA, p. 76, № 13, tab. XVII, 2.

Таблица 1 (продолжение)

№	Клейма	Перевод	Место находки	Количество	Итого
30	1) l Tnh. 2) Mgn.	„Принадлежащий Танхуму, ⁸⁶ Мги а. ⁸⁷ (смыну)	Лахиш. ⁸⁸ Гибсон. ⁸⁹	7 1 1	} 9
			Рамат Рахэль. ⁹⁰	1	
31	1) l Tnh. 2) m Ngb.	„Принадлежащий Танхуму. (смыну) Нгб'а“. ⁹¹	Бэт Шемеш. ⁹² Гибсон. ⁹³	1 1	} 2

клейма найдены в Рамат Рахэль и относятся к одному и тому же отрезку времени, который заканчивается падением Иудейского царства, начиная с середины VII в. и кончая 587/6 г. до н. э. Отметим также, что, хотя нам известны находки подобных клейм приблизительно из 20 мест древней Иудеи, ни одно такое клеймо не найдено на территории северной Палестины, т. е. Израильского царства. Таким образом, очевидно, что все они относятся ко времени после 722 г. Оба вида не имеют также никаких палеографических различий.^{85а}

Касаясь „частных“ клейм, надо особо отметить, что многие из них найдены более чем в одном месте и в нескольких экземплярах. Проиллюстрируем этот существенный фактор таблицей известных нам на настоящее время „частных“ клейм (табл. 1).

Приведенная выше табл. 1 дает возможность сделать некоторые выводы.⁹⁴ Из 81 клейма, которые принадлежали 31 владельцу и носили их имена, клейма 15 владельцев, т. е. почти 50%, известны не в одном экземпляре; 11 из них, т. е. более трети общего числа, найдены не в одной географической точке, и среди них 6 найдены даже в трех местах. Несомненно, что такое явление не случайно: керамика, принадлежавшая владельцам клейм, а следовательно,

^{85а} Y. Aharoni, ERR, p. 60; G. Garbini. Campagna di scavi dell' Università di Roma a Ramat Rahef (Israele). OA, I, 1962, № 1, p. 139 (раскопки 1961 г.).

⁸⁶ Имя это, часто встречающееся в восточной литературе, встречается в Библии только в форме Tanhumet (II Reg. 25, 23; Jer. 40, 8).

⁸⁷ EEA, p. 76, № 12, tab. XVII, 7.

⁸⁸ EEA, p. 76. Может быть Mth, однако чтение подтверждается клеймом из Гибсона; возможно, ипокористикон от Mgnuyh — имени, в источниках не засвидетельствованного.

⁸⁹ HISG, pp. 27—29, № 8.

⁹⁰ Aharoni, ERR, II, p. 32, fig. 37, 5; tab. 40, 5.

⁹¹ Этимология слова неясна.

⁹² EEA, p. 73, № 7, tab. XVI, 7.

⁹³ HISG, pp. 27—29, № 3. В настоящую таблицу не включены наилучшим образом сохранившиеся клейма, не имеющие параллельных экземпляров: 1) ... 2) 'lsm^c — ERR, p. 18, fig. 14, 4; tab. 6, 7; 1) ... 2) tbr' — ERR, p. 19, fig. 14, 5; tab. 6, 3; 1) Štl, 2) ... — ERR, p. 44, fig. 31, 7; tab. 27, 3; 1) ... m 2) ... l ... — ERR, II, p. 61, и др.

⁹⁴ Датировка клейм сравнительно коротким периодом и повторения тех же имен или отчества на печатях разных лиц заставляют нас отказаться от ранее практиковавшейся попытки построения генеалогической таблицы владельцев клейм (EEA, pp. 72—73).

и их дела простирались за пределы одного города или местности. По аналогии с выцарапанными надписями на амфорных ручках из Гибсона⁹⁵ можно предположить, что и здесь мы имеем дело с вином (или маслом), предназначенным на продажу; очевидно, что владельцы данной тары являлись крупными землевладельцами. То, что клейма поставлены до обжига, свидетельствует о том, что посуда изготовлялась специально по заказу ее владельцев, а обнаружение керамики одного владельца в ряде мест говорит о весьма широком распространении его торговли или же о наличии его земельных владений в разных местах древней Иудеи. В то же время пример новейших раскопок в Рамат Рахэль, где среди клейм с именами 6 их владельцев лишь клейма 2 владельцев (Yhwł Šhr и Nr' Šbn') оказались обнаруженными впервые, может быть, говорит и о том, что основная масса владельцев древнеиудейских частных клейм нам уже известна. Наличие клейм „Эльякима, слуги Йоахина“ и „Гоэляху, царского сына“ (табл. I, 5—6) говорит дополнительно о том, что здесь, хотя бы частично, встречаются люди, относящиеся ко двору, которые обычно связаны с крупным землевладением.⁹⁶ Подавляющее большинство клейм не имеет никаких символов. Однако на двух таковых из Лахиша — №№ 16, 23⁹⁷ (табл. I, 8, 9) — изображена фигура, чрезвычайно напоминающая четырехкрылый скарабей, изображенный на „царских“ клеймах амфор (см. стр. 29). Это заставляет нас сделать вывод, что Семахия, (сын) Цефаняху, и Цефаняху были не только землевладельцами, но и царскими должностными лицами. Можно также предположить, что, хотя и на прочих „частных“ клеймах царские эмблемы отсутствуют, однако и здесь мы имеем дело с должностными лицами, т. е. с представителями служилой землевладельческой знати. Иначе было бы невозможно объяснить на одной и той же амфорной ручке наличие „царского“ клейма и „частного“ (INr' Šbn' — см. № 15; табл. I, 7). Однако для более удовлетворительного объяснения этого случая мы должны сперва рассмотреть „царские“ клейма.

Как известно, — это клейма амфорных ручек, принадлежавших к амфорам с 2 или 4 ручками. На верхней части клейма надпись lmlk — „принадлежащий царю, царский“. Далее следует царский символ (см. ниже, стр. 29). Под ним надпись, указывающая на одно из четырех мест (городов) древней Иудеи — Hbrn, Z(y)r, Šwkh, Mmšt.⁹⁸

Места находок таких клейм в древней Иудее показаны в табл. 2.⁹⁹

Такое большое количество „царских клейм“ позволяет нам здесь применить, хотя бы частично, статистические методы для их исследования. В це-

⁹⁵ М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 170.

⁹⁶ Там же. Возможно, что за это говорит также находка „частных“ клейм из Гибсона в сочетании с находившимся там виноделением.

⁹⁷ Номера даны по табл. 1.

⁹⁸ См.: М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 170—171. Относительно локализации этих пунктов см. ниже, стр. 32. В результате новых исследований по древней географии Палестины автор вынужден отказаться от принятой в своей вышеуказанной работе локализации, за исключением общепринятого „Хеброна“.

⁹⁹ Если это не оговаривается особо, количество клейм взято из работы: D. Diring er. The Royal Jar-Handle Stamps from Ancient Judah. BA, XII, 1949, № 4, pp. 70—86.

Таблица 2

№	Место находки	Древнее название	Количество
1	Тель эль-Джудейде.	Шефела.	37
2	Тель Сандхания.	Шефела Мареша.	17
3	Тель эс-Сафи.	Шефела.	6
4	Тель Закарье.	Шефела ^с Азека.	17
5	Тель эд-Дувейр.	Лахиш.	313
6	Тель ви-Нацбе.	Мицпа.	86
7	Тель эль-Румейлие.	Бэт Шемеш.	19
8	Эль-Джиб.	Гибеон.	88 ¹⁰⁰
9	Рамат Рахэль.	Бэт ха-Керем (?).	145 ¹⁰¹
10	Тель Гат.	?	14 ¹⁰²
11	Иерусалим (Офель).	?	15
12	Тель Газри.	Гезер.	Ок. 17
13	Тель эс-Султан.	Иерихон.	2
14	Тель эль-Фуль.	Гибея Саулова.	5 ¹⁰³
15	Хирбет ет-Тубейка.	Бетцур.	11
16	Хирбет Кила (сев.-зап. Хеброна).	?	2 ¹⁰⁴
17	Тель Бейт Мирсим.	Кирьят Сефер (Де-бир).	4
18	Хирбет эс-Самра. ¹⁰⁵	?	1 ¹⁰⁶
19	Манахат.	Манахат.	1 ¹⁰⁷
Итого . .			800 клейм

лом количественное соотношение „частных“ клейм к царским можно выразить как 1:10.

Как уже отмечено выше, на всех клеймах имела эмблема, несомненно царская. Она встречается 3 видов: а) скарабей с четырьмя крыльями (табл. II, 1—3); б) стилизация четырехкрылого скарабея (табл. III, 1—2); в) крылатый солнечный (табл. IV, 1—4) диск.¹⁰⁸ Разные типы этой эмблемы давали

¹⁰⁰ Помимо приведенных Притчардом (в работе HISG) восьмидесяти клейм, имеется сообщение о находке еще восьми (см.: J. B. Pritchard. *Industry and Trade at Biblical Gibeon*, BA, XXIII, 1960, № 1, p. 29).

¹⁰¹ Y. Aharoni, ERR, p. 47; ERR, II, p. 63.

¹⁰² Тель Шейх эль-Орейни; Sh. Yeivin. *First Preliminary Report...*, p. 9; 10 клейм; в 1959 г. найдено еще 4 клейма (IEJ, IX, 1959, № 4, pp. 269—271); А. Часка (А. Ciasca. *Tell Gat*, OA, I, 1962, № 1, стр. 38) сообщает без указания числа о находках 1960 г.

¹⁰³ L. A. Sinclair. *An Archaeological Study of Gibeah (Tell el-Fâl)*. AASOR, vol. XXXIV—XXXV (1954—1956), New Haven, p. 32, tab. XVII, 2, 6—9.

¹⁰⁴ E. Mader. *Mambre*, I. Freiburg, 1957, p. 206.

¹⁰⁵ Буке^са — северо-запад Иудейской пустыни.

¹⁰⁶ F. M. Cross and J. T. Milik. *Explorations in the Judaean Buq^сah*. BASOR, № 142, 1956, pp. 5—17.

¹⁰⁷ O. Negbi. *Tombs near Manaḥat Southwest of Jerusalem*. IEJ, XIV, 1964, № 1/2, p. 114.

¹⁰⁸ См.: М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, — с указанием соответственной литературы; P. W. Lapp. *Late Royal Seals from Judah*. BASOR, № 158, 1960, p. 11.

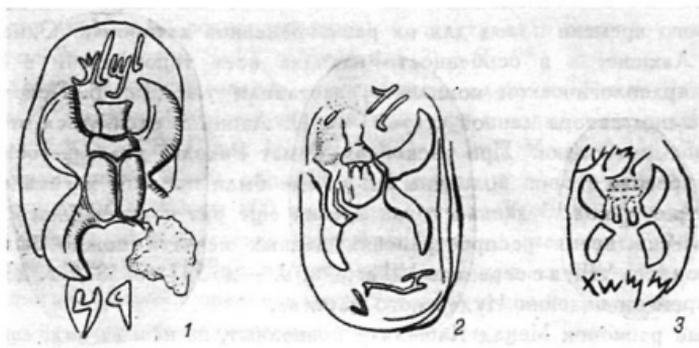

Табл. II. Клейма на древнепалестинской керамике (скарабей с четырьмя крыльями).

1 — «Царский Хеброн»; 2 — «Царский Зиф»; 3 — «Царский Ммît».

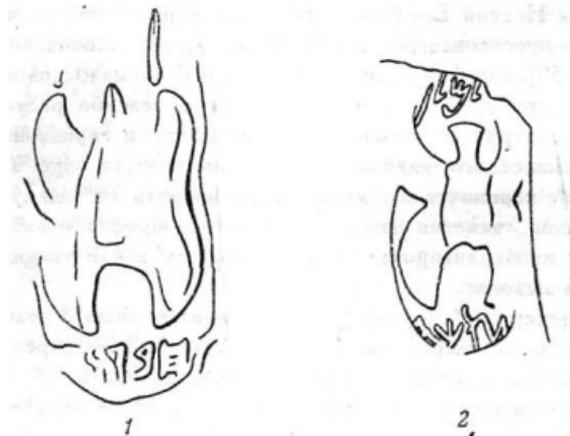

Табл. III. Клейма на древнепалестинской керамике (скарабей с четырьмя крыльями).

1 — «Царский Хеброн»; 2 — «Царский Сохо».

Табл. IV. Клейма на древнепалестинской керамике (крылатый солнечный диск).

1 — «Царский Хеброн»; 2 — «Царский Сохо»; 3 — «Царский Ммît»; 4 — «Царский Зиф».

до недавнего времени повод для их одновременной датировки. Однако раскопки в Лахише, а в особенности находка всех типов клейм в Гибеоне в едином археологическом комплексе, заставили уже Дж. Б. Притчарда,¹⁰⁹ а вслед за ним автора данной статьи¹¹⁰ и П. Лэппа¹¹¹ отказаться от их одновременной датировки. При раскопках Рамат Рахэль, являющегося памятником не древнее второй половины VII в., где были найдены клейма с эмблемой всех трех типов,¹¹² данная точка зрения еще раз подтвердилась, причем хронологически время распространения данных печатей можно было датировать не с конца VIII, а с середины VII в. до н. э. — до 597 или 587/6 г. до н. э.,¹¹³ т. е. до времени падения Иудейского царства.

Данные раскопок Мецад Хашавяху позволяют, на наш взгляд, еще более уточнить датировку рассматриваемых клейм. Как известно, этот археологический памятник датируется не ранее 628/7 г. до н. э., т. е. тем периодом, когда приморская полоса, находившаяся под властью Ассирии, подпала под иудейскую власть при царе Иосии.¹¹⁴ Существовали же здесь иудейская крепость и селение не позже чем до 609 г. до н. э., т. е. до разгрома иудейского царя Иосии Египтом.¹¹⁵ Все раскопанные до сих пор иудейские поселения, просуществовавшие до разгрома Иудеи Новоавилонским царством, т. е. до 597 или 586 г. до н. э., дали нам немало „царских“ керамических клейм, в то время как в течение двух сезонов раскопок в Мецад Хашавяху,¹¹⁶ несмотря на наличие здесь крепости и гарнизона, не найдено ни одного карамического клейма. Это заставляет нас еще занизить датировку „царских“ керамических клейм и датировать их между 609—587 гг. до н. э. П. Лэпп, заметив полное тождество шрифта и эмблем на целом ряде оттисков, проанализировал¹¹⁷ их и пришел к следующим интересным и убедительным выводам.

I тип (четырёхкрылый скарабей). Существовало лишь 3 экземпляра печатей, на которых были вырезаны, помимо слова lmlk — „царский, принадлежащий царю“, соответственно названия Hbrn, Zup, Mmšt.

II тип (стилизованый скарабей). Существовало 2 печати с надписью Hbrn и по одной с надписями Zp, Šwkh, Mmšt.

¹⁰⁹ HISG, p. 23.

¹¹⁰ М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 171.

¹¹¹ P. W. Lapp. Late Royal Seals from Judah, pp. 16—18.

¹¹² Y. Aharoni, ERR, p. 47; ERR, II, p. 63.

¹¹³ Там же, стр. 60. В свете сказанного совершенно бесспорными являются выводы Р. Феюе о том, что иудейские амфорные клейма восходят к середине VIII в. до н. э. (R. Feuillet. Les villes de Juda au temps d'Ozias. VT, XI, 1961, № 3, pp. 288—291).

¹¹⁴ F. M. Cross. Epigraphic Notes on Hebrew Documents of the Eighth-Sixth Centuries B. C. II. BASOR, № 165, 1962, p. 42.

¹¹⁵ II Reg. 23, 2; II Chr. 35, 20—23. См. также: F. M. Cross. Epigraphic Notes on Hebrew Documents. . . , p. 42; J. Naveh. A Hebrew Letter from the Seventh Century B. C., p. 139.

¹¹⁶ J. Naveh. 1) A Hebrew Letter from the Seventh Century B. C., pp. 129—139; 2) More Hebrew Inscriptions from Meṣad Hashavyahu, pp. 29—32.

¹¹⁷ P. Lapp. Late Royal Seals from Judah, pp. 11—22. В работу Лэппа не включены клейма из Рамат Рахэль и Тель Гата.

III тип (крылатый солнечный диск). Существовала одна печать со словом Hbrn , но 3 со словом Šwkh и Mmšt и 1 (3) с Zp .¹¹⁸

Подобное же исследование относительно клейм из Рамат Рахэль, проведенное И. Ахарони,¹¹⁹ установило наличие еще 6 конкретных печатей, оттиски которых найдены. Это lmlk Hbrn I типа и 2 lmlk Mmšt , 2 lmlk Hbrn и одна lmlk Zp III типа. Таким образом, нам известны 22 (24) экземпляра печати, которыми были клеймены 800 амфорных ручек. Вряд ли имеются основания предполагать, что количество известных печатей (не оттисков) в значительной мере увеличится. Все это является лишним свидетельством того, что подобное клеймение существовало в течение недолгого времени, и производилось оно очень незначительным количеством лиц.

Как известно, керамика с клеймами lmlk сделана из глины, происходящей из одной и той же геологической формации и, возможно, из одной и той же местности,¹²⁰ т. е. она сделана в одной или небольшом количестве близлежащих мастерских. При раскопках Лахиша удалось собрать две амфоры.¹²¹ Одна из них имела клеймо lmlk , а другая, того же размера, — „частное“ клеймо lšlmh 'hsmk .¹²² Как указывает П. Лэпп, нет никаких различий ни в типе, ни в обжиге, ни в глине обеих амфор. Найденная в Рамат Рахэль амфорная ручка (табл. I, 7), где рядом оттиснуто „царское“ клеймо lmlk Hbrn и „частное“ I Nr' Šbn ¹²³ лишний раз подтверждает, что керамика с „царскими“ и „частными“ печатями изготовлялась в одних и тех же мастерских.¹²⁴ Однако почему мы имеем только здесь единственный подобный случай среди 800 „царских“ клейм? Данный случай является исключением. На наш взгляд, единственным удовлетворительным объяснением может служить обстоятельство, что во время клеймения до обжига одну и ту же амфору по недоразумению клеймили обоими клеймами, не заметив при этом ошибки до самого конца процесса производства. Возникает вопрос, как могло случиться, что даже по недоразумению сюда могли попасть одновременно оба клейма? Это объясняется, по-видимому, тем, что, как указано выше, владельцы „частных“ клейм являлись царскими должностными лицами. По всей вероятности, в их руках и находились „царские“ печати, которыми они клеймили „царскую“ керамику.

Теперь важно установить назначение „царской“ керамики. Помимо изготовленной в одних и тех же мастерских как „царской“, так и „частной“ керамики, нам, как уже указывалось, известны также и надписи на амфорных ручках из Гибсона, и установлено, что они принадлежали крупным вла-

¹¹⁸ P. Lapp. *Late Royal Seals from Judah*, pp. 14—16; возможно, что для Zp III типа существовала только одна печать, а два других варианта являются лишь неясными ее оттисками.

¹¹⁹ Y. Aharoni, *ERR*, pp. 45—46; *ERR*, II, p. 34.

¹²⁰ EE, pp. 87—88; см. также: P. Lapp. *Late Royal Seals from Judah*. pp. 13—14; М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 172.

¹²¹ D. Diringer. *The Royal Jar-Handle Stamps...*, p. 72; М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 171.

¹²² P. Lapp. *Late Royal Seals from Judah*, p. 12; у автора опечатка — lšlmh .

¹²³ Y. Aharoni, *ERR*, p. 16, fig. 14, 2, tab. 6, 2.

¹²⁴ Там же, стр. 53—54.

дельцам виноградников.¹²⁵ К сожалению, до сих пор отсутствует подробное исследование керамики с надписями частных лиц из Гибсона и ее соотношение с клейменной керамикой.

Как уже отмечалось, „частные“ клейма на керамике свидетельствуют о том, что владельцы их были связаны с администрацией, двором и крупным землевладением, и, возможно, именно здесь мы имеем указание на крупное землевладение не местной знати, как в Гибсоне, а служилой. Это обстоятельство и проливает свет на назначение „царской“ керамики. Вероятнее всего, мастерские, где она изготовлялась наряду с керамикой с „частными“ клеймами, были царские. Приведенная выше надпись bt lmlk — „царский бат“, возможно, и говорит о том, что „царская“ керамика имела гарантированный объем.

Вдобавок к уже имевшимся точкам зрения относительно цели и назначения данных клейм¹²⁶ надо сказать, что если Hbrn локализуется точно, а Šwkh и Зур могут быть локализованы несколько спорно, то Mmšt до сих пор не локализуется.¹²⁷ Чтобы выйти из затруднения, Х. Л. Гинсберг еще в 1948 г. предложил понимать слово Mmšt как сокращение от mmšt — „правительственный, государственный“.¹²⁸ К этой же точке зрения присоединился И. Ахарони, считая, что слово Mmšt соответствует понятию lmlk Yršlm — „принадлежащий царю — Иерусалим“.¹²⁹ Однако эта точка зрения остается бездоказательной, ибо непонятно, почему название города Иерусалима, столицы Иудеи, должно быть передано иносказательно, в то время как другие города прямо названы.

Наиболее распространенной точкой зрения является та, что сосуды с клеймами lmlk на ручках предназначались для сбора царских податей. Однако, как нам известно, в Иудее второй половины VII в. было 12 податных округов,¹³⁰ а на клеймах фигурируют лишь 4 названия городов. Поэтому исследователи пытаются показать, что мелкие округа были объединены в более крупные. Так, И. Ахарони¹³¹ считает, что 1) Šwkh — „Сохо“ объединял 3 округа Шефелы; 2) Zyf — „Зиф“ — Негеб и 2 южных округа в Иудейских горах; 3) Хеbron — центр Иудейских гор; 4) Mmšt — северные горные округа Иудеи и пустыню к югу от Иерусалима. И. Ядин выдвинул совершенно новую и оригинальную теорию,¹³² что здесь не идет речь о сборе податей, а указаны 4 военных округа, созданных в интересах обороны страны и не совпадающих с административными. При этом автор предполагает, что

¹²⁵ М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 170; J. V. Pritchard, BA, XXIII, 1960, № 1, стр. 23—29.

¹²⁶ М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 170—174.

¹²⁷ Имеющиеся попытки локализации очень спорны; см.: М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 171; Sh. Yeivin. First Preliminary Report. . . , p. 11; автор локализует Mmšt в Шефеле.

¹²⁸ H. L. Ginsberg. MMŠT and MŠH. BASOR, № 109, 1948, pp. 20—22.

¹²⁹ Y. Aharoni. 1) ERR, p. 55, — memšlet/memšalt; 2) Mḥzwz Ysr'l wyhwdh. В сб.: „Вуму быт r'šwn“, Yrwšlym, 1961, pp. 110—131 (на яз. иврит, англ. резюме — стр. XII—XIII).

¹³⁰ A. Alt. Judas Gaue unter Josia. KSGI, II, 1953, pp. 276—288.

¹³¹ Y. Aharoni, ERR, p. 54.

¹³² Y. Yadin. The Fourfold Division of Judah. BASOR, № 163, 1961, pp. 6—12.

в сосудах собирались налоги, которые доставлялись в тот военный округ, на который указывает надпись на клейме. Содержимое сосудов должно было служить в качестве продовольственного запаса для гарнизонов крепостей.¹³³ Учитывая, что, помимо Хеброна, другие 3 пункта не были значительными городами, он считает их центрами военных округов. При этом он помещает Сохо в Шефелу, Хеброн в Иудейские горы, Зур в пустыню, а Mmšt — в Негеве. Так как указанные 4 пункта еще не раскопаны, а частично и не локализованы точно, все эти доказательства повисают в воздухе, тем более что, хотя исследователи в своих работах подсчитывают процент клейм с названием того или иного „города“ из упоминаемых 4 городов при раскопках того или иного объекта, но каждый раскопочный сезон существенно меняет процентное соотношение клейм. Вероятнее же всего, что в данных местностях находились царские керамические мастерские, а не царское хозяйство, как предполагала О. Туффель.¹³⁴ В то же время нельзя отбрасывать факта наличия царского земледельческого, в частности виноградарского, хозяйства в Иудее. Об этом свидетельствуют библейские источники. Так, I Chr. 27, 25—31 говорит нам об управлении царским земледельческим хозяйством. Хотя речь идет о хозяйстве царя Давида, однако вполне вероятно, что здесь отражена более поздняя его организация; в частности в стихах: 26 — „И над выполняющими полевые работы по обработке земли — Эри бен Келуб“; 27 — „И над виноградниками Шимс и из Рамы, а над тем, что в виноградниках, — над запасами вина, — Забди Шифмийский“; 28 — „И над масличными деревьями и смоковницами, которые в Шефеле Ба^салханан Гедерийский, и над запасами масла — Ио^саш“.¹³⁵

Наличие царского земледельческого хозяйства известно нам также из данных остракона последней трети VII в. до н. э. из Мецад Хашавяху.¹³⁶ Автор данного текста, жалобщик, обращается к князю (šr), т. е. царскому должностному лицу,¹³⁷ с жалобой по поводу злоупотребления некоего Хашавяху, по-видимому надсмотрщика, в то время когда он находился на жатве в Хацер Асае (в Ḥšr 'sm). Тот же текст упоминает также и его „собратьев“ ('ḥu) по жатве. Так как жалоба обращена к царскому должностному лицу и речь идет о работе целой группы лиц, можно заключить, что работа происходила в царском хозяйстве и выполнялась там в порядке повинности.¹³⁸ вполне вероятно, что одно из

¹³³ Автор статьи ссылается на II Chr. 11, 11; 17, 1 и 19 для подкрепления своих выводов. Правда, события, описываемые в этих текстах, относятся к X—IX вв., а не к VII в. до н. э.

¹³⁴ Автор данной статьи вынужден отказаться от принятой им ранее точки зрения О. Туффель (ВДИ, 1961, № 1, стр. 172—194); та же точка зрения у Лэпа.

¹³⁵ Далее, до стиха 31, следует перечисление скотоводческого хозяйства; см. также: I Sam. 8, 12, где, касаясь царя, Самуил говорит о „запашке его“ (hārišō) и „жатве его“ (q'širō).

¹³⁶ J. Naveh. A Hebrew Letter from the Seventh Century B. C., pp. 129—139; И. Д. Амушин, М. Гельцер, ВДИ, 1963, № 3, стр. 118—125.

¹³⁷ О термине šr в качестве царского должностного лица для VII в. до н. э. см.: II Chr. 28, 21; 29, 20; 30, 2, 6, 12, 24; 31, 8; 32, 3, 6; 33, 14; 34, 8; 35, 8; 36, 18; II Reg. 23, 8; 24, 12, 14; 25, 23 и др.

¹³⁸ На повинность по обработке царской земли указывает также и антимонархическая речь Самуила (I Sam. 8, 12 сл.), относящаяся к событиям XI в. до н. э., но записанная

царских виноградарских и винодельческих хозяйств находилось в районе Гибеона, на что, очевидно, указывают раскопанные погребки и давилы. Возможно, что царское хозяйство находилось и вокруг Рамат Рахэль. Доказать этого пока нельзя, однако если согласиться с мнением И. Ахарони и С. Москати (см. стр. 18), что в древности это место называлось Бэт ха-Керем (дом виноградаря), то это может быть и так. Царское земледельческое хозяйство находилось также в районе современного Мецад Хашавяху. Вполне вероятно, что население окрестных селений несло повинности в царском хозяйстве. Таким образом, можно предположить, что керамика с „царскими“ (lmlk) клеймами изготовлялась в царских мастерских в вышеобозначенных 4 „городах“, а затем отправлялась уже в царское земледельческое хозяйство в разные места Иудеи для наполнения вином или маслом.¹³⁹

Таким образом, в Иудее конца VII—начала VI в. до н. э., как явствует из приведенных источников, наряду с частным крупным землевладением знати, не связанной с царской службой, и землевладением царских должностных лиц, производивших свои продукты для рынка, существовало также крупное царское земледельческое хозяйство. Руководили этими хозяйствами, по-видимому, те же лица, которые занимались и „царским“ клеймением керамики, т. е. представители служилой земледельческой знати. Вполне возможно, что собственные земельные владения были ими получены в качестве пожалований от царя.¹⁴⁰ Следовательно, амфоры с „царскими“ клеймами никакого отношения к сбору налогов не имели. Однако каковым же было их дальнейшее назначение после их наполнения вином (или маслом) из царского хозяйства? П. Лэпп¹⁴¹ считает, что вино в них шло для продажи по всей Иудее и для „правительственных нужд“. Однако трудно согласиться с мыслью, что царское хозяйство рассматриваемого времени занималось торговлей. Поэтому более правдоподобно предположение И. Ядина и И. Ахарони, что сосуды вместе с их содержимым держались на государственных складах.¹⁴² Это подтверждается и тем, что большинство ручек с „царскими“ клеймами в Лахише было обнаружено в одном, по-видимому официальном, здании. Компактно была обнаружена „царская“ керамика и в Гибеоне.¹⁴³ Клейма из Рамат Рахэль найдены также в цитадели.

Труднее всего объяснить, почему повсюду встречаются „царские“ клейма со всеми 4 названиями городов. Возможно, что для очередного наполнения

или составленная, вероятно, позже, так как она отражает недовольство народа царским произволом. О том, что здесь перечислены реальные тяготы и повинности, см.: I. Mendenhall. Samuels Denunciation of Kingship in the Light of the Akkadian Documents from Ugarit. BASOR, № 143, 1956, pp. 17—22.

¹³⁹ В близлежащих странах мы имеем лишь одну аналогию. Это одно неизданное амфорное клеймо из района Тира с надписью l-mlk-t (?), относимое Дюнаном к VIII в. до н. э. (M. Dupand, BMB, VI, 1942—1943, p. 86).

¹⁴⁰ См.: I Sam, 8, 14: „И поля ваши, и виноградники ваши, и оливковые деревья ваши добрые он [т. е. царь] заберет, и даст их слугам своим“ (la^cabbadaw).

¹⁴¹ P. Lapp. Late Royal Seals from Judah, p. 22.

¹⁴² Y. Yadin. The Fourfold Division of Judah, pp. 6—12; Y. Aharoni, ERR, pp. 55—60; М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 172—174.

¹⁴³ М. Гельцер. ВДИ, 1961, № 1, стр. 171.

после использования содержимого сосуд отправлялся иногда не в то же самое хозяйство, из которого он приходил, а после наполнения — совсем в новый пункт.

Вполне вероятно, что, хотя бы частично, помимо прокорма крепостных гарнизонов, содержимое амфор вместе с амфорами шло на оплату царских низших (т. е. не знати) служилых лиц. За это говорит находка многих клейм в частных домах Лахиша.¹⁴⁴ Впоследствии же эти амфоры могли уже попадать и в свободное обращение.¹⁴⁵ Однако для более детального суждения нам требуются дополнительные материалы.¹⁴⁶

Данные, полученные при исследовании керамической эпиграфики Иудеи VII—начала VI в. до н. э. этим, однако, не ограничиваются. Они помогают нам осветить более широкий круг вопросов истории древней Иудеи и реконструировать систему царской администрации того времени. Как уже указывалось (см. стр. 27), изображение „царского“ символа на „частных“ клеймах уже само по себе свидетельствует, что мы имеем здесь дело с должностным лицом.¹⁴⁷ В этой связи уместно привести известные печати или буллы с их оттисками, где изображена эмблема уже известных нам типов. Такими являются: 1) „Эльнатана“ (l'Intn);¹⁴⁸ 2) „Ахимелеха, (сына) Семах(ии)“ (l'hmlk Smk)¹⁴⁹ (табл. V, 1) из Лахиша; 3) „Ханана“, Ханан(яху) (l'Ҡnn) (табл. V, 2);¹⁵⁰ 4) „Яхмоляху, (сына) Ма^cасеяху“ (l'Yhmyhw M^csyhw) (табл. V, 3);¹⁵¹ 5) „Шебны“ (Šbn');¹⁵²; 6) „Шеала“ или „Саула“ (l'Š'l);¹⁵³ 7) „Уазы, сына Хтс'а“ (l'z, bn Ҡts);¹⁵⁴ 8) „Менахема“ (l'Mnhm);¹⁵⁵ 9) печать женщины „Абиехи, дочери Янхама“ (l'byhу bt Ynhm) (табл. V, 4).¹⁵⁶

Другая группа подобных же печатей указывает, помимо имени владельца, и на его должность, или же надпись указывает только на должность, причем эмблема не всегда встречается. Сюда относятся печати, принадлежащие: 10) „Шебаняху, слуги Уазияху“ (т. е., по-видимому, царя VIII в. до н. э.

144 М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 171, 174.

145 Y. Aharoni, ERR, p. 56.

146 Надо надеяться, что новые публикации материалов Тель Гата и Иерусалима (см. предварительное сообщение: К. Кенуон. Ancient Jerusalem. „Discovery“, XXIII, 1962, № 4, pp. 18—23) помогут нам лучше осветить эти вопросы.

147 На связь царского символа на амфорных клеймах и такого на печатях впервые в неопределенной форме указывал К. Галлинг (K. Galling. Biblisches Reallexikon. Tübingen, 1937, pp. 483—484).

148 ЕЕА, р. 57, № 18, таб. XII, 6. Здесь и в дальнейшем отсутствие указания на точное место находки указывает, что оно неизвестно.

149 ЕЕА, р. 58, № 19, таб. XII, 7; М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 174.

150 IAP, p. 246, № 91, таб. XXII, 4.

151 Там же, стр. 208, № 51, таб. XX, 2f.

152 N. Avigad. Šb^{ch} hwtmw^t c^{br}yym. BIES, XVII, 1954, № 3/4, pp. 147—153, № 1; так как, помимо владельца „частного“ клейма (см. выше № 27), с этим именем нам из библии известны еще и другие должностные лица, мы не можем отождествить ее владельца ни с одним из них; датируется VIII—VI вв. до н. э.

153 N. Avigad. Three Ornamented Hebrew Seals. IEJ, IV, 1954, № 3/4, pp. 236—238, № 1 (VIII—VII вв. до н. э.).

154 Там же, № 2 (VII в. до н. э.).

155 G. R. Driver. Hebrew Seals. PEQ, vol. 87, 1955, № 3/4, pp. 183, № 2.

156 IAP, p. 260, № 103, таб. XXII, 16.

сУззи) (l Šbnyhw c^{bd} c^{zyh}) (табл. V, 5);¹⁵⁷ 11) „Элишамсы, царского сына“ (l 'lšm c^{bn} hmlk);¹⁵⁸ 12) „Сына“ (l bn) (очевидно, „царского сына“¹⁵⁹ (табл. V, 6); 13) „Менаше, царского сына“ (l Mnšh bn hmlk);¹⁶⁰ 14) печать „судьи“ (lšpṭ).¹⁶¹ Судья этот, несомненно, является царским должностным лицом. Нам известно из Библии, что царь Иудеи IX в. до н. э. Иосафат (J^hōšāfāt) „Поставил судей в стране во всех укрепленных городах Иудеи, в каждом городе“.¹⁶²

Табл. V. Древнепалестинские печати.

1 — Ахимелеха, (сына) Семех (ин); 2 — Халпала; 3 — Яхмоляху, (сына) Ма'ассеяху; 4 — Абнехи, дочери Янхама; 5 — Шебаниху, слуги сУззику; 6 — Сына; 7 — Гедалиху, который пад домом.

Хотя мы не знаем точного места находки данной печати, ее можно считать именно печатью такого царского судьи.

Одна печать с символом — четырехкрылым скарабеем известна нам от того же периода из той части Заиордания, где в древности находилось аммонитское государство.¹⁶³ К сожалению, единичная находка не позволяет нам сказать, была ли в Аммоне распространена та же царская эмблема или это случайно сюда попавшая иудейская печать.¹⁶⁴

Однако далеко не на всех печатях иудейских должностных лиц имеются царские эмблемы. Об этом в первую очередь говорят амфорные клейма „Эль-якима, слуги Иоахина“ и „Гоельяху, царского сына“¹⁶⁵ (табл. I, 5), равно как и других „частных“ клейм без эмблем. Из этой серии печатей мы можем, пожалуй, отождествить одну с Гедалией, сыном Ахикама, назначенным Навуходоносором в 586 г. до н. э. наместником покоренной Иудеи.¹⁶⁶ Булла

¹⁵⁷ Там же, стр. 223, № 67, табл. XXI, 4.

¹⁵⁸ Там же, стр. 232, № 72, табл. XXI, 9; ср.: l. G'lyhw bn hmlk (см. выше).

¹⁵⁹ Там же, стр. 245, № 89, табл. XXII, 2.

¹⁶⁰ N. Avigad. A Seal of „Manasse, Son of the King“. IEJ, XIII, 1963, № 2, pp. 132—136; вполне возможно, что это — печать царя Менаше (Манассии, 686—641 гг. до н. э.), происходящая еще от того времени, когда он был наследником престола.

¹⁶¹ EEA, p. 57, № 17, tab. XII, 5; М. Гельцер, ВДИ, 1961, № 1, стр. 174; на печати имеется царская эмблема.

¹⁶² II Chr. 9, 5. Wajja c^{amēd} šof^{et}im ba'areš b^{kol}-c^{arē} J^huda habb^osurōt l^cir wa^cir.

¹⁶³ 1) lMnšm, 2) bn Ynšm — „Менашема, сына Янхама“ (G. M. Landes. The Material Civilisation of the Ammonites. BA, XXIV, 1961, № 3, p. 82, fig. 10).

¹⁶⁴ Отметим, что подобные эмблемы на северопалестинских — израильских печатях нам не известны.

¹⁶⁵ Вполне вероятно, что и на собственно царских печатях более раннего периода эта эмблема отсутствовала. Возможно, что за это говорит печать с надписью lYtm — „Йотама“ (EEA, p. 54, № 9, tab. XI, 8), — возможно, царя Иудеи VII в. до н. э. Наиболее исчерпывающее исследование об этой печати см.: N. Avigad. The Jotham Seal from Elath. BASOR, № 163, 1961, pp. 18—22.

¹⁶⁶ II Reg. 25, 22 — Gedalyahū ben—'Aḥiqam.

с оттиском его печати найдена при раскопках Лахиша.¹⁶⁷ Надпись читается 1) l Gdlyhw. 2) [ʾ]šr ʿl hby[t] — „Гедаляху, который над домом“ (т. е. управитель царского дома (табл. V, 7)).¹⁶⁸ Поэтому вполне возможно, что первоначально, до убийства Гедалии, Навуходоносор не упразднил формально в Иудее царской власти, оставив Гедалию „управителем царского дома“. Без эмблемы или с нецарской эмблемой сохранилось также ряд печатей с термином „слуга“, т. е. когда речь идет об определенных царских должностных лицах, ʿbd mlk — „слуга царя“. Об этом говорят печати 1) lʿšnyhw ʿbd hmlk¹⁶⁹ — „Принадлежащая ʿАшаняху, царскому слуге“ (найдена в Тель Касиле); 2) Yʾznyhw ʿbd hmlk — „Принадлежащая Яʿазаняху, царскому слуге“ (из Тель эн-Нацбе);¹⁷⁰ 3) l ʿbdyhw ʿbd hmlk¹⁷¹ — „Принадлежащую ʿЭбэ-дяху, царскому слуге“; 4) lšmʿ ʿbd hmlk — „Принадлежащую Шемʿе, царскому слуге“ (найдена в Иерусалиме).¹⁷² вполне возможно также, что печати 5) „Ашны, слуги Ахаза“ (lʾšnʾ ʿbd ʾhz)¹⁷³ и 6) „Абияу, слуги ʿУззияу“ (lʿbyw ʿbd ʿzyw)¹⁷⁴ принадлежали должностным лицам царей Иудеи VIII в. — Ахаза и ʿУззии.

Возможно также, что печатью должностного лица являлась и печать „Амац(ии) писца“ (ʾmʿz hsr).¹⁷⁵

Все вышесказанное заставляет сделать вывод, что данные керамической эпиграфики и печатей нельзя игнорировать в исторических исследованиях, и они, при надлежащем их изучении, в немалой степени расширяют наши познания.

¹⁶⁷ ЕЕА, р. 61, № 30, таб. XIII, 6.

¹⁶⁸ Ср. надпись из Хама (Сирия) 'dnlrm skn byt mlk — „Адонэльрам, везирь царского дома“ (надпись цитируется по: И. Винник о в. Словарь арамейских надписей. ПСб., III, 1958, стр. 189), а также: Jes. 22, 15; относительно отождествления печати Гедалии и Эль-якина см.: Н. Г. Мау. Three Hebrew Seals and the Status of Exiled Jehoiakin. *AJSL*, LVI, 1939, № 2, pp. 146—148.

¹⁶⁹ ЕЕА, р. 52, № 2.

¹⁷⁰ IAP, р. 229, № 69, таб. XXI, 6.

¹⁷¹ Там же, стр. 230, № 70, табл. XXI, 7. Издатель относит надпись к IX—VIII вв., однако характер шрифта свидетельствует о ее более позднем происхождении.

¹⁷² IAP, р. 231, № 71.

¹⁷³ ЕЕА, р. 59, № 69, таб. XXI, 6.

¹⁷⁴ IAP, р. 221, № 65, таб. XXI, 2.

¹⁷⁵ Там же, стр. 234, № 74, табл. XXI, 11: 'mʿz — инокористикон от встречающегося в Библии имени 'Амазуа.

И. Ш. ШИФМАН

СЕВЕРОАРАБСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЛИХЬЯН

Открытие в конце XIX в. и в начале XX в. деданских и лихьянских надписей, происходящих из оазиса аль-Ула, дало в руки исследователей сравнительно обильный материал, позволяющий поставить и попытаться разрешить некоторые вопросы истории этого района.¹

Время возникновения древнейшего государственного образования в этом районе — Дедана точно неизвестно. То обстоятельство, что Дедан упоминается в библейских генеалогиях, позволяет предполагать, что он существовал уже в начале I в. до н. э. В одном из поздних источников (*Eus.*, *Опот.*, р. 251) говорится о местности Δαϊδάν (Дедан), неподалеку от Петры. Возможно, что это упоминание свидетельствует о том, что первоначально деданиты жили на территории позднейшей Набатей. Однако какими-либо другими свидетельствами в пользу этого предположения мы не располагаем,² равно как отсутствуют какие-либо данные о миграциях деданитов.

В Библии имеется два варианта предания о родословной Дедана. Согласно одному из них (Быт. 25, 3; ср. I Хрон. I, 32),³ Дедан был потомком Авраама от его наложницы Кетуры. Согласно другой версии (Быт. 10, 7; ср. I Хрон. I, 9), Дедан был внуком Куша (Эфиопия). Не исключено, что возникновение этой традиции могло быть связано с колонизацией аль-Ула из южной Аравии в начале I тыс. до н. э. Обращает на себя внимание во всяком случае то обстоятельство, что в обоих вариантах предания подчерк-

¹ Общие очерки истории Дедана и Лихьяна см.: W. F. Albright. *Dedan, Geschichte und Altes Testament. Albrecht Alt zum 70. Geburtstag dargebracht*, 1953, p. 3 sq. (к сожалению, эта работа осталась нам недоступной), а также: W. Caskel. *Lihyan und Lihyanisch. Köln*, 1954. Как показал А. ван ден Бранден (A. van den Branden. *La chronologie de Dedan et de Lihyan. „Bibliotheca Orientalis“*, XIV (1957), pp. 13—16), хронология, принятая В. Каскелом, основана на ряде произвольных положений и поэтому не может быть принята. Ср. также его рецензию на книгу Каскела в: „Bibliotheca Orientalis“, XIV (1957), pp. 95—97, а также: P. Bonveschi. *La discussa iscrizione delle monete lihyanite. AANL, ser. VIII, vol. XVI (1961), fasc. 5—6, pp. 192 sq.*

² Безусловно, необоснованно восстановление Смеда и Содина, которые пытались видеть в строке 31 надписи Мешы этноним 𐤌𐤍 𐤌 , хотя Э. Мейер (E. Meyer. *Die Israeliten und ihre Nachbarstämme. Halle*, 1906, p. 313 sq.) склонен был принять эту интерпретацию. Ср. также: G. A. Cooke. *A Text-Book of North-Semitic Inscriptions. Oxford*, 1903, p. 14.

³ Э. Мейер, безусловно, прав, когда он считает (E. Meyer. *Die Israeliten und ihre Nachbarstämme*, p. 313 sq), что перечисление „сынов Дедана“ в книге Бытия представляет собой сравнительно позднюю интерполяцию, поскольку в соответствующем тексте книги I Хроник оно отсутствует.

нута кровная связь Дедана с Саба'. Если принять во внимание, что составители библейских генеалогий не могли руководствоваться критериями языкового родства и иными факторами, свидетельствующими об этнической близости, остается только предположить, что как подчеркивание родства деданитов с Саба', так и возникновение традиции о происхождении Дедана от Куша связано было с появлением там ко времени возникновения соответствующих преданий сабейцев (т. е. в начале I тыс. до н. э.).

В первой половине I тыс. до н. э. Дедан был крупным центром посреднической караванной торговли (ср. Исх. 21, 13: אֶרֶבוֹת דִּדָּנִים — „караваны деданитов“) и вел интенсивную торговлю с финикийскими городами, в частности с Тиром (Иезек. 27, 20).

В VI в. до н. э. Дедан в результате походов Навуходоносора II в южную Палестину и северную Аравию (ср. Иерем. 25, 23; 44, 8; Иезек. 25, 13) попал под контроль Нововавилонской державы. В середине VI в. до н. э. вавилонский царь Набонид захватил Тайму, являвшуюся важнейшим звеном, связывавшим Аравийский полуостров с Двуречьем,⁴ а затем, согласно одной харранской надписи, распространил свою власть на Дедан (Da-da-nu) и ряд других районов северной Аравии, вплоть до Йатриба (Ia-at-ri-bu).⁵ Столь значительная экспансия вавилонян вглубь Аравийского полуострова объясняется, несомненно, стремлением вавилонского купечества обеспечить свой контроль на торговых путях в Северной Аравии и, возможно, желанием установить непосредственные контакты с Южной Аравией.⁶ Определенную роль в политике Набонида, по справедливому заключению И. Д. Амусина, сыграло и то обстоятельство, что Тайма была одним из центров почитания лунного божества, приверженцем которого был Набонид.

Какова была судьба Дедана после гибели Нововавилонского царства, представляется невозможным определить. Из того, что по отношению к Персидской державе арабы сохраняли формальную независимость,⁷ можно, как нам кажется, заключить, что и Дедан во второй половине VI в. стал самостоятельным.

В одном из самудских граффити из собрания Г. Филби, опубликованных А. ван ден Бранденом,⁸ упоминается некий Йархил ха-Лаввас, сын Сурай-

⁴ Подробно см.: S. Smith. *Isaiah Chapters XL—LV*. London, 1944.

⁵ См.: C. J. Gadd. *The Harran Inscriptions of Nabonidus*. „*Anatolian Studies*“, VIII (1958), pp. 35—39, Nab. H₂, A и B (кол. 1, строки 22—27); И. Д. Амусин. Кумранский фрагмент „молитвы“ вавилонского царя Набонида. ВДИ, 1958, № 4, стр. 107 сл. Как отметил и С. Дж. Гедд (*The Harran Inscriptions of Nabonidus*, p. 76 sq.), война Набонида против Таймы нашла свое отражение и в самудских надписях. В одном из граффити коллекции Филби (Ph 279 aw 1; A. van den Branden. *Les textes thamoudéens de Philby*, II. Louvain, 1956, *Bibl. de Muséon*, 41, pp. 54—55) говорится о том, что некий Хундуб (خندب) сохранил (صن) колье царя Вавилона (ملك ببل) и посвятил его божеству (نذره). А. ван ден Бранден считает возможным датировать надпись VI в. до н. э.

⁶ W. F. Albright. *The Conquest of Nabonidus in Arabia*. „*Journal of the Royal Asiatic Society*“, 1925, pp. 293—295. О торговых связях Таймы с Вавилонией при Набониде см.: R. P. Dougherty. *Nabonidus in Arabia*. „*Journal of the American Oriental Society*“, vol. 42 (1922), pp. 305—316.

⁷ И. Ш. Шифман. Арабы у Гомера и Геродота. ПСБ, 9, 1962, стр. 76—77.

⁸ A. van den Branden. *Leg textes thamoudéens de Philby*, II, p. 266a, I.

кат, принимавший участие (نصر) в войне (يعنر) Дедана (или, возможно, против Дедана). Однако определить точнее характер событий, о которых в данной надписи идет речь, пока не представляется возможным. Судя по тому, что она найдена в Тайме, в районе „высоты“ Гунайм,⁹ можно предполагать, что в интересующем нас документе имеется в виду какое-то столкновение между Деданом и Таймой.¹⁰

Во второй половине I тыс. до н. э. на территории долины аль-Ула сложилось Лихьянское царство.¹¹ Оно занимало, по-видимому, довольно значительную территорию. Согласно надписи № 33,¹² можно предполагать, что под властью лихьянских царей находились Су'ар (в 21 км к юго-востоку от аль-Ула), Нушар, местонахождение которого пока точно не определено, и Рабиг (140 км к западу от аль-Ула).

Палеографически лихьянские эпиграфические памятники делятся на 2 группы: надписи раннего и надписи позднего стилей. По общепринятой датировке, раннелихьянские надписи относятся к периоду до III в. до н. э. К этому времени следует отнести, очевидно, и правление тех царей, которые в них упоминаются: Ха...и, Ха-Нуас, сын Шахра, Зу-Асфа^c айн Тахмай, сын Лаузана, Шимат (вар. Шамат) Гушам, сын Лаузана, Галлат-Каус, Мана^cа Лаузан, сын Ха-Нуаса. В позднелихьянских надписях упоминаются следующие цари: Ха-Нуас, сын Тулмая, Тулмай, сын Ха-Нуаса (с ним, быть может, тождествен Самави Тулмай, сын Ха-Нуаса), Абдан Ха-Нуас, Салих и Фадиг.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в некоторых надписях наряду с личными именами царей Лихьяна и их патронимами упоминается и племенная (?) принадлежность. Если бы это предположение оказалось правильным, можно было бы во всяком случае считать вероятным, что в общественной жизни Лихьяна значительную роль играли родо-племенные организации.

В собственно политической истории Лихьяна мы осведомлены очень плохо вследствие недостаточности источников. В конце I в. до н. э. он оказывается фактически под властью Nabateйского царства, которому удалось, захватив аль-Хагр и Тайму, отрезать Лихьян от переднеазиатских рынков, а затем, после присоединения к Nabateе Белой Деревни (Λευκή κόμη) — важного эмпория на Красном море, прервать связи Лихьяна с морскими торговыми путями. Эти события явились, очевидно, завершением более или менее продолжительной и упорной борьбы Nabateи за преобладание в посреднической торговле с Египтом, Сирией и Месопотамией. Причину победы

⁹ H. St. J. Philby. The Land of Midian. London, 1957, p. 89.

¹⁰ Во всяком случае предположение С. Дж. Гелда (С. J. Gadd. The Harran Inscriptions of Nabonidus, p. 76 sq), согласно которому в данном случае имеется в виду вторжение Набонида, мало вероятно. Скорее речь в интересующей нас надписи идет о войне с соседним государством.

¹¹ Если принять датировку А. ван ден Брандена (A. van den Branden. Histoire de Thamoud. Beugouth, 1960, pp. 28—29), то возникновение Лихьянского царства следует отнести к середине V в. до н. э.

¹² Все ссылки на надписи там, где это специально не оговорено, сделаны по публикации В. Каскела.

Набатеи и отхода Лихьяна на задний план следует искать, вероятно, в большей внутренней стабильности Набатейского царства и одновременно в более благоприятном стратегическом положении Набатеи сравнительно с Лихьяном.

Во время археологической разведки Северной Аравии, которую осуществил Г. Филби, удалось обнаружить в районе Таймы массив песчаника высотой до 200 футов, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Как полагал Г. Филби, в данном случае перед нами, несомненно, остатки набатейского пограничного укрепления.¹³ Однако гегемония Набатеи в Хиджазе, если принять предположение А. ван ден Брандена о ее существовании,¹⁴ не могла простираться далее второй половины I в. н. э., когда Набатейя политически стала еще более зависимой от Рима, чем прежде.

Что же касается отношений Лихьяна с Южной Аравией, то они, насколько можно об этом судить по дошедшим до нас источникам, развивались следующим образом. Как известно, в списках иеродула из Ма^сина 9 раз упоминается Дедан и один раз — Лихьян, как место, откуда происходят иеродулы.¹⁵ Эти списки, палеографически датируемые (по хронологии Ж. Пирени) концом IV—серединой II в. до н. э.,¹⁶ свидетельствуют о давних связях района аль-Ула с Минейским царством, которые, надо думать, не ограничивались только вывозом рабов при обстоятельствах, в достаточной степени не ясных. В III—II вв. до н. э. здесь существовала минейская торговая колония. В пользу существования минейской колонии в районе Дедана—Лихьяна говорит находка в аль-Ула многочисленных минейских надписей, посвященных разного рода деловым актам.¹⁷ То обстоятельство, что эти надписи датируются по годам правления минейских царей (ср., напр., RES 3341), свидетельствует, вероятно, о политической зависимости колонии от метрополии. Отметим, однако, что в той же надписи датировка осуществлена и по местной эпонимной магистратуре (كبر).

Дальнейшие судьбы государства Лихьяна неизвестны.

Основными занятиями населения Лихьяна были земледелие, ремесло и торговля. Дошедшие до нас надписи позволяют составить некоторое представление о социальной структуре Лихьяна.

Важнейшей проблемой, встающей в связи с этим перед исследователем, является проблема земельных отношений в Лихьяне. Можно считать несомненным, что здесь существовала частная собственность на землю. Так, одно из граффити, относящееся к началу поздних лихьянского периода (№ 67), сообщает о том, что земельный участок (محبرت ذات) принадлежит Лаббе (للبيه), Хафше (حفتش) и Гарсе (غرثه), а также их наследникам (ولورثتهم). Другой поздних лихьянский текст (№ 77) представляет собой акт о приобретении в собственность участка земли (همكان وهمقعد ده). Особо интересна терми-

¹³ H. Philby. The Land of Midian, pp. 57—58.

¹⁴ A. van den Branden. Histoire de Thamoud, p. 28 sqq.

¹⁵ K. Mlaker. Die Hierodulenlisten von Ma^сin. Leipzig, 1943.

¹⁶ J. Rykmans. Les „Hierodulenlisten“ de Ma^сin et la colonisation Minéenne. „Scriinium Lovaniense“, Louvain, 1961, pp. 51—61.

¹⁷ Там же. Экономический и социальный строй минейской колонии на территории Лихьяна требует специального рассмотрения в связи с социально-экономической структурой Минейского государства, что в данной работе не уместно.

нология последней надписи. Приобретение в собственность участка земли обозначено глаголом אָחַד , который соответствует еврейскому אָחַד — „брат“, откуда אָחַד — „собственность“. В надписи обозначены и границы приобретаемого участка.

Как и в набатейских погребальных надписях,¹⁸ в одной надписи из Лихьяна удостоверяется принадлежность погребения Абдухаргу, сыну Фалла, сына Зайда, вероятно, принадлежавшему к племени зу-Габат.

Привлекает к себе внимание и одно граффито (№ 61), проливающее некоторый свет на проблему использования водных ресурсов в Лихьяне. Она содержит краткую информацию о том, что некий „Алват вырыл колодезь этот“ ($\text{עַלּוּת חַפְרֵי הַרְמֵי}$). При всей незамысловатости этот текст представляет значительный интерес. В библейской легенде о пребывании Авраама во владениях Авимелеха — филистимского царя Гераира рассказывается, что рабы Гераира незаконно отобрали (в тексте употреблен весьма сильный глагол גָּזְלוּ — „насилственно отняли“) вырытые Авраамом колодезья. Тот факт, что Авраам сам вырыл эти колодезья, удостоверяет, по мысли, заключенной в предании, бесспорное право собственности Авраама на них (ср. Быт. 21, 24 сл.). Учитывая, что оформлявшиеся правовыми установлениями общественные отношения в Палестине и Северной Аравии были в общем одинаковы,¹⁹ а также учитывая известный консерватизм права, характерный для эпохи рабовладения, можно предполагать, что граффито Алвата должно было удостоверить право собственности этого лица на вырытый им колодезь.²⁰ Отсюда следует, что в Лихьяне, по-видимому, существовала частная собственность на источники водоснабжения.

Значительную роль в жизни Лихьяна играла караванная торговля, носившая, очевидно, посреднический характер. В двух надписях (№№ 3 и 4) упоминаются караваны, обозначаемые обычно термином حَوَل . Из текста этих документов очевидно, что в Лихьяне имела место практика найма караванов за определенную плату.

В некоторых надписях из Лихьяна сохранились сведения о положении там непосредственных производителей. В Лихьяне существовали различные формы эксплуатации непосредственных производителей и, очевидно, различные отношения зависимости.

Заметное место среди эксплуатируемого населения занимали рабы, обозначавшиеся термином عַבְד (№№ 90 и 206), а также термином عַלְמ (№ 9), встречающимся, кстати сказать, уже в угаритских документах. Последний

¹⁸ Подробно см.: И. Ш. Шифман. К характеристике набатейского частного права по эпиграфическим данным. ПСБ, 11, 1963, стр. 16—24.

¹⁹ Ср., напр.: J. J. Rabinovitz. A Clue to the Nabataean Contract from the Dead Sea Region. BASOR, № 139, 1955, pp. 11—13.

²⁰ Южноаравские надписи о постройке колодезев, на которые нам любезно указал А. Г. Лундин (RES 4700, Gl 773a + b + 798, опубликованная в: G. J. Botterweck. Altsüdarabische Glaserinschriften. „Orientalia“, 19, 1950, p. 435 sq., ClH, 399), если не оговорено иное, очевидно, также должны указывать, что строители колодезев являлись их собственниками.

раннелихьянский документ представляет особый интерес. В нем рассказывается о том, что жрец бога Вадда Абдувадд и его сыновья Салм и Задувадд посвятили (هوّدقو) божеству зу-Габату (очевидно, эпониму соответствующего племени) раба Салма, принадлежавшего им троим (همثلت). Интересен самый факт посвящения раба храму. Эллинистическое право знает, как известно, освобождение рабов путем посвящения божеству.²¹ Если предположить, что в Лихьян проникли некоторые нормы эллинистического права (что само по себе не исключено), можно было бы утверждать, что и занимающий нас документ представляет собой акт манумиссии. Обращает на себя внимание в этой связи, однако, то обстоятельство, что, например, иудейское талмудическое право такого обряда манумиссии не знает,²² и он, следовательно, в Передней Азии не был распространен повсеместно. Поэтому не исключено, что перед нами акт о принесении жертвы храму, имевший вполне реальное значение.²³ Любопытно, что посвящаемый раб принадлежит трем лицам — Абдувадду и двум его сыновьям. Объяснить это обстоятельство можно, по-видимому, тем, что данный раб рассматривался не как собственность отдельного лица, а как собственность семьи. Вероятно, с этим связано и употребление термина غلم вместо обычного عبد.

В руках отдельных лиц могло концентрироваться значительное количество рабов. В одном тексте (№ 90) упомянуты „сорок рабов“ (اربعوعبد), принадлежавшие, надо думать, одному лицу. Интересно, что в другой надписи говорится о непослушании (употреблен глагол نعى) рабов Ауса и Абдухарга.

Наряду с рабством, как личным, так и храмовым, в Лихьяне существовали и иные формы зависимости непосредственных производителей от эксплуататоров. Согласно надписи № 11, некий Баалтасар, сын Амра, строитель (مصنح) сооружает монумент для своего господина (لمراه). Это последнее выражение явно свидетельствует о зависимости ремесленника-строителя от господина. Как параллель этому документу может быть приведена надпись № 5: „Для Адар-Ила. А написал это Милтас, кузнец его (قينه)“. Однако, не исключено истолкование термина قين в значении „раб“. Впрочем, характер зависимости ремесленников от их господ ближе пока не может быть определен. Вероятно, речь идет о нахождении в полусвободном состоянии.²⁴

Наряду с зависимыми в Лихьяне имелись и лично свободные ремесленники (вероятно, надпись № 20: مصنح — „строитель“, а также надпись № 69, где

²¹ Ср.: A. Calderini. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908, pp. 96—124; E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I. Leipzig, 1923, p. 297, а также: А. Г. Перихаян. Храмовые объединения эллинистической Малой Азии и Армении. М., 1959, стр. 120 сл.

²² Б. А. Надэль. Боспорские манумиссии и юридические памятники Палестины первых веков нашей эры. „Archiv orientalni“, 1960, № 1, стр. 55—66.

²³ Ср.: А. Г. Лундин. Социально-экономические данные сабейских посвячительных надписей периода мукаррибов. ВДИ, 1962, № 3, стр. 96—120, где исследован южноарабский материал, а также: K. M l a k e r. Die Hierodulenlisten von Ma^cin, p. 51.

²⁴ Параллельный финикийско-пунийский материал см.: И. Ш. Шифман. К вопросу о значении термина „бод“ в пунийских посвячительных надписях. ЭВ, XV, 1962, стр. 17—23. Ср., также: И. Ш. Шифман. К характеристике набатейского частного права... стр. 16—24.

описывается деятельность Ханманата Сагра, введшего в действие 10 колодцев за сумму в 40 драхм). Неоднократно (надписи №№ 28, 32, 33) упоминаются писцы.

О государственном строе Лихьяна известно мало. Главой государства был, несомненно, царь (ملك). Интересно, что в надписи Ph 269bis (a) для обозначения царя Думата употреблен термин *ملك دمت*. А. ван ден Бранден²⁵ склонен видеть в термине *ملك* обозначение выборного „царя“, хотя он и не считает исключенной связь этого термина с финикийским *ממלכת*, обозначающим лицо, облеченное царской властью. Если принять гипотезу А. ван ден Брандена, можно предполагать, что разница в терминах объясняется наличием в Лихьяне невыборной, быть может наследственной, царской власти.

В одной из раннелихьянских надписей (№ 55) упоминается термин *فخت ددن*, связанный, очевидно, с арамейским *פחה*, сопряженное состояние *פחה* — „наместник“. Возможно, что упоминаемый в данном тексте *פחה* был царским наместником города Дедана, однако более точно установить его функции пока представляется невозможным.

Неоднократно (№ 52, 51 и 77) упоминается в надписях народное собрание Дедана (*جبل ددن*, ср. классическое арабское *جبل*). Оно, видимо, исполняло какие-то распорядительные функции; в частности, могло возлагать на отдельных лиц наблюдение за порядком (ср. № 91).

Какова была роль коллегий (*هشعت*), упоминаемых в надписи № 77, не вполне ясно. Возможно, судя по эллинистическим и римским аналогиям, что эти коллегии были сакральными объединениями, в которые входили, очевидно, представители различных слоев населения.

Не подлежит сомнению, что значительную роль в политической жизни Лихьяна играли родо-племенные коллективы. Помимо тех упоминаний племен, о которых речь шла выше, в одной из надписей, опубликованных А. ван ден Бранденом,²⁶ упомянут некий На^cмат ха-Вахб из племени Йауд (*يدد*).

Значительный интерес представляют лихьянские граффити, посвященные отдельным юридическим проблемам. Они могут быть условно разделены на три группы: дело о возмещении материального ущерба (№ 64), дело об ограблении (№ 84) и дела об убийствах (№№ 31, 79, 80, 82). Последние представляют особый интерес, так как они позволяют, несмотря на неясность некоторых деталей, установить, как решались дела об убийствах по действовавшим в Лихьяне правовым нормам. Согласно этим документам, убийца обязан был принести очистительную жертву всесожжения. Кроме того, он лишался части имущества. То обстоятельство, что в основу решений об убийствах положена идея религиозного очищения, свидетельствует, быть может, об архаичности некоторых узаконений, действовавших в Лихьяне.

²⁵ A. van den Branden. 'Ummattarsam, re di Dumat. „Vibbia e Oriente“, 2 (1960), № 2, pp. 41—47.

²⁶ A. van den Branden. Nouveaux textes lihyanites de Philby—Vogüe. Al-Machriq, 1960, p. 92 sq, № 6.

*Л. А. СЕДОВ***О ВЫСШЕМ ДУХОВЕНСТВЕ АНГКОРСКОЙ КАМБОДЖИ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ КХМЕРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ)

I

В середине XIX в. в джунглях к северу от оз. Тонле-Сап были обнаружены заброшенные причудливые буддийские храмы, свидетельствующие о том, что когда-то в Камбодже существовали высокая строительная техника и архитектурное искусство.

Длительное забвение о существовании этих храмов породило различные толки о происхождении и времени их сооружения.

Завеса, окружавшая тайну каменных исполинов, была приподнята в 1879 г. голландским ученым Керном, который перевел и издал первую найденную в Камбодже надпись на санскрите. С тех пор был собран и исследован богатейший эпиграфический материал и издано много трудов по вопросам истории, культуры и архитектуры Камбоджи VII—XIII вв. н. э. Благодаря исследованиям французских ученых А. Барта, А. Бергеня, Э. Эмонье, затем Ж. Седеса, Л. Фино, П. Дюпона мы имеем теперь довольно полное представление о политической истории этой страны; ученые же А. Парментье, Ф. Стерн, А. Маршаль воссоздали вполне достоверную картину развития стилей камбоджийской культовой архитектуры и помогли уточнить датировку памятников, исходя из их стилистических особенностей. Наконец, в работах Ж. Седеса, польского ученого Ж. Пшылуцкого, русского археолога В. Голубева, англичанина К. Уэлса получил разрешение (хотя еще и неполное) вопрос о религиозной символике камбоджийских храмов. Правда, до сих пор недостаточно исследованным остается пока еще важная сторона жизни средневековой Камбоджи — аспект ангорской цивилизации, ее экономическое положение и социальное устройство. Первые попытки были сделаны в этом направлении учеными Франции Ж. Седесом, Б. Гролье и индийскими учеными Б. Пури и К. Бхаттачарьей. Однако до сих пор не было создано сколько-нибудь крупной работы в области социально-экономической истории ангорской Камбоджи.

Возможно, что изучение камбоджийской истории удобнее всего начать с храмов. Храм, как социальная ячейка в структуре камбоджийского общества, может служить отправной точкой для изучения всей структуры. Организация храмового хозяйства, храмовый персонал, способы возникновения новых храмов, строительство храмов (кто строил? на чьи средства?), отношения храмов и государства, храмов и населения, храмовая земельная собствен-

ность — таковы вопросы, которые концентрически захватывают все более и более широкие сферы социальных отношений в средневековой Камбодже.

Выбор такой отправной точки для исследования диктуется в первую очередь характером имеющегося в нашем распоряжении эпиграфического материала. В большинстве дошедшие до нас документы (их около 900 штук) — на старокхмерском и санскритском языках,¹ состоят из дарственных надписей, в которых зафиксированы или благочестивый акт основания нового религиозного учреждения, или осуществление дара уже существующему (религиозному учреждению). Такие дарственные надписи создавались с небольшими вариациями по общей схеме. В первой части (как правило, на санскрите) воздается хвала божеству, в честь которого осуществлялся дар. Эта часть надписей содержит богатую информацию о религиозных представлениях камбоджийцев и их мифологии. Затем следует восхваление царя как основателя данного религиозного учреждения или, если таковым основателем является частное лицо, как верховной власти, „высшего хозяина всей земли“, утверждающего указом ту или иную передачу собственности. Далее воздается хвала лицу, приносящему дар, и его семье, перечисляются его светские и религиозные заслуги. Часто здесь говорится о родственных и иных связях семьи дарителя с царской семьей на протяжении многих поколений. Эта часть надписей чрезвычайно важна не только с точки зрения реконструкции политической и династической истории, но и для установления многих деталей, связанных с вопросами государственного устройства, положения высших сановников и т. д. Затем идет собственно деловая часть надписи, документ, закрепляющий за данным религиозным учреждением приносимую в дар собственность. Здесь перечисляются предметы религиозного обихода (посуда, украшения и т. д.), рабы (в большинстве случаев поименно), земли, с подробным указанием их границ, скот. Часто указываются пути, которыми данное имущество попало к лицу, осуществляющему дар, — покупка (с указанием цены), царский дар, наследование и т. д. Это делается во избежание попыток со стороны других лиц оспорить правомочность дара. Целый ряд таких спорных случаев зафиксирован в надписях, авторы которых часто подробно описывали процедуру судебного разбирательства конфликтов и в заключение приводили царское решение. Наконец, в надписях были подробным образом определены повинности в пользу храмов, лежавшие на храмовой земле, и даже распределение получаемых продуктов внутри храмов между различными категориями храмового персонала.

¹ В настоящее время не существует издания, в котором были бы собраны воедино все документы кхмерской эпиграфики. Оригиналы надписей на кхмерском языке воспроизведены в издании: *Corpus des inscriptions du Cambodge*, tt. 1—6. Paris, 1927—1931. Санскритские надписи с переводом были изданы Бартом (ISC) и в более полном виде, но без перевода в кн.: K. Majumdar. *Inscriptions of Kamboja*. Calcutta, 1953. Самое полное издание старокхмерских надписей в латинской транскрипции и с переводом представляют собой: *Inscriptions du Cambodge*, tt. 1—6. Hanoi—Paris, 1937—1954 (под редакцией и в переводе Ж. Седеса). Однако в это издание не были включены многие надписи, изданные ранее в различных томах журнала „Bulletin d'Ecole Française d'Extrême Orient“, и чисто санскритские надписи.

Деловая часть надписей составлена на кхмерском языке, что несколько не способствует извлечению из нее ценнейшей социально-экономической информации, ибо особенности грамматического строя кхмерского языка (отсутствие в нем флексий) и неразработанность синтаксиса затрудняют установление смысловых связей внутри предложения и разбивку текста на синтагмы, а незнание многих терминов, исчезнувших как из современной социальной действительности, так и из современного кхмерского языка, ставит на пути исследователя часто непреодолимые препятствия.

Несколько выпадают из описанного однотипного ряда надписей такие жемчужины кхмерской эпиграфики, как клятва чиновников царю Сурьяварману I (1002—1050 гг.),² уставы монастырей-ашрам, изданные Яшоварманом I (889—900 гг.),³ надписи Лолей, Тхналь Барай, указы Джаявармана VII (1181—1218 гг.?) о лечебницах⁴ и некоторые другие, менее значительные документы. Особое место занимают так называемые „великие реестры“ храмов Лолей, Бакоу и Кохкер,⁵ которые относятся к IX в. и представляют собой списки рабов, сгруппированных по местностям, откуда они прибыли, часто с указанием их функции — всего, в общей сложности, более 10 тыс. имен. Эти списки интересны главным образом с точки зрения изучения исторической географии, ономастики и кхмерской лексики, относящейся к IX в.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные дают возможность наметить несколько видов религиозных учреждений в средневековой Камбодже. Строительство самых крупных храмов осуществлялось царями и было связано с государственным культом девараджи — „бога-царя“. Начало этого культа относится ко времени Джаявармана II (802—850 гг.), который, согласно надписи Сдок Как Тхом,⁶ воздвиг на горе Махендрапарвата (Пхном Кулен) лингу, воплотившую в себе с помощью магического тантристского обряда сущность его царского могущества. Он учредил наследственную должность главного жреца (пурохиты) царской линги. Преемники Джаявармана II стали строить для своей царской линги специальные святилища на вершинах искусственных гор. Так возникли храмы Баконг при Индравармане (877—889 гг.), Пхном Бакхенг при Яшовармане, Кох Кер при Джаявармане IV (928—941 гг.), Пре-Руп при Раджендравармане II (944—968 гг.) и т. д. Логическим развитием культа, в котором обожествлялся живой государь, было создание культа родственников царя, его предков и даже приближенных. Уже при Индравармане появляются так называемые „башни предков“ (храм Прах-Ко), в которых воздвигаются статуи его отца и матери, родителей его матери и других родственников⁷ в виде индуистских божеств. В X в. персонификация богов заходит так далеко, что уже не только цари, но и вельможи изображают себя и своих близких в виде богов. Так, в надписи Прасат Тьяр⁸ говорится о сооруже-

² E. Aymonier. Le Cambodge, t. III. Paris, 1900—1901, p. 140; IC, t. III, p. 205—216.

³ ISC.

⁴ A. Barth. Les doublets de la stèle de Say Fong. BEFEO, t. III, p. 460.

⁵ Corpus des Inscriptions du Cambodge, t. IV.

⁶ BEFEO, t. XV, p. 53 squ. Надписи называются по современному названию памятника, где они были найдены.

⁷ E. Aymonier. Le Cambodge, t. II, p. 44 squ.

⁸ IC, t. IV, p. 140 ff.

жении шурином Джаявармана V (968—1001 гг.) и другими дальними родственниками царя богинь, изображающих женщин из их семьи. Появляются целые храмовые ансамбли, посвященные памяти умерших членов царской семьи (храм Мебен, посвященный памяти родителей Раджендравармана II). Особенного размаха апофеоз царя и вельмож достигает в XII в. при Джаявармане VII. Только в храме Та Прохм было сосредоточено 619 статуй божеств (главным образом обожествленных реальных лиц), в числе которых были статуи матери Джаявармана VII (ей был посвящен храм) и гуру (учителя).⁹

Наряду с храмами, где осуществлялся культ предков, существовали и храмы, где почитались боги индийского пантеона, не связанные с этими „личными“ культами. Таков храм Ват Пху, один из древнейших храмов Камбоджи, сохранивший свое первостепенное значение на протяжении всей эпохи ангорской Камбоджи. В нем почитался Шива под именем Бхадрешвары. Возможно, что существовали и святилища местных богов и духов, принявших внешние атрибуты индуистских божеств.¹⁰ Неиндийские имена богов также встречаются в эпиграфике, особенно доангорского периода.¹¹

К храмам в административном и экономическом отношении, очевидно, примыкали монастыри (ашрамы), в которых проходили обучение посвященные. В надписи Та Прохм, где подробно описывается имущество храма, в отдельные статьи выделено описание имущества людей, живущих в храме в качестве наставников (*adhyaaka*) и учеников (*adhyetri*).¹² Возникновение и широкое строительство этих монастырей (ашрамов) приходится на время царствования Яшовармана I и связано с деятельностью царского наставника (гуру) Шивасомы, ученика великого индуистского философа Шанкары, известного, в частности, тем, что он внес в шиваитскую религию, заимствовав у буддизма, монастырские институты с их строгой дисциплиной,¹³ а также ученика и преемника Шивасомы — Вамашивы. В это время были построены десятки шиваитских монастырей во всех частях страны, которые в честь царя назывались Яшодхашрамами, а также вишнуитские, буддийские и брахманистские ашрамы; вместе с созданием монастырей были разработаны уставы, строго регламентировавшие внутренний распорядок в ашрамах.

Наконец, к религиозным учреждениям непосредственно примыкают „общественные“ учреждения — лечебницы и странноприимные дома (*dharmacala*), строительство которых широко развернулось при Джаявармане VII. Воз-

⁹ BEFEO, t. VI, Та-Prohm, XXXVI—XXXVII; LXXXVIII.

¹⁰ См.: G. Groslier. *Angkor et le Cambodgien*. Paris, 1924, p. 116.

¹¹ В надписи Ват Тхот фиксируется дар двум богам, один из которых именуется Крон Стау. Божественный титул *kron kamraten an*, встречающийся наряду с обычным *vrah kamraten an*, очевидно, относится к местным богам (см.: IC, t. II, p. 46).

¹² Ж. Седес переводит *adhyaakavasinah* и *adhyetrivasinah* как „люди, живущие у учителя и чтеца“. Нам представляется более правильным употреблять в переводе другое значение суффикса *vasin*, а именно „живущий особым образом“ или „в специальном качестве“ (см.: Monier—Williams. *Sanskrite-English Dictionary*). *Adhyetri* может означать не только „чтец“, но и „учащийся“.

¹³ См.: P. L. Briggs. *The Syncretism of Religions in S.—E. Asia*. „*Journal of American Oriental Society*“, vol. 71, № 4, oct.-dec. 1951.

можно, что руководство ими и снабжение их продуктами и медикаментами направлялось из единых центров, каковыми являлись храмы Та Прохм и анкорский Прах Кхан. Во всяком случае в надписи первого храма содержится подробный перечень расходов всех лечебниц государства, а в надписи второго — детали, касающиеся *dharmacala*.¹⁴ В каждом госпитале сооружалась часовня, где помещалось изображение Бхакшаджагуру (Будды-исцелителя) и двух его помощников — Сурьявайрочаны и Чандравайрочаны. Всего в Камбодже того периода, судя по упомянутым выше надписям, насчитывалось 102 госпиталя и большое число странноприимных домов.

Содержание такой огромной сети религиозных учреждений требовало многочисленного персонала, состоявшего из жрецов культа, хозяйственного руководства храмов, преподавателей священных текстов и т. д. Однако в Камбодже не сложилось централизованного жреческого аппарата, который можно было бы назвать церковью. Высшее духовенство, игравшее, как мы увидим далее, немаловажную роль как в делах, относящихся к отправлению государственного культа девададжи, так и в государственных вопросах, лежащих вне сферы культа, было связано с провинциальным духовенством не столько административными и иерархическими связями, сколько, очевидно, родственными узами. Глава крупного брахманского¹⁵ рода, выполнявший функции царского пурохиты или наставника (гуру), обычно выступал в качестве основателя или покровителя провинциальных храмов, в которых главными священнослужителями являлись члены его рода. Сами эти брахманские фамилии тесно сплелись друг с другом, и если бы имеющийся в нашем распоряжении материал позволил нам восстановить все эти родственные связи, то мы, наверно, увидели бы одно огромное генеалогическое дерево, некий суперклан, опутавший своими корнями всю страну и высасывавший соки из крестьян камбоджийской деревни.

Сообразно с отсутствием государственной церкви в анкорской Камбодже не существовало и постоянного высшего органа, ведавшего религиозными делами. Однако в моменты принятия важных государственных актов, во время торжественных церемоний и т. д. требовалось присутствие „брахманов и ачарьев“ для освящения этих актов и церемоний.¹⁶ Один из эпизодов такого

¹⁴ BEFEO, t. XLI.

¹⁵ Слово „брахманский“ употребляется здесь довольно условно. В Камбодже не могло сложиться замкнутой брахманской касты, подобной той, какую мы видим в Индии. Индийские брахманы, проникшие в Камбоджу на рубеже нашего тысячелетия и попадавшие туда в ограниченном количестве на протяжении истории анкорской Камбоджи, возможно, и являлись родоначальниками жреческих фамилий, однако они быстро смешивались с царскими родами. Почти все известные нам из эпиграфики так называемые брахманские роды анкорской Камбоджи восходят к тем или иным царским родственникам (в частности, к женам основателя Ангора — Джаявармана II).

¹⁶ Так, в присутствии *brahmanasaga* была произнесена знаменитая клятва чиновников Сурьявармана I. Также в присутствии брахманов осуществляется церемония *havirvada* (?) в надписи Прах Вихеар (BEFEO, t. XLIII, p. 145), причем в списке присутствующих лиц брахманы значатся впереди членов царской семьи (*rajahula*), царевичей (*rajaputra*), высших советников (*mahamantrin*), военачальников (*senapati*) и т. д.

рода засвидетельствован в надписи Тнот Тьюм.¹⁷ Эта надпись до сих пор не привлекала особого внимания исследователей, поэтому мы позволим себе несколько подробнее остановиться на ее содержании.

Нас в данной работе интересует в первую очередь сторона „В“ стелы Тнот Тьюм, где перечислен ряд представителей высшего ангорского духовенства, причем эта часть надписи наименее точно переведена Ж. Седесом.

Текст „В“

(1—13: разрушено). (14) ... nu kamraten an ... vrah guru (15) pangam thpvan nivedana ta dhuli vrah pada dhuli jen vrah kamrate (16) n an crijau-aviravarmmadeva pi sthavana pracasta neh (17) pre vrahmanacarya oу vara anak ta vardheya oу capa ana (18) k yok bhumi vrai ramtyan pi thve vakra pi vvam thve rohh (19) kalpana kamraten phdai karom° vrahmana ta o (20) y vara capa° rajapurohita° mratan khlon visnu ta vyar (21) mratan khlon°... mratan khlon-make-(22)-ca° kamraten an vrah guru° kamsten an rajani-(23)-vasa khlon samtap° sten an dharmmavasa acaryyahoma (24) vrah pamnvas bhagavata oval syan ta oу vara anak ta vardheya oу (25) capa anak ta thve vakra pi thve ksaya bhumi vrai ramtya — (n) len dau narakk°

Перевод

(1—14: разрушено). (15—19). Vrah Guru с почтением попросил его величество царя Шри Джаявиравармадеву воздвигнуть этот эдикт и назначить брахманов и ачарьев для произнесения благословения тем людям, которые будут способствовать процветанию [данного учреждения], и проклятья тем, кто захватит землю Врам Рамтьянг, чтобы действовать обманным путем и нарушать условия царского указа. (20—25). Вот брахманы, произнесшие благословение и проклятье: царский жрец (раджапурохита), два вишнуита mratan khlon ... и mratan khlon-makeca, kamraten an Vrah Guru, kamsten, an Раджаниваса [по должности] khlon samtap, sten an Дхармаваса, ачарьяхома. Все эти священники-шиваиты и бхагаваты произнесли благословение всем, кто будет содействовать процветанию земли Врам Рамтьянг, и проклятье тем, кто, действуя обманным путем, приведет ее в упадок: „да попадут они в ад“.

Надпись Тнот Тьюм относится к царствованию Джаявиравармана (1001—1006). Из стороны „А“ мы узнаем, что речь в ней идет о передаче целинной или брошенной (cunyatula) земли храму бога Лингапуры и богини Ангве Данле. Эта передача состоялась в 952 г., в царствование Радженд-равармана II. По тем или иным причинам земля оставалась неиспользованной до 977 г., когда царь Джаяварман V (968—1001 гг.) издал повторный указ (casana) об установлении границ земли и передаче ее указанному храму. Наконец, как устывает из перевода стороны „В“, в царствование Джаявиравармана потребовалось новое серьезное подтверждение прав храма на эту землю, причем установление нового царского указа, запечатленного в надписи на камне (pracasta), сопровождалось на этот раз присутствием группы „брахманов и ачарьев“, которые лично и перед лицом царских вельмож (sanjak),

¹⁷ IC, VI, pp. 218—223. Цифрами в круглых скобках здесь и далее обозначается порядковый номер строк надписи.

знатных людей (*purusapradhana*)¹⁸ и т. д. провозгласили „благословение тем людям, которые будут способствовать процветанию [данного учреждения], и проклятья тем, кто захватит указанную землю... , чтобы действовать обманным путем и нарушать условия царского указа“. К сожалению, большая лакуна в начале текста „В“ скрыла от нас причину особенно торжественного характера этой церемонии. Однако можно предположить, что мы имеем дело с представителями высшего духовенства, авторитет которых по неизвестным нам причинам потребовался в данном случае. В пользу такого предположения свидетельствует следующее. Обычно дарственные надписи, сделанные на камне, включают формулу, содержащую предупреждение злоумышленникам, благословение в адрес благочестивых людей, но нигде не говорится о том, что эта формула произносится непосредственно „брахманами и чарьями“, назначенными для этой цели царем. Присутствие в числе „брахманов и чарьев“ таких лиц, как раджапухита и *Vrah Guru*, может служить подтверждением нашей мысли.

Данная надпись интересует нас главным образом с точки зрения установления того, кто были те официальные лица, которые выступали в подобных случаях от лица класса брахманов, и хотя в различные периоды истории Ангкора состав этой группы мог быть неодинаковым, полученные нами результаты изучения представляют определенный интерес для исследующих эти периоды.

Известна выдающаяся роль, которую играли брахманы в ранге пурухит¹⁹ в камбоджийской истории. Надписи дают возможность выделить по крайней мере 3 категории пурухит, вероятно, находившихся в некоторой родственной связи. Во-первых, это пурухиты в отдельных храмах, такие как Виная в храме Парамешвара (Праха Ко),²⁰ или Виндудева в храмах Джалангешвара (Бос Прах Нан) и Чанданагири (Пхном Прах Бат).²¹ Под влиянием господствующей шиваитской религии пурухиты отправляют шиваитский ритуал даже в буддийских храмах. Надпись Ват Ситхор (Х в.),²² предписывающая

¹⁸ Это явствует из содержания стороны d той же стелы, где говорится: (7) *anak sanjak ta angva* (8) *u na car pracasta* (9) *vrahmanacaryya aval* (10) *chvat blumi vraj ram* (11) *tyan*... („ведьможи, присутствовавшие при установке этого адикта, все брахманы и ачарьи, определившие границы земли Врам Рамтьянг...“); и далее после лакуны; (17) ... *purusapradhana*... *crestha* (19) *pura aval ta a* (20) *ngvay na vrahmana* (21) *caruua ou vara (ca)* (22) *ra* („знатные люди... Шрештхапура, все присутствовали во время произнесения брахманами и ачарьями благословения и проклятия“).

¹⁹ Пурухита означает буквально „поставленный впереди“. Так назывались главные жрецы при дворе индийских, цейлонских и других государей в странах индийской культуры. Пурухиты выполняли не только часть обрядовых функций, но и являлись ближайшими советниками царя. См., например: A. L. Basham. *The wonder that was India*. London, 1956, p. 100; M. V. Ariyaratna. *Society in Mediaeval Ceylon*. Colombo, 1956, pp. 97—99.

²⁰ IC, t. I, pp. 189—194. Обращает на себя внимание тот факт, что Виная назван внучатым племянником Шикхашивы, хотара (жреца) Яшовармана I, Харшавармана I и Яшовармана II. Следовательно, этот „провинциальный“ пурухита состоит в родстве с хотаром современных ему царей Джаявармана IV и Раджендравармана II, также внучатым племянником Шикхашивы (см.: BEFEO, t. XXV, p. 355).

²¹ IC, t. II, pp. 126—133. Возможно, также член известного рода Прамаватмана, поставлявшего хотаров на царскую службу.

²² IC, t. VI, pp. 209—211.

общине воздержание от участия в жертвоприношениях (Yajna), обязывает ее вместе с тем приглашать для совершения жертвенного обряда пурохиту, „знающего науку сердца, жесты (mudra) и магические формулы (mantra), жертвенный церемониал (homa) и тайну колокольца и молний,²³ и платить ему вознаграждение (daksina): (37) hrhmudramantravidyasu homakarmma ni kovidah (38) bajradhantcarahasyajno daksiniyah purohitah.

Естественно, главенствующее положение среди пурохит занимают жрецы храма главного кхмерского бога devaraja (или кхм. kamraten jagat ta raja). Эта должность закреплена за представителями (главами) одного рода, все члены которого являются служителями (санскр. uajaka, кхм. Amin) девараджи. История этой привилегированной семьи отражена в надписи Сдок Как Тхом (1052 г.).²⁴ Первым пурохитой учрежденного в 802 г. царем Джаяварманом II культа девараджи был родоначальник этой семьи Шивакаивальи, который до своего назначения пурохитой девараджи был хотаром и наставником (guru) царя.

Должность пурохиты девараджи была связана со знанием определенных магических обрядов. Надпись рассказывает, как первый пурохита был посвящен в таинства магического ритуала девараджи неким Хираньядамой, „великим брахманом, наделенным необычайным умом, который с почтением раскрыл перед царем могущество своей магии...“ (51) hiranyadama-dvija-pun-gavo gryadhir (52) ananya-lavdham khalu siddhim adarat prakasayam asa mahibhrtam prati).

Шивакаивальи узнал от этого брахмана тантристские шастры — Cirackkeda, Vinacikha, Sammoha, Nayottara, — составлявшие, видимо, ядро ритуала девараджи. Должность служителей культа девараджи была закреплена указом царя и „первых среди брахманов“ за членами семьи и потомками Шивакаивальи по женской линии (matrivamsa). Глава рода в каждом поколении должен был становиться пурохитой девараджи и хотаром царя. Так, пурохитой девараджи при Джаявармане III стал племянник (сын сестры) Шивакаивальи Сукшмавинду, пурохитой девараджи при Харшавармане II и Раджендравармане II был Атмашива, при Джаявармане V — его внучатый племянник Шивачарьяпандита, наконец, при Сурьявармане I пурохитой становится сначала Садашива, племянник Шивачарьяпандита, а после того как Садашива по распоряжению царя снял с себя сан (phsik), на пост пурохиты назначается представитель другого семейства — Шанкарапандита (дядя Сурьявармана I).

Обращает на себя внимание тот факт, что в отдельные периоды род Шивакаивальи поставляет на службу царям наставников (гуру) хотаров, но не пурохит. Для этих периодов (царствование Яшовармана I, Харшавармана I, Джаявармана IV) не установлено, кто отправлял функции пурохиты девараджи. Возможно, что по тем или иным причинам этот пост оставался вакантным. Это не означает, разумеется, перерыва в отправлении культа, а лишь свидетельствует о том, что этот культ отправляется жрецом в более низком, чем пурохита, ранге.²⁵

²³ Колоколец, надетый на молнию, является символом Ваджрасаттвы.

²⁴ BEFEO, t. XV, pp. 53—106.

²⁵ Седов полагает, что со времени Индравармана пост пурохиты отделяется от поста главного священника девараджи (BEFEO, t. XLIII, p. 116).

С другой стороны, можно встретить случаи существования при дворе царя двух (или более) пурухит. При Джаявармане III и Индравармане, например, наряду с Сукшмавинду из надписи Сдок Как Тхом пурухитой являлся Шринивасакави (надпись Баконг),²⁶ однако он, возможно, был вишнуитским пурухитой и не имел отношения к культуре девараджи.

В особую категорию пурухит можно, очевидно, выделить лиц с титулом раджапурухита (царский пурухита). Бриггс²⁷ вслед за Седесом²⁸ высказывает предположение, что титулом раджапурухита наделялись светские лица. Действительно, как правильно замечает Бриггс, в этой роли выступает Шивакаивалья, до того как он становится пурухитой девараджи,²⁹ и Садашива, после того как он слагает с себя духовный сан, женится на сестре царицы и назначается царем Сурьяварманом I на светскую должность начальника работ первой категории (*khlon karmmantara eka*).³⁰ Бриггс ошибочно считает, что этими двумя случаями ограничивается употребление термина раджапурухита в кхмерской эпиграфике. Можно привести по крайней мере еще 3 примера, в которых встречается этот титул,³¹ однако эти примеры скорее подтверждают, нежели опровергают предположение Бриггса. Так, в царствование Джаявиравармана титул раджапурухиты носит Кавиндрапандита, главный наставник царя (не гуру, а *asaryapungava*), его советник (*mantrin*), „всегда имеющий доступ во внутренние покои“.³² При предшествующем царе Джаявармане V он служил царским ачарьей, а также возглавлял церемонию коронации (*adhiseka*), т. е. можно предположить, что в это время он был брахманом, отправлявшим культ, а при Джаявиравармане стал брахманом на государственной службе, советником царя (*mantrin*), чем и объясняется его титул — раджапурухита. Заметим, однако, что любое такое предположение носит гипотетический характер. Ясно лишь одно, что раджапурухита представляет собой некое высокопоставленное лицо, связанное одновременно и с культовыми функциями (о чем говорит сам компонент — „пурухита“), и с несением определенных государственных обязанностей. Присутствие такого лица в нашем списке, безусловно, свидетельствует о высоком характере данного собрания (возможно — это упомянутый выше Кавиндрапандита).

Последним известным нам пурухитой девараджи в кхмерской истории был Шанкарапандита, занимавший этот пост при Сурьявармане I, Удаядитьвармане I и Харшавармане III. В дальнейшем должность пурухиты девараджи не встречается в надписях, что, возможно, свидетельствует о глубоких изменениях, которые произошли в государственном культе и в его организации под влиянием усилившихся в XI—XII вв. вишнуизма и махаянистского буддизма в Камбодже.

²⁶ IC, t. IV, p. 39—44.

²⁷ P. L. Briggs. *The Ancient Khmer Empire*. Philadelphia, 1951.

²⁸ BEFEO, t. XLIII, p. 66.

²⁹ Там же, т. XV, стр. 87.

³⁰ Там же, стр. 91.

³¹ См.: IC, t. III, p. 21; Vat Baset Inscription; BEFEO, t. XXVIII, p. 79; Trapean Run Inscription; IC, t. VI, p. 222; Prasat Thot Cun Inscription.

³² BEFEO, t. XXVIII, p. 74.

О. Г. БОЛЬШАКОВ

АРАБСКИЕ НАДПИСИ НА ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ IX—XI вв.

IV

Афористические надписи

В предыдущей статье были опубликованы наиболее распространенные афористические надписи, представленные большим числом экземпляров; остальные были встречены по 3—4 раза или даже уникальны. Многие из них не дают полного текста; часть из них мы публикуем ниже.

V

اشرف الغنى ترك المني

Перевод. „Благороднейшее из богатств — отказ от желаний“.

1. Белоангобная коническая чаша. МВК, № 517 III (табл. I, а).

اشرف الغنى ترك المني^٥

Почерк — четкий керамический курсив. Все буквы, кроме гайн, снабжены диакритическими точками. Точка стоит также под обоими ра, три точки над шином расположены горизонтально. Петля гайна разомкнута. После слов الغنى والمنى поставлены петли, похожие на хā или tā марбу́та. Если предположить, что это действительно tā марбу́та, то смысл надписи не изменится, поскольку مُنِيَّة ед. ч. от مُنَى — „желание“, а غُنَى = غُنِيَّة. Однако раздельное написание tā марбу́та представляется очень сомнительным. Скорее всего эти петли служат разделительными знаками.

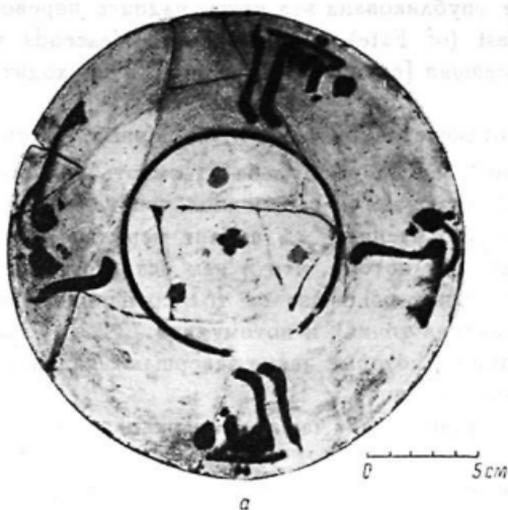
Наше предположение подтверждается надписью на конической белоангобной чаше из Нишапура, хранящейся в одном из музеев Нью-Йорка.¹

اشرف الغنى ترك المني بالبركة والسلامة

Перевод. „Благороднейшее богатство — отказ от желаний. Благословение и здравие“.

Почерк — керамический курсив с размашистыми и строгими линиями. Начало отделено от конца петлевидным разделительным знаком, слова غنى и منى написаны без петлевидного знака.

¹ Islamic Art. An Exhibition of islamic art at Ohio State! Museum. Ohio, 1956, fig. 5.

а

б

Табл. I, а—б. Чаши с надписью „Благороднейшее из богатств — отказ от желаний“. X в.

В каталоге, где опубликована эта чаша, надпись переводится совершенно иначе: „The Noblest (of Fate) is when Death descends with Blessing and Peace“ („Благороднейшая [судьба?], когда смерть приходит с благословением и миром“).

Этот перевод отличается от нашего, во-первых, чтением слова *منى* не как *مَنْى* — „желание“, а *مَنْى* — „судьба“, „смерть“, и, во-вторых, тем, что слова *البركة والسلامة* включаются в основной текст.

Несмотря на то что чтение *مَنْى* вполне вероятно, перевод в целом кажется нам сомнительным потому, что в нем остается непереуведенным слово *الغنى* (так как переводчик основывался только на одной этой надписи, где над *гайн* не поставлена точка), и потому, что *البركة والسلامة* являются обычными благопожеланиями, которые часто завершают надписи независимо от их содержания (например надпись I, 1).²

2. Белоангобная коническая чаша. Самарканд, А-1-27 (табл. I, б). Дата та же.

Надпись тождественна. Разница заключается в том, что слова через одно написаны красной и черной краской.

Йā в обоих случаях имеют хвостик, повернутый влево, близкий написанию конечного *нуна*, за который их и можно принять, если бы не предыдущая надпись. Гайн снабжен точкой, и это позволяет правильно читать все три надписи.

VI

العلم اشرف الاحساب والمروة اشيد الانساب

Перевод. „Знание (ученье) — благороднейшее из происхождений и мужество — славнейшая из генеалогий“.

На керамике Средней Азии мне эта надпись известна пока только по одному экземпляру.

1. Часть белоангобной чаши. Самарканд, А-49-437 (табл. II, а).

العلم اشرف الاحساب وال... لامة ود

Почерк своеобразный, средний между куфи и курсивом, точки отсутствуют, все линии очень тонкие, с небольшим нажимом. Вершины алифов и лāмов в большинстве случаев повернуты влево. ^сАйн с круглой головкой, в шйне зубцы слились, в сйне зубцы обозначены тремя наклонными штрихами на соединительной линии.

Конец фразы, по-видимому, искажен: *لامه* является концом слова *سلامة*, а от следующего слова остался только *дāл*. По почерку это скорее всего X в.

2. Белоангобная чаша, Нишапур (рис. 1).³

العلم اشرف الاحساب والمروة اشيد الانساب باليمن

Почерк — керамический курсив с некоторыми чертами, характерными для куфи. Вершины всех стволов повернуты влево. Все буквы снабжены диакри-

² См.: ЭВ, XVI, стр. 36.

³ Фотография была прислана автору покойным Д. Райсом, без указания, где сейчас находится это блюдо. По некоторым признакам можно предположить, что она из коллекции Метрополитанского музея в Нью-Йорке.

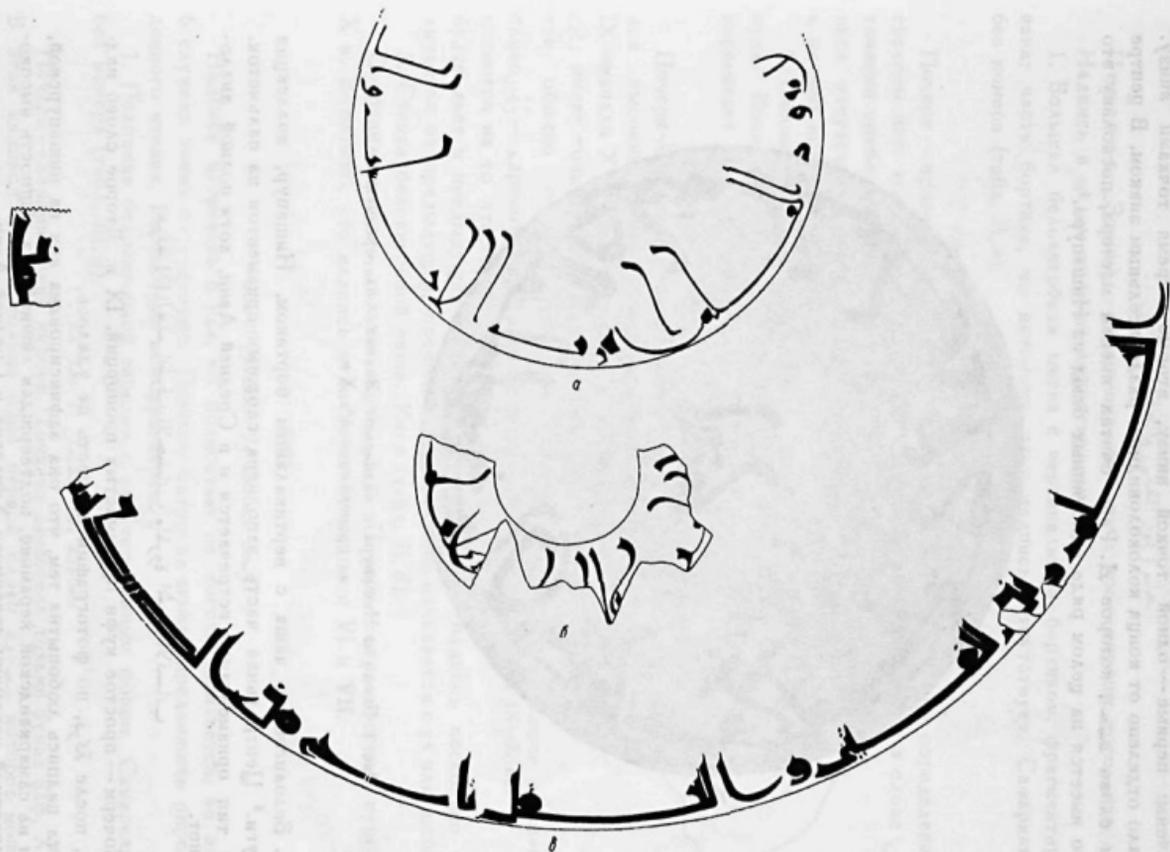

Табл. II, а-в. Надписи на керамике „Знание — благороднейшее из происхождений“ — и „Знание — украшение юноши“.
а, б — X в.; в — IX—X вв.

тическими знаками. Особенностью пунктуации является то, что ра и сйны отмечены: первые — одной точкой внизу, вторые — тремя точками внизу. Начало отделено от конца колоколовидным разделительным знаком. В центре чаши слово احمد, которое Д. Райс считал именем мастера, поскольку это слово имеется на целом ряде однотипных блюд из Нишапура.⁴

Рис. 1. Блюдо из Нишапура с надписью „Знание — благороднейшее из происхождений“. X в.

3. Белоангобная чаша с вертикальным бортиком. Нишапур, коллекция Форуги.⁵ Центральная часть заполнена сложным орнаментом из пальметок. Этот тип орнаментации встречается и в Средней Азии, хотя полной аналогии нет.

بركة [?] العلم اشرف الاحساب والمروة اشيد الانساب

Почерк — простое куфи приземистых пропорций, IX в. Второе слово надписи, после بركة, по фотографии прочесть не удалось.

Эта надпись любопытна тем, что она зафиксирована как на нишапурской, так и на самаркандской керамике, подтверждая лишний раз общность высококачественной керамики северного Хорасана и Средней Азии.

⁴ Мнение, высказанное устно.

⁵ 7000 ans d'Art en Iran. Paris, 1961, tab. CI, cat. 904.

VII

العلم زين الفتى والعقل تاج من...

Перевод. „Знание — украшение юности, а ум — корона того, кто...“.
Надпись в целом виде не зафиксирована.

1. Большая белоангобная миска с вертикальным бортиком, фрагментирована; часть бортика, по которому идет надпись, отсутствует. Самарканд, без номера (табл. II, в).

العلم زين الفتى والعقل تاج من الدس...

Почерк — простое куфи. Часть букв снабжена точками, но определенной системы нет: так, в слове زين точка стоит только над нуном, а в слове فتى точками снабжены все три буквы. В надписи отсутствует конец предпоследнего и начало последнего слов.

2. Обломок донца белоангобного сосуда. Киев, № 476 (рис. 2). Надпись пересекает донце по диаметру.

العلم زين ح...

Почерк — простое куфи, вершины створов высоких букв утолщены, конец IX—начало X в. Первая буква в слове زين имеет точку внизу. Как мы видели, так обычно обозначается ра, однако слово زين «дремота» здесь не подходит, несмотря на то что такое же чтение как будто дает и предыдущая надпись. Возможно, что надпись несколько отличается от предыдущей, поскольку третье слово начинается с хā или джйма.

3. Стенка белоангобной чаши. Киев (табл. II, б).

Сохранилось одно только слово العلم. Почерк — керамический курсив, X в. Возможно, что надпись отличается от надписи VI и VII.

Рис. 2. Фрагмент надписи со словом „знание“. IX—X вв.

VIII

لا يوجد المعاده ولا التفضل الا عند

Надпись встречена 6 раз, но полностью не восстанавливается, во всех 6 случаях точки отсутствуют. Поэтому автор не может предложить определенного чтения. Рассмотрим все фрагменты.

1. Половина белоангобной тарелки с пунктированным фоном. Самарканд, без номера (табл. III, а).

معاده ولا التفضل الا عند مق...

Почерк — керамический курсив. Точками снабжена только буква қāф, X в. В этой надписи неясно только одно первое слово معادية, которое можно прочесть как معادية и معادلة, поскольку предпоследняя буква выше, чем обычные зубцы низких букв. Остальная часть легко расшифровывается как

ولا التفضل الا عند مق...

2. Фрагмент стенки белоангобной миски с пунктированным фоном. Самарканд, без номера (табл. III, б).

يد لا يوحد ال... ا

Почерк — керамический курсив, X в.

Табл. III, а—д. Обрывки надписи VIII, X—начала XI в.

3. Край белоангобной тарелки, Самарканд А-49-463 (табл. III, в).

الامه معادية فلا

Почерк — очень приземистое тяжелое куфи, IX—начало X в.

4. Белоангобная тарелка с обломанными краями. Самарканд, А-43-45 (табл. III, з). Сохранились целиком только два слова ولا معاوية. Почерк — керамический курсив, X в.

Сопоставление этих четырех надписей позволяет установить значительную часть текста:

لا يوحد معاوية ولا التفضل الآ عند

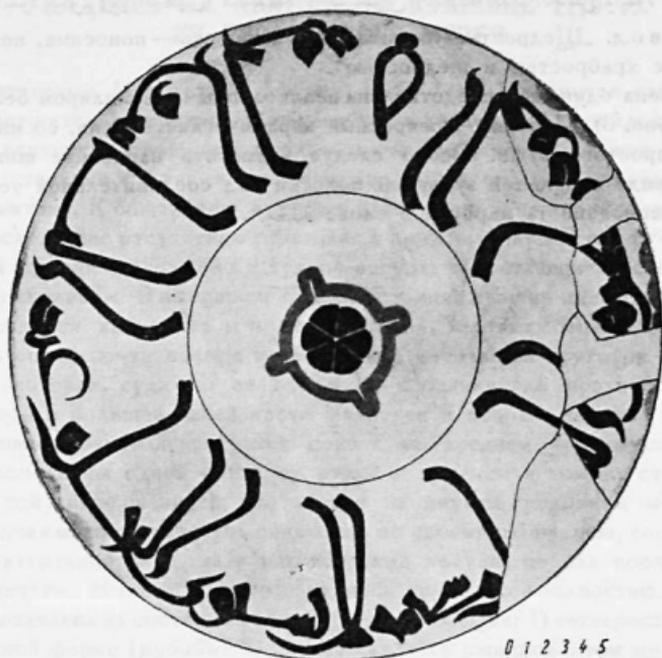

Рис. 3. Тарелка с надписью „Щедрость восхваляема“. X в.

Первое слово можно прочесть двояко, как توَّحد — „объединяться“, „соединяться“ и как يوجد — „имеется“, „находится“. Второе слово معاوية, по-видимому, следует читать مُعَاوِيَةَ — как причастие действительного залога, женского рода от عَدَى III — „враждовать“.

Предположительное чтение: „не объединяется (не находится) враждебность и благосклонность, кроме как у...“.

5. Белоангобный кувшинчик. Эрмитаж, СА-7003 (табл. III, д).

لا يوحد المر الا في معاوية و

Эта надпись является неосмысленным сокращением того же текста.

6. Большое белоангобное блюдо, Киев, № 274.⁶ Надпись развитым цветущим куфи, где буквы настолько орнаментализированы, что их почти невозможно узнать. Распознается с несомненностью одно только слово *معادية*. В дальнейшем, быть может, удастся прочесть всю эту надпись и восстановить полный текст.

IX

الجود مكرم [و] البخل مشتمة لا يستوى البخله عند البأس والجود

Перевод. „Щедрость — почитаема, а скупость — поносима, не сравнится скупость с храбростью и щедростью“.

Встречена один раз и представлена великолепным экземпляром белоангобной тарелки (рис. 3). Почерк — прекрасный керамический курсив, со многими элементами простого куфи. Особо следует отметить написание шина в слове *مشتمة* в виде отдельной зубчатой полоски над соединительной чертой и отдельное написание *tā marbuta* в слове *البخله*.

⁶ Воспроизведение см.: Мистецтво країн ісламу. Каталог. Склали М. Вязьмітіна. Матеріали до епіграфіки В. Крачковської. Київ, 1930, табл. VI, № 182.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

НАДПИСЬ НА ЛЮСТРОВОМ КУВШИНЕ 1179 г. ИЗ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ

В Британском Музее под шифром 1920, 3-26, 1 хранится самый ранний из сохранившихся датированных образцов средневековой персидской художественной керамики. Это — небольшого размера люстровый кувшин с довольно толстыми стенками и с узким отверстием на шейке, что дает основание видеть в нем ароматник. К сожалению, вопрос о назначении кувшина остается неразрешенным вследствие отсутствия горлышка и придерживавшей его ручки. В значительной степени повреждено и тулово сосуда, недостающие места которого, однако, восполнены. В нынешнем своем состоянии кувшин имеет 14 см высоты.

Повреждения коснулись и поливного слоя, местами отпавшего. Это повлекло за собой почти полное исчезновение небольшой круговой надписи на плечиках, которая, судя по ее остаткам, представляла поэтический текст. Поэтической в большей своей части является и вторая надпись, полностью сохранившаяся, занимающая узкий поясик на среднем уровне стенок. Обе надписи исполнены одной и той же рукой и в одном и том же стиле письма (*насх*), с той лишь разницей, что первая из них по условиям места более мелка. Вторая надпись известна пока лишь по своему окончанию, сообщающему дату ее начертания, т. е. дату изготовления сосуда, не раз воспроизводившуюся в печати.¹ Ныне впервые эта надпись приводится полностью. Для удобства она разделена на составные части, представляющие: 1) четверостишие, в его классической форме (*рубайи*); 2) двустишие, выдержанное в том же стихотворном метре, и, наконец, 3) упомянутую дату (см. таблицу).² Читаются они так:

چرخا چه نهی پای ستم در پیشم *
این دشمن من تو بر سرم چند زنی *
من خود زده طالع و بخت خویشم	[1]
شادی و نشاط و خرمی کار تو باد *
کتبه فی یوم الثالث من سنه خمس و سبعین و خمس مایه	[2]
	[3]

Перевод

[1] О, небесный свод, что ты подступаешь ко мне с насилием!

О, судьба, что ты издеваешься надо мной (идиома, дословное значение которой: что ты посыпаешь солью мою бороду)!

¹ R. L. Hobson. A guide to the Islamic Pottery of the Near East. London, 1932, fig. 25 A; A Survey of Persian Art, Oxford—New York, 1936—1939, vol. II, p. 1672; vol. V, pl. 636 B; بهرامی، ظروف سفالین، تهران، ۱۳۶۷، صفحه ۱۱۱.

² Считаю своим долгом принести благодарность Британскому Музею и, в частности, г-ну Р. Пиндер-Вильсону за присылку мне воспроизводимой фотографии.

О, враг мой, доколе ты будешь бить меня по голове, —

Я и так уже побит своею долей и судьбой!

[2] Да будут твоим делом радость, веселье и удовольствие,

[И] да будут твоими друзьями преуспеяние, счастье и победа!

[3] Написано это в третий день пятьсот семьдесят пятого года.

Дата надписи соответствует 10 июня 1179 г.

Перевод требует некоторых пояснений.

Если сохранять в начале 3-го стиха четверостишия указательное местоимение *این*, то стих в целом приобретает характер неизвестно к кому обращенной и вместе с тем не вполне вразумительной фразы: „доколе ты будешь бить меня по голове этим врагом моим!“. Кроме того, в таком виде стих не вязался бы и с последующим, четвертым стихом, в котором автор жалуется на то, что он и так уже побит своей судьбой. Поэтому перевод дан с заменой указательного местоимения *این* восклицанием *ای*. Эта вызванная общим смыслом стиха замена отвечает также и композиции четверостишия в целом. В таком виде третий стих уподобляется двум предшествующим стихам, приобретая в своем начале восклицание, обращенное автором к объекту, совершающему над ним насилие. Поэтому нужно признать, что, очевидно, при нанесении на кувшин надписи в рассматриваемом месте была допущена незначительная и легко объяснимая описка.

Переходя к двустижью, следует заметить, что, поскольку в нем строго соблюден стихотворный метр *рубайи*, не исключена возможность, что и на самом деле оно является частью четверостишия. В таком случае двустижие представляло бы первые два стиха.

Что же касается даты, то хотя ее глагольное начало *کتبه* и является вполне каноническим, все же при отсутствии в ней субъекта, как и вообще при отсутствии в надписи упоминания о мастере, расписавшем или сделавшем в целом кувшин, представилось более правильным перевести указанное начало как „написано это“, чем дать буквальное значение „написал это“.

Если дата кувшина применительно к нему как к вещественному памятнику ограничивается историко-техническим и историко-художественным значением, то применительно к начертанным на нем стихам она имеет также историко-литературное и историко-культурное значение. Дело не только в том, что она определяет рубеж, после которого не могли быть сочинены эти стихи, она является самой ранней документацией обычая вносить в надписи, которыми украшались керамические изделия Ирана, образцы персидской лирики. К тому времени благословительно-благожелательные надписи на керамике, так же как на изделиях других производств, насчитывали не одну сотню лет своего существования. Однако включение в текстовые орнаменты лирического элемента свидетельствует о появлении новой струи, которая явно сложилась в среде ремесленников-керамистов городского типа. Отсутствие более ранних документальных материалов лишает нас возможности проследить время возникновения этого явления, которое и само по себе остается все еще необъясненным.

Надпись на люстровом кувшине 1179 г. из Британского музея.

А. А. ИВАНОВ

ДАННЫЕ ЭПИГРАФИКИ И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ ИРАНСКИХ МЕДНЫХ И БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ XIX в.

Одним из наиболее сложных вопросов в области изучения художественного ремесла Ирана является проблема датировки изделий иранских мастеров.

При решении данного вопроса должны приниматься во внимание как технические и художественно-стилистические особенности, так и данные эпиграфики. В отдельных редких случаях можно ограничиться привлечением лишь данных надписей, но тогда следует особенно осторожно подходить к датировке памятника, поскольку ошибочная датировка повлечет за собой неправильную атрибуцию ряда аналогичных изделий.

В пятом выпуске „Эпиграфики Востока“ (1951 г., стр. 58—60) проф. А. А. Семенов опубликовал статью „Персидский судок XVII в. для пряностей“, в которой дается подробное описание этого предмета, хранящегося в Ташкенте, а также чтение и перевод украшающих его надписей. В стихах на крышке судка (в последней мисра') проф. А. А. Семенов читает дату 1093 г. х. (1682 г.).

Некоторые технические особенности нанесения орнаментов и надписей заставляют усомниться в этой дате. Сомнение подкрепляется еще и тем, что в собрании Гос. Эрмитажа имеется совершенно аналогичный по форме судок¹ (рис. 1), на крышке которого стоит точная дата, обозначенная цифрами — 1261 г. х. (1845 г.)² (рис. 2). Упомянутый судок тоже представляет собой цилиндр, состоящий из 5 отдельных, вставляемых одна в другую чашек, верхняя из которых закрывается крышкой округлой формы со слегка выступающим кругом в центре.

На верху крышки, в круге, помещена надпись и дата: لعنت تمام نمک دارد — „Рот твой полон приятности, 1261“ г. х. (1845 г.). Вокруг крышки идет узкая полоса с орнаментом в виде изогнутой ленты. Ниже — широкая полоса, разделенная на четыре части арочками с растительным орнаментом внутри.

¹ Инв. номер VC 331; высота 21.3 см, диам. 8.7 см. Поступил в Гос. Эрмитаж из Азиатского музея в 1930 г.

² Как сообщил мне Ю. А. Миллер, в Киевском музее западного и восточного искусства имеется аналогичный по форме судок, датированный 1266 г. х. (1849—1850 гг.). В Музее этнографии народов СССР хранятся два аналогичных медных луженых судка (№ 7103-916 и ГМЭ 18272/1-6), но, к сожалению, без точных дат изготовления. С точки зрения техники, они аналогичны эрмитажному судку и датировать их следует XIX в.

Рис. 1. Медный судок для пряностей 1261/1845 г. из собрания Гос. Эрмитажа.

Между ними расположены четыре картуши со стихами (стихи те же, что и на ташкентском судке), размер هز:

در مرکز آفرینشی استاد علیست
 * عالم همه بند[ه] اند و 4 آزاد علیست
 آ[مد]د 5 نمک علی موافق بعدد
 * یعنی نمک سفر[ه] 6 سجاد 7 علیست 8

На нижней части крышки проходит узкая полоса с орнаментом в виде изогнутой ленты.

Рис. 2. Крышка медного судка 1261/1845 г.

Орнамент первой чашки состоит из ряда фестончатых медальонов с розеткой внутри (в одной розетке стоит цифра 1); около края — полумедальоны.

³ Восстанавливается по чтению проф. А. А. Семенова (Персидский судок XVII в. для пряностей. ЭВ, 1951).

⁴ В надписи на ташкентском судке не имеется.

⁵ Слово пропущено, в надписи имеется только один «алиф»; восстанавливается по чтению проф. А. А. Семенова.

⁶ Восстанавливается по чтению проф. А. А. Семенова.

⁷ В надписи на судке это слово стоит в форме اسجاد. Восстанавливается по чтению проф. А. А. Семенова.

⁸ Перевод см. в статье проф. А. А. Семенова. В этой надписи четыре раза упоминается имя 'Али'. По всей видимости, речь здесь во всех случаях идет о четвертом халифе 'Али, который у шиитов считается святым. Поэтому вряд ли возможно выражение استاد علی — «мастер 'Али» считать в данном случае подписью ремесленника, как это сделал в своей работе проф. Л. Майер. См.: L. A. Mayer. Islamic metalworkers and their works. Geneva, 1959, p. 32.

На второй чашке такие же арочки с растительным орнаментом (в одной из них стоит цифра 7) и картуши как на крышке судка. Стихи те же — из „Голестана“ Са'ди, что и на крышке ташкентского судка, размер هزج:

غرض نقشیست⁹ کز ما باز[ز] ماند * که هستی را نمیبینم بقائی
مگر صاحبدلی روزی [برحمت] ¹¹ * کند در حق درویشان [عاشی] ¹²

На третьей чашке орнамент точно такой же, как и на первой (в одной из розеток стоит цифра 7, возможно, здесь нечетко написано 7).¹³

Рисунок орнамента, украшающего четвертую чашку, точно такой же, как и на второй (в одной из арочек стоит цифра 7, возможно, что это должно быть 7). Стихи в четырех картушах, размер هزج:

الهی عاقبت معمور کرد * بلای [نا]گهانی¹⁴ دور کرد

Перевод

Аллах исход дела сделал благополучным,
Отдалил нежданную беду...¹⁵

Орнамент пятой чашки точно такой же, как на первой и третьей чашках. Внутри этой чашки, на дне, видна часть клейма, поставленного, вероятно, мастером: часть круга из точек и цветков (лепестки цветка тоже в виде точек).

Как мы видим, судок Гос. Эрмитажа совершенно аналогичен по форме ташкентскому судку; две надписи, украшающие эти предметы, тоже совпадают. Орнаменты на них, правда, различны, но способ их нанесения, так же как и техника изготовления обоих судков, одинаковы.

Все части судка Гос. Эрмитажа были выкованы из красной меди, и внешняя поверхность их была, по-видимому, обточена потом на токарном станке. После этого весь предмет был вылужен и снаружи, и внутри. Затем судок украсили гравированными орнаментами и надписями, буквы которых были намечены только контурными линиями. Сочетание белой луженой поверхности, пересекаемой красными линиями меди, создало определенный красочный эффект. Это был один из приемов украшения металлических изделий XIX в.

Фон орнаментов (кроме арочек на крышке, на второй и на четвертой чашках) оставлен гладким, без обработки, а фон надписей был обработан:

⁹ Буква *ی* отсутствует в чтении надписи проф. А. А. Семенова. В критическом тексте „Гулистана“ тоже стоит буква *ی*. См.: Са'ди. Гулистан (критический текст). М., 1960, стр. 79.

¹⁰ Буква *ز* отсутствует в надписи. Проф. А. А. Семенов читает это слово как *باد*, хотя на рис. 2 в статье проф. А. А. Семенова явно видно *باز*. То же слово стоит и в критическом издании „Гулистана“ (см. стр. 79).

¹¹ Отсутствует в надписи на судке.

¹² Три последние буквы отсутствуют в надписи на судке. Перевод см.: Са'ди. Гулистан (критический текст), стр. 65.

¹³ На чашках судков Музея этнографии народов СССР цифры вырезаны четко.

¹⁴ Восстанавливается на аналогичной надписи на медной крышке VC 33 из собрания Гос. Эрмитажа, датированной 1274 г. х. (1857—1858 г.).

¹⁵ Один бейт этой надписи не удается прочитать.

сначала мастер, по-видимому, легко наметил контуры букв и растительного орнамента, а всю остальную поверхность фона обработал пунсоном в виде рядов точек.¹⁶ Уже после этого мастер резцом обвел глубокими линиями контуры букв и элементы растительного орнамента.

В XVII в. техника нанесения орнаментов и надписей была совершенно иная.

Во-первых, точечный пунсон употребляется для обработки фона только на астрономических инструментах.¹⁷ Ни на каких других медных или бронзовых (возможно, латунных) изделиях XVII в. мне не встречалась обработка фона точечным пунсоном.

Во-вторых, на бытовых медных и бронзовых (латунных) предметах XVII в. фон обязательно обрабатывался косым штрихом, вследствие чего надписи и орнаменты получались в легком рельефе (не исключена возможность, что во время нанесения штрихов снималась часть фона). Этот косой штрих является характерным и датирующим признаком изделий XVII в.¹⁸

Как мы видели выше, надписи и орнаменты на рассматриваемых судах были нанесены иначе. Поэтому уже только на основании техники обработки фона судов, изданный проф. А. А. Семеновым, нельзя отнести к изделиям XVII в.

Помимо этих технических приемов, о поздней дате изготовления ташкентского судка свидетельствует и характер почерка надписей.

На предметах XVII в. надписи выполнены почерком, близким к насталику. Буквы довольно тонкие и четкие, росчерки букв никогда не бывают очень большими и широкими.¹⁹

На медных луженых изделиях XIX в. почерк тоже близок к насталику, но буквы надписей довольно утолщены и небрежные, росчерки становятся очень большими и резко выделяются на фоне остальной надписи.²⁰ Именно так и выполнены буквы надписей на рассматриваемых судах. Следует сразу же от-

¹⁶ Мастер использовал по крайней мере два пунсона: один с двойным углублением и второй — с тройным. На ташкентском судке фон тоже обработан пунсоном (см. рис. 2 в статье проф. А. А. Семенова „Персидский судок XVII в. для прыностей“).

¹⁷ См. астролябию, опубликованную в: *A Survey of Persian Art* (в дальнейшем SPA), vol. VI. London and New York, 1939, tab. 1401, — и изготовленную в 1057 г. х. (1647 г.), а также астролябию из собрания Гос. Эрмитажа (инв. номер VC 1044), сделанную в 1093 г. х. (1682 г.). В данном случае, как и в дальнейшем, ссылки даются только на точно датированные изделия.

¹⁸ См. статью: А. А. Иванов. О принципах датировки медных и бронзовых изделий Ирана XV—XVIII вв. (далее: О принципах датировки). „Труды Государственного Эрмитажа“, т. V, л., 1960, стр. 243—250, таблица, №№ 18—27.

¹⁹ См.: SPA, vol. VI, tab. 1336B; изделия XVII в. из собрания Гос. Эрмитажа: а) кувшин медный 1011 г. х. (1602—1603 гг.); (VC 363); б) бутылка латунная 1014 г. х. (1605—1606 гг.) (VC 701); в) крышка медная 1085 г. х. (1674—1675 гг.) (VC 464).

²⁰ Весьма вероятно, что это изменение характера почерка надписей начинается в XVIII в., ибо существует группа медных изделий, буквы надписей которых уже утолщены и росчерки увеличены, но фон обработан косым штрихом, а не пунсоном. К сожалению, пока не удалось обнаружить среди этой группы точно датированных вещей, хотя переходный характер трактовки их орнаментов и надписей довольно ясен.

метить, что такой характер почерка появляется не на всех изделиях из меди и бронзы (латуни) XIX в., а чаще всего на луженых медных изделиях.²¹

Что же касается самих надписей, то содержание их не дает прямых указаний на время изготовления обоих сосудов.²² Проф. А. А. Семенов читает в строке одного из стихов *يعنى نكك سفره سجاد علبست*. дату 1093 г. х. (1682 г.). Непонятно, почему проф. А. А. Семенов опустил при подсчете слово *يعنى*, сумма численных значений букв которого равна 140. Если же считать и это слово, то общая сумма числовых значений букв приведенной строки будет равна 1233, т. е. 1233 г. х. (1818 г.). Такая дата вполне соответствует техническим и стилистическим приемам, которые были применены при изготовлении ташкентского судка, а также и характеру надписей.

На крышке судка, хранящегося в Гос. Эрмитаже, вырезаны те же самые стихи, в одной из строк которых проф. А. А. Семенов читает дату. Вместе с тем на крышке этого судка стоит и точная дата — 1261 г. х. (1845 г.). Такое совпадение указывает, по моему мнению, на то, что мастер, изготовивший эрмитажный судок, не рассматривал последнюю мисра' данного стиха как содержащую дату, либо не знал об этом, причем как стилистические и эпиграфические признаки, так и наличие точной даты исключают возможность иной датировки судка из собрания Гос. Эрмитажа.

Таким образом, судок для пряностей, опубликованный проф. А. А. Семеновым, был изготовлен, очевидно, не в конце XVII, а в первой половине XIX в., но не ранее 1233 г. х. (1818 г.).²³

В десятом выпуске „Эпиграфики Востока“,²⁴ была опубликована другая статья проф. А. А. Семенова, в которой тоже дано описание одного предмета и чтение надписей, украшающих его. О времени изготовления этой чашечки проф. А. А. Семенов написал только одну фразу: „Что касается века, к которому можно было бы отнести настоящую чашечку, то, судя по материалу и палеографическим данным, таковым мог быть XVI или XVII в.“²⁵ Никаких других доказательств, обосновывающих этот тезис, в статье не приводится.

Первая часть приведенной фразы не совсем ясна, ибо если под словом „материал“ подразумевается сама бронза и ее состав, то в настоящее время это не может служить датирующим признаком, так как анализ состава бронзы (латуни) изделий XVI—XVII вв. никем не производился и никаких сравнительных данных или таблиц не существует.

²¹ См., например, медную крышку из собрания Гос. Эрмитажа (VC 33), датированную 1274 г. х. (1857—1858 гг.) и медную луженую вазу (VC 729), датированную 1313 г. х. (1895—1896 гг.).

²² Следует отметить, что из всех надписей, украшающих оба судка, на изделиях XVI—XVII вв. мне встретились только стихи из „Голестана“ Са'дй.

²³ Не исключена возможность, что в этом году была создана только сама надпись, а не ташкентский судок, поскольку она же встречается и на одном из судков Музея этнографии народов СССР. Мастера просто стали употреблять эту надпись исключительно на судках. Такой пример мне известен для более раннего периода: стихи, украшающие иранские светильники XVI—XVII вв., встречаются только на этой группе изделий.

²⁴ А. А. Семенов. Персидская бронзовая чашечка XVI—XVII вв. с надписями. ЭВ, X, 1955, стр. 65—67.

²⁵ Там же, стр. 67.

Палеографические данные также не могут помочь нам при датировке чашечки, ибо палеография надписей на медных и бронзовых (латунных) изделиях XVI—XVII вв. совершенно не разработана и статей или работ об этом не имеется.

Таким образом, ни материал, из которого сделана чашечка, ни палеография надписей не могут служить при современном уровне наших знаний основаниями для датировки рассматриваемого предмета.

Более обоснованные выводы, касающиеся времени изготовления чашечки, могут нам дать техника нанесения орнаментов и надписей и характер самих орнаментов.

На рассматриваемой чашечке элементы орнаментов и букв надписей просто обведены резцом по контуру, причем весь фон на дне чашечки и частично на второй полосе целиком заполнен растительным орнаментом. На фоне надписей тоже имеется растительный орнамент, но и он нанесен только резцом, а остальная поверхность фона не обработана.

Как уже указывалось выше, на иранских медных и бронзовых (латунных) изделиях XVII в. фон надписей и орнаментов обязательно обрабатывался косым штрихом; это же самое явление наблюдается и на изделиях XVI в., только на этих последних фон обработан тонкой сеткой,²⁶ что тоже характерно только для XVI в. На изделиях XVI—XVII вв. фон надписей и орнаментов никогда не заполнен целиком другим орнаментом.²⁷

Таким образом, сама техника нанесения орнаментов и надписей не позволяет датировать этот предмет XVI—XVII вв., а заставляет отнести время его изготовления к более позднему периоду, скорее всего к XIX в.²⁸

Орнаменты, украшающие рассматриваемую чашечку, тоже указывают на ее позднее происхождение. На чашечке много раз повторяется изображение смотрящей вверх птички на фоне листы. Этот орнаментальный мотив не встречается на медных и бронзовых (латунных) изделиях XVI—XVII вв., а появляется только на предметах, изготовленных позже середины XVIII в.²⁹

²⁶ См.: О принципах датировки, табл. №№ 10—14; А. А. Иванов. О первоначальном назначении так называемых иранских „подсвечников“ XVI—XVII вв. Исследования по истории культуры народов Востока. М.—Л., 1960. стр. 339, рис. 2.

²⁷ См., например, котел медный луженый, 942 г. х. (1535—1536 гг.) (SPA, vol. VI, tab. 1385A); основание светильника латунное (?), 986 г. х. (1578—1579 гг.) (SPA, vol. VI, Pl. 1384A); чаша медная луженая, 1030 г. х. (1620—1621 гг.) (SPA, vol. VI, Pl. 1386B).

²⁸ Датировка рассматриваемой чашечки временем ранее XVI в. по тем же техническим признакам представляется невероятной, так как нам неизвестны изделия XIV—XV вв., украшенные только гравированным орнаментом без обработки фона крупной сеткой. Переход к украшению медных и бронзовых (латунных) изделий только гравированным орнаментом без обработки фона (теперь уже косым штрихом) происходит, по-видимому, в середине XVIII в. Наиболее ранним из известных мне предметов этого рода является хранящийся в Гос. Эрмитаже сольфан (VC 620), датированный 182 г. х., т. е. 1182/1768—1769 г.

²⁹ а) Фонарь медный луженый, 1212 г. х. (1797—1798 гг.) (Гос. Эрмитаж, инв. номер VC 759); б) крышка медная, 1274 г. х. (1857—1858 гг.) (Гос. Эрмитаж, инв. номер VC 38); в) кувшин медный луженый, 1293 г. х. (1876 г.) (Гос. Эрмитаж, инв. номер VC 1095); г) Футляр для зеркала, булатный, с именем Музаффар ад-дин шаха Қаджара (1896—1906 гг.) (Гос. Эрмитаж, инв. номер VC 1069).

Изображение солнца в виде человеческого лица³⁰ также встречается на изделиях XIX в.³¹

Фигуры людей на медных и бронзовых (латунных) изделиях XVI—XVII вв. изображаются довольно редко. В основном они встречаются на вещах XVII в., причем у некоторых из них прослеживается иконографическая близость с идентичными персонажами на миниатюрах исфаханской школы.³² На бронзовых (латунных) и медных предметах, которые можно датировать концом XVIII—XIX вв., изображения людей встречаются очень часто и являются основным декоративным элементом. Стилистически они близки фигурам людей на рассматриваемой чашечке.

Следовательно, как техника нанесения орнаментов и надписей, так и характер самих орнаментов свидетельствуют о том, что данная чашечка была изготовлена не в XVI—XVII вв., а позже середины XVIII в., скорее всего в начале XIX в.

Таким образом, оба предмета, опубликованные проф. А. А. Семеновым, следует датировать XIX в.

³⁰ Изображения солнца в виде человеческого лица встречаются и на бронзовых иранских изделиях XIV в., но здесь они инкрустированы серебром. См.: R. Ettinghausen. The „Wade Cup“ in the Cleveland Museum of Art, its origin and decoration. „Ars Orientalis“, vol. II, 1957, tab. 13, fig. 40; тазики из собрания Гос. Эрмитажа (30—353, ИР 1549).

³¹ См. судок: „Эпиграфика Востока“, V, 1951, стр. 61; кувшин медный луженый из собрания Гос. Эрмитажа (VC 1095), изготовленный в 1293/1876 г.

³² См.: F. R. Martin. Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient. Stockholm, 1902, tab. 37A и 38A; обе эти чаши были сделаны во второй половине XVII в.; W. Heinschale des Muhammad aus Runan. „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, Wien, 1957, Bd. 53, № 3—4, pp. 283—287.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК

К ТОЛКОВАНИЮ ИМЕНИ „МАТ'АРСИ“ ГРЕМСКОЙ (ГРУЗИЯ) ТРИЛИНГВЫ КОНЦА XVI В.

Греми — столица Кахетинского партикулярного царства позднего средневековья¹ — являлась на протяжении XV—XVII вв. одним из крупных очагов армянской колонизации в феодальной Грузии, будучи вместе с тем непосредственно связана с двумя значительными торговыми центрами Восточного Закавказья, примыкавшими к бассейну Каспийского моря: с одной стороны — с Ширваном (Шемахией) и с другой — с Джуга-Джультрой на Араксе.

Об этом свидетельствуют многочисленные археологические, в частности эпиграфические, памятники, дошедшие до нас в Греми (не считая Кремля и кремлевской грузинской Архангельской церкви с примыкающими к ней башней и колокольней): трехпрядельная церковь армянского ритуала с трехязычной (армяно-грузино-персидской) надписью; ряд других культовых зданий, в том числе церковь Патало (Паталуант); торговый ряд (Кулбаки); крестные камни (хачакары), выделанные в стены названной церкви и одиноко стоящие в разных местах городища, и пр.

Князь Мышецкий и дьяк Ключарев, побывавшие в Кахети в качестве русских послов к царю Теймуразу в 1640—1643 гг., в отчете посольства дают довольно интересное описание гремского городища, которое они называют искаженно Крымом (подобно тому как Алаверди превращено в Лаверди).

Приводим это описание Греми, данное Мышецким и Ключаревым в результате их посещения городища 27 ноября 1642 г. (с сохранением специфики подлинника).

„Крым — место стоит под кумыцкими (т. е. дагестанскими, — Л. М.-Б) горами. С езду от Олону (т. е. Алвани, — Л. М.-Б) под горою церковь каменная, армянская. Около

¹ См. специальную литературу о Греми: П. Иоселиани. Города, существовавшие и существующие в Грузии. Тифлис, 1850, стр. 43—44; А. С. Хаханов. Экспедиции на Кавказе 1892, 1893 и 1895 гг. Телавский уезд. „Материалы по археологии Кавказа“, вып. VII, М., 1898, стр. 2—4; Гулкетили. Памятники Греми. Газ. „Иверия“, 1898, № 199 (на груз. яз.); Д. П. Гордеев. Краткий отчет о командировках в Кахию и Горийский уезд. „Известия Кавказского отделения Московского археологического общества“, вып. V, Тифлис, 1919, стр. 9, 19, 20, 24, 25; А. Мамулашвили. Кахетинские бани. „Вестник Государственного музея Грузии“, т. XIV В, Тифлис, 1947, стр. 174—185 (на груз. яз.); Ш. А. Месхиа. Город и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1959, стр. 44, 45, 63, 97, 111, 117, 188, 200 и др.

Греческая триада. По фотографии А. И. Ермолова, № 2719.

Громская трилингва. По фотографии Д. И. Ермакова, № 2749.

Грэмская трилингва. По фотографии Д. И. Ермакова, № 2749.

есть жилых армянских дворичка с 3, да пустых дворичков с 6. Да тут же бывали лавченки каменные, лавок с 5, все разбиты. Да под большую горою на пригорке монастырь.² Кругом его ограда каменная, ниска; кладен камень з глиною; во многих местах развалилась. А в монастыре церковь каменная во имя архангела Михаила, зделана на 4 углы, а в ней 2 столпа. А креста на церкви нет. А в церкви писано стенным писмом; писмо все избито и исколото“.³

Аналогичные описания Гремского городища и, в частности, армянской церкви сохранились в „Дневнике“ посольства кн. Ф. Ф. Волконского и дьяка А. И. Хватова от 1640 г., изданном М. Полиевктовым, где, между прочим, обращают на себя внимание следующие пассажи.

1. „Ана посадах три церкви каменные ж с шеями; без крестов. А по рассказанью, те церкви бывали арменские. Да тут же на посаде двор арменской, кругом ограда каменная, а на дворе церковь на 4 углы. Небо провалилось, а олтарь от церкви зделан высоко, вход ис церкви с сторины ступени с шесть; а престола и жертвенника нет, только в стене зделана печуркою. Да около Крыма и царева двора арменских церквей з десять“.

2. „А жили на том месте арменья; и царь Леон армян с того места согнал и двор себе устроил на низу, недалеко от того монастыря, и воды к нему привел; и полаты были нарочаты, а ныне все пусто. А з другую сторону монастыря и под самым монастырем армяны и жидовя и ныне живут. И арменских церквей с 15 есть, и те пусты все“.⁴

Такова была картина Гречи, некогда цветущего города (и столицы) Кахетинского царства, где жизнь кипела до вторжения полчищ шаха Аббаса I, разоривших его в 1614—1616 гг.

Однако среди всех памятников гремского городища, по-грузински называемого „накалакеви“, особое внимание привлекает к себе трехпрядельная армянская церковь, на западном портале которой красуется армяно-грузино-персидская трилингва от 1593—1595 гг., где дана паспортизация здания с упоминанием имени строителя и даты сооружения.

Упомянутая трилингва впервые была сфотографирована известным фотографом-кавказоведом Д. И. Ермаковым в прошлом столетии и значится в его богатейшей коллекции фотоснимков, ныне хранящихся в Гос. музее Грузии АН Груз. ССР под №№ 2749, 5170, 5174 и 13597, с аннотацией: „Кахетия. Надпись на Накалакевской церкви“.⁵ Несмотря на это, гремская трилингва долгое время не была введена в научный оборот.

В 20-х годах нынешнего столетия гремское городище посетил А. Г. Шанидзе совместно с Г. Ф. Церетели, которые и скопировали и дешифровали тамошние армяно-грузино-персидскую трилингву и одну греческую надпись.

² Это и есть гремский „Кремль“, с чем Н. Я. Марр пытался связать название кахетинских городов „Грем-и“ и „Черем-и“ (см. „Известия АН СССР“, 1925, № 18, стр. 971—972, протоколы заседаний; ср.: Н. Марр, Избранные работы, т. V, М., 1953, стр. 535) как бы по аналогии: Грем-и — кремль, Черем-и — терем.

³ Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643. Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1928, сер. „Международные сношения в Грузии с иноземными странами“, I, стр. 156.

⁴ М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615—1640. Тбилиси, 1937, стр. 286, 379.

⁵ См. Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции. Фотографии Д. И. Ермакова. Тифлис, 1896, стр. 116.

В результате этой поездки появилась в печати в 1940 г. статья А. Г. Шанидзе и В. С. Путуридзе с публикацией трилингвы от 1593—1595 гг., что над входом в трехпрдельную армянскую церковь, с приложением чтения греческой надписи от 1577 г., что над входом в Архангельскую церковь (церковь архангелов Михаила и Гавриила), внутри, в самом Кремле.

К публикации были приложены фотоснимок с трилингвы и прорись с греческой надписи.⁶

Содержание трехязычной надписи, расшифрованной А. Г. Шанидзе в армянской и грузинской частях и В. С. Путуридзе в персидской части хотя и касается одного и того же события — сооружения трехпрдельной армянской церкви, однако не совпадает ни в упоминании ктитора, ни в датировке.

Трилингва привлекает к себе внимание, в частности, тем, что в грузинской и персидской частях содержит упоминание строителя храма Мат'арси, чего нет в армянской части, почему это обстоятельство, собственно говоря, и напрашивается на специальное объяснение. Однако предварительно ознакомимся с содержанием трилингвы порознь во всех ее трех частях (рисунок по фотоснимку Д. И. Ермакова № 2749).

1. Армянская

„Волею бога я, грешный и недостойный Мкртчич, сын Захарии, внук Христины (по-армянски: К'ристонэ, — Л. М.-Б), соорудил сию [церковь] святой богородицы, ради отпущения грехов [моих], установил, чтобы в день поминовения (букв. праздника, — Л. М.-Б) святой богородицы служили⁷ семь литургий⁸ моей супруге, и пожаловал я [церкви] в вакуф[ное владение] три дыма крепостных (по-армянски: ч'орт, — Л. М.-Б), одну мельницу, один сад, две лавки. Любый человек, который нарушит наше завещание или вакуф[ное владение], да примет проклятие Каина и Иуды, благодетели [же] будут благословлены богом. [Начертано] в царствование государя Александра, в лето 1044 [= 1595].“

2. Грузинская

„Я, всегрешный Мат'арси, соорудил сию домовую церковь пресвятой [богородицы] по повелению и тцанием сына ее (Иисуса Христа), в годы царствования государя Александра, в лето двадцать третье [царствования его], в хроникон 281 [= 1593], и пожаловал ей [церкви] во спасение души моей скромное приношение: людей три дыма, одну мельницу, один виноградник и две лавки. Кто из потомков Адама наложит руку на человека, сидящего на [земле] этой церкви, или не исполнит сие, да не исполнит ему бог ничего. Аминь! Господи, помилуй!“ (в подлиннике: киралайсон).

⁶ А. Шанидзе и В. Путуридзе. Трехязычная надпись в Гречи. „Известия Института языка, истории и материальной культуры“, тт. V—VI (сборник, посвященный И. А. Джавахишвили), Тбилиси, 1940, стр. 1—11 (на груз. яз.); ср.: Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, стр. 461; Л. М. Мелксет-Бек. Полиглоттизм в эпиграфике Кавказа. ЭВ, XVI, стр. 95.

⁷ В армянском подлиннике „матуцанел“ — служить, а не „хатуцанел“, как прочитано А. Г. Шанидзе и В. Путуридзе, Трехязычная надпись в Гречи, стр. 5.

⁸ Об этом обычае служения семи литургий, перекликающемся с известным „сорокоустом“, см.: Л. Мелксет-Бек. 1) О междоусобице в Тифлисе в 1197 г. по поводу Кривой паши. „Известия Кавказского историко-археологического института“, т. III, Тифлис, 1925, стр. 52—57; 2) Грузинские источники об Армении и армянах, т. III. Ереван, 1955, стр. 248, 260, прим. 18 (на арм. яз.).

3. Персидская

„... этот дом, откуда изливается дух [святой], — Господи! да не уменьшатся дни его, — [и] который завершен по милости Иисуса, мы назвали церковью Марии (Мариам). Тому, кто вникнет в эти строки, не должно остаться тайным и скрытым, что ничтожный среди рабов, грешный и пред всемогущим сугубо непокорный, осрамленный Мат'арси, в лето тысяча третьье [= 1594—1595], ... в царствование Александр-хана, — Господь да продлит жизнь, царствование и правление его до дня Страшного суда! — завершил сооружение этого здания. И пожертвовал он усыпальнице своей дивной усопшей супруги [Сандухт] Султан, которая почивает [в бозе] в этом здании, один виноградник, одну мельницу, две лавки и трое душ крестьян. Проклятие бога и апостола [да будет] на того истязателя, который использует [во зло] это пожертвование. Написано [в лето] 1003 [= 1594—1595]“.

Как справедливо замечают издатели гремской трилингвы А. Г. Шанидзе и В. С. Путуридзе, „все три надписи по содержанию совпадают, хотя не представляют точный перевод одна с другой“.⁹

Содержание надписей, как легко видеть, совпадает: во-первых, в констатации факта сооружения храма во имя „святой“ или, что то же, „пресвятой“ богородицы (по арм. и груз.), т. е. Марии (по перс.); во-вторых, в приурочении этого события к периоду царствования кахетинского царя Александра II (1574—1605 гг.), который в персидской надписи назван Александр-ханом; и, в-третьих, в подтверждении пожалования в вакуфное владение храма трех крепостных крестьян, одного виноградника, одной мельницы и двух лавок.

Зато в остальном надписи дают ряд расхождений.

Первое. Имя ктитора храма — по армянской надписи Мкртич, сын Захарии и внук Христины (К'ристонэ), а по грузинской и персидской надписям — Мат'арси.

Второе. Храм назван в армянской надписи без обозначения его специфики, в грузинской значится как „домовая“ или „дворцовая“ (придворная),¹⁰ в персидской же — как место упокоения или усыпальницы супруги ктитора, носившей имя не то Синдухт, не то Султан.

Издатели надписи обратили должное внимание на разнობой при упоминании имени строителя храма между армянской и грузино-персидской частями трилингвы и в связи с этим несколько подробно останавливаются на некоторых носителях имени Мат'арси в Грузии. При этом они отмечают, что „имя Мат'арси или Мат'арса не было редким в XVI—XVIII веках“, поскольку „его встречаем в сигель-гуджарах и реестрах народной переписи этих веков“.¹¹

Так, „один Мат'арси Заврашвили упоминается как свидетель в книге купли-продажи среднеболнисцев, написанной в хроникон 386, т. е. в 1698 г.“.

⁹ А. Шанидзе и В. Путуридзе. Трехъязычная надпись в Гречи, стр. 2.

¹⁰ „Карис эклесиа“ грузинского подлинника обозначает домовую, дворцовую, придворную церковь — от слова „кари“ — двор, дворец, дом, но отнюдь не карскую, т. е. карскую, — от названия города Кари, т. е. Карса (см. заметку: Реставрация памятников грузинского зодчества. Газ. „Заря Востока“, 1958, 15 VI, № 138, — где Тбилисская б. придворная св. Георгия церковь названа Карской!?). Впрочем, для обозначения придворной церкви в грузинском имеется еще „сасахлис Эклесиа“, как одно время называлась и одна из армянских церквей Тбилиси.

¹¹ А. Шанидзе и В. Путуридзе. Трехъязычная надпись в Гречи, стр. 2.

Другой Мат'арса Заврашвили¹² упомянут как крепостник в составленном в 1721 г. по повелению царя Вахтанга VI „Описании Сабараташвило и Сомхити“. Еще один Мат'арси, сын Шихаидра, фигурирует в поэме Иосифа Тбилиели „Дид-моуравиани“,¹³ написанной, как известно, до 1688 г.

Что же касается строителя армянской церкви в Греми, названного в грузинском и персидском текстах трилингвы Мат'арси, то он, по мнению издателей трилингвы, был секретарем царского двора, рукою которого написана в 1577 г. дарственная грамота царя Александра на имя Джорджадзе, причем „как секретарь царского двора“, да еще „имевший большой доход“, он, конечно, был в состоянии сделать большое приношение церкви.¹⁴

Издатели трилингвы не оставляют без внимания и данные топонимики в рамках территории гремского городища, а именно: „... что то место, где находятся развалины церкви с трехязычной надписью, местные жители в настоящее время называют «Т'арса галаван», что с первого взгляда как будто персидское и должно означать «ограду христиан», на самом же деле должно было возникнуть от имени строителя церкви и должно означать «Ограда [Ма]т'арси»“.¹⁵

Мы вполне согласны с издателями гремской трилингвы в том, что место, где находятся развалины трехпривольной армянской церкви в Греми, называется „Т'арси галаван“ по имени строителя церкви „Мат'арси“. В подтверждение этого положения можно указать на ряд аналогий из соседней Армении.

Так, например, монастырь Нор-Гетик, основанный Мхитаром Гошем, деятелем XII—XIII вв., получил впоследствии название „Гош-Мхитара“, равно как купольная базилика в Одзуне — Узунларе VI—VII вв. называется (хотя и по вопиющему недоразумению!) „церковью Хачгунд“,¹⁶ по имени священника Хачгунда, который упоминается в армянских надписях Одзуна и его окрестностей XII—XIII вв., как-то — К'обайра от 1186 г., Одзуна от 1216 г. и Оромайра без даты.¹⁷

¹² Встречаемая дважды фамилия Заврашвили как-то наводит нас на мысль о сопоставлении ее с арм. Завряи (откуда рус. Завриев); ср.: А. Меликсет-Бек. 1) Армянские древности в ближайших окрестностях Тбилиси. Шавнабад—Телети—Цавкиси. „Вестник Государственного музея Грузии“, т. I, Тифлис, 1922, стр. 98 (на груз. яз.); 2) Т'елет'и в армянской и грузинской историографии, фольклоре и эниграфике. „Эчмиадзин“, 1961, № 9, стр. 56 (на арм. яз.).

¹³ А. Шанидзе и В. Путуридзе. Трехязычная надпись в Греми, стр. 2, 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ С. Джаалаян. Путешествие в Великую Армению, т. I. Тифлис, 1842, стр. 91 (на арм. яз.); Е. Лалаян. Борчалинский уезд. „Азгагракан Андес“, VII—VIII, Тифлис, 1901, стр. 375 и рисунок (на арм. яз.). Ср.: А. Меликсет-Бек. Из надписей Армении VII века. „Известия Армфана“, 1941, № 2, стр. 65, прим. 3 (на арм. яз.).

¹⁷ А. Меликсет-Бек. Кобер и его армянские и грузинские надписи. „Известия Тбилисского государственного университета“, т. V, 1926, стр. 65 (на груз. яз.); Е. Лалаян. Борчалинский уезд, стр. 375—376 (на арм. яз.). Относительно имени „Хачгунд“, образованного по аналогии с Хачик, Хачатур, Хачерес и мн. др., см.: Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. II, Ереван, 1944, стр. 467—499 (на арм. яз.).

Независимо от этого в связи с дешифровкой гремской трилингвы возникает ряд недоуменных вопросов, а именно: 1) почему строитель „домовой“ богородичной церкви в Греми назван в армянском тексте Мкртичем, сыном Захарии и внуком Христины, а в грузинском и персидском текстах Мат'арси; 2) Мкртич и Мат'арси — одно и то же это лицо или же разные лица, 3) что это за имя Мат'арси и какого оно происхождения?

Ответить на эти вопросы, как мы полагаем, вполне возможно при условии привлечения к делу синхронных армянских эпиграфических материалов, с одной стороны, и данных грузинской историографии — с другой.

Решающее значение в разгадке тайны личности строителя трехпридельной армянской церкви в Греми, по нашему мнению, имеет армянская надпись пещерной церкви в Уплисцихе от 1585 г., которая известна в научной литературе из публикаций М. Броссе (1851 г.)¹⁸ и В. Габиняца (1907 г.)¹⁹

Содержание надписи (в нашем переводе).

„+ 1034 (= 1585). Я, Мкртич Ма'теси, явился к церкви св. Знамения, соорудил приделы. О, служители литургии, помяните [меня] в [пре]чистых молитвах ваших!“.

Сопоставление гремской трилингвы с уп'лисцихской армянской надписью обнаруживает поразительное сходство имен действующих лиц — меценатов: в одном случае, в гремской, под 1593—1595 гг., — Мкртич, сын Захария и внук Христины (по армянскому тексту), он же Мат'арси (по грузинскому и персидскому текстам), а в другом случае, в уп'лисцихской, под 1585 г. — Мкртич, Ма'теси.

Спрашивается: не являются ли Ма'теси и Мат'арси идентичными?

Не может быть сомнений, что Мат'арси — это собственное имя, возникшее в результате искажения слова „ма'теси“. Последнее же — это прозвище лица, побывавшего в Иерусалиме.

Осмысленное народной этимологией армян как „видевший смерть“ („ма“ — смерть, „теси“ — видел), т. е. посетитель „гроба господня“, это слово заимствовано из арабского maqdisi, muqaddasi (из Quds = Bait al-Muqaddas = Иерусалим), которое звучит у армян „мыгдыси“, по-грузински „мигдиси“ (что означает также звонарь, прислужник церкви).²⁰ В частности, от пилигрима, посетившего армянский патриарший монастырь св. Якова (Акопа) в Иерусалиме, происходит армянская фамилия „Мугдуси-Акопов“.

Называя себя Мат'арси, ктитор гремской церкви, очевидно, хотел подчеркнуть, что он был ма'теси, т. е. пилигримом в Иерусалиме; в Грузии же, будучи секретарем царского двора, он слыл благочестивым строителем церквей армянского ритуала сначала в Уплисцихе (в 1585 г.), а затем в Греми (в 1593—1595 гг.), а быть может, еще и в другом месте или в других местах*

¹⁸ M. Brosset. Voyages archéologiques dans la Géorgie et dans l'Arménie. Livraison II. SPb, 1851, p. 161.

¹⁹ В. Габиняц. Армянская надпись в сел. Уплисцихе (Грузия). „Handes amsoya“, Вена, 1907, № 10, стр. 300 (на арм. яз.).

²⁰ Р. Ачарян. Армянский этимологический словарь, т. IV, стр. 760—762 (на арм. яз.); С. Малхасян. Армянский толковый словарь, т. III, стр. 243 (на арм. яз.). Ср.: Л. Меликсет-Бек. Саят-Нова. Тбилиси, 1930, стр. 31 (на груз. яз.); Мамиса Бердзенишвили. Материалы по экономической истории Грузии. Словарь и указатели. Тбилиси, 1958, стр. 27 (на груз. яз.).

На правдоподобность отождествления Мат'арси с Ма'теси наводит, между прочим, так называемая „История и восхваление венценосцев“ — произведение анонимного грузинского историка XIII в., где говорится о созыве в царствование Тамары, в начале XIII в., в Тбилиси армяно-грузинского совместного церковного собора, на который, по словам грузинского историка, съехались „католикос Вана (понимай: Ахтамара, — Л. М.-Б), а также армянские епископы и вардапеты“;²¹ причем в варианте грузинского текста вместо слова „епископы“ сказано „маргаста“,²² т. е. Маргасы, которое М. Броссе считал словом сирийского происхождения (*il n'est pas géorgien, je crois syriaque*).²³

Не может быть сомнений в том, что это слово „маргас“, так же как и „матканс“, является искажением арм. „ма'теси, восходящего к арабскому *muqdisi*.²⁴

Наличие имени Мат'арси как искажения от прозвища „Ма'теси“ (*muqdisi*) в гремской трилингве 1593—1595 гг. находит полное оправдание в обстановке гремского городища, изобилующего армянскими эпиграфическими памятниками мемориального характера — крестными камнями (хачкарами) от XVI в.

Так, в одном из них (двухстрочной эпитафии), что на холме против торгового ряда (кулбаки), упоминается некий „парон Тавр...“; в другом (трехстрочной эпитафии), в стене так называемой церкви Патало или Паталуант, что по ту сторону ущелья, назван некий „Тугату Марад-хан“; в третьем (пятистрочной эпитафии), в стене той же церкви, фигурирует „Атабаг“, причем надпись сопровождается датой армянского летоисчисления 990 г., т. е. 1541 г. н. э., и мн. др.

Таким образом, не подлежит сомнению, что строителем трехпридельной армянской богородичной церкви в Греми в 1593—1595 гг. был Мкртич, сын Захарии и внук Христины (Кристонэ), некогда иерусалимский пилигрим — „Ма'теси“ (*muqdisi*), откуда его прозвище или кличка „Мат'арси“. Он же был строителем придела армянской церкви св. Знамения (Креста) в Уп'лицихе в 1585 г., в надписи которой его имя запечатлено как Мкртич Ма'теси.

²¹ Картлис-цховреба, I. Тбилиси, 1959, стр. 89, 573 (на груз. яз.).

²² Там же. Кстати сказать, в русском переводе этого памятника („История и восхваление венценосцев“. Пер. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954, стр. 69) это место пропущено.

²³ M. Brosset. *Histoire de la Géorgie*, I. SPb., 1849, p. 450, nota 6; p. 454, nota 1.

²⁴ Л. Меликсет-Бек. Георг Какабенц Гориец и его стихи и речи. „Эчмиадзин“, 1961, № 4, стр. 52, прим. 4 (на арм. яз.).

В. М. МАССОН

ХОРЕЗМ И КУШАНЫ

(НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХОРЕЗМИЙСКОЙ НУМИЗМАТИКИ)

В настоящее время в литературе широко распространено выдвинутое С. П. Толстовым положение о включении Хорезма в состав Кушанской империи.¹ Однако в письменных источниках нет сведений по этому вопросу, в связи с чем исследователи вынуждены обращаться к другим материалам и в первую очередь к нумизматике. Наиболее обстоятельно этот вопрос разработан С. П. Толстовым. По его мнению,² монеты Кадфиза I, Канишки, Хувишки и Васудевы вытесняют в I—II вв. н. э. в Хорезме местную монету. Лишь в конце II—начале III в. н. э. (или только в начале III в. н. э.)³ вновь появляются монеты местных правителей, так называемого „Арсамуха“ и его „жены“. Этому предшествует этап надчеканки хорезмийской тамги на кушанских монетах. Казалось бы, что при подобном положении кушанские традиции, в частности монетный тип, номинал, эпиграфика должны были бы оставить заметный след в монетном деле Хорезма. Однако в действительности мы наблюдаем картину прямо противоположную. Древнехорезмийские монеты по всем этим признакам восходят непосредственно к греко-бактрийскому чекану, и если можно говорить о каких-либо дополнительных влияниях и воздействиях, то только о парфянских, а затем сасанидских, но отнюдь не кушанских.

Исходным типом хорезмийских монет послужили, и это убедительно показал С. П. Толстов, тетрадрахмы Евкратиды.⁴ В настоящее время это положение как будто подкреплено находкой промежуточного типа между монетами Евкратиды и чеканом хорезмийского „безымянного царя“.⁵ Монеты

¹ С. П. Толстов. 1) По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 151 сл.; 2) По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 209. Б. Я. Ставский прямо пишет: „Вхождение Согда, Чача и Хорезма в состав Кушанского государства вряд ли может вызывать серьезные сомнения“. См. его: О северных границах Кушанского государства. ВДИ, 1961, № 1, стр. 111—112. Вместе с тем, например, Фрай сомневался во вхождении Хорезма в кушанскую державу: R. N. Frye. Notes on the Early Coinage of Transoxiane. NNM, № 113, 1949, p. 8.

² С. П. Толстов. 1) По следам..., стр. 151—162; 2) Датированные документы из дворца Топрак-Кала и проблема „эры Шака“ и „эры Канишки“. ПВ, 1961, № 5, стр. 54—71.

³ Так в более поздних работах. См.: С. П. Толстов. По древним дельтам, стр. 223.

⁴ С. П. Толстов. К истории хорезмийских Сиявушидов. ИАН СССР, СИФ, т. II, 1945, № 4.

⁵ Б. И. Вайсберг. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы докушанской истории хорезмийской чеканки. ВДИ, 1962, № 1,

„безымянного царя“ Хорезма находят близкие аналогии в тетрадрахмах Герая и, видимо, так же как и последние, должны быть отнесены ко второй половине I в. до н. э. Характерным признаком этих хорезмийских монет является замена на оборотной стороне эллинистических Диоскуров всадником, символом, получившим широкое распространение на монетах династий, тесно связанных с миром кочевых племен (Герай, индо-сакские и индо-парфянские правители, Артабан III). Кроме того, на монетах Хорезма появляется тамга весьма характерной формы (рис. 1, 4). Тамга близкой формы имеется на одном подражании монетам Евкратиды

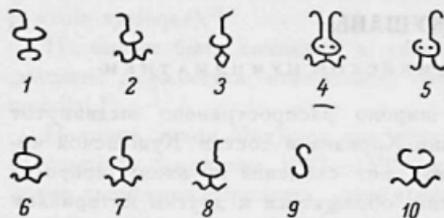

Рис. 1. Тамгообразные знаки.

1 — подражание Евкратиду; 2 — монета Вайнберг; 3 — подражание Евтидому; 4 — „безымянный царь“; 5 — ташкентский чекан; 6—7 — монеты типа Кангя-Кала; 8 — „Афринг“; 9 — „Арсамух“; 10 — роспись дворца Топрак-Калм.

на монетах, выпускавшихся по типу тетрадрахм Евтидема (рис. 1, 3) во второй половине II в. н. э. на территории бухарского Согда.⁷ Поэтому было высказано предположение, что появление в нумизматике Согда и Хорезма тамги, столь заметно отличающейся от династийных знаков кушан, может быть сопоставлено с политическим влиянием Кангюя в среднеазиатском междуречье, о чем сообщают письменные источники.⁸ В связи с возможным кангюйским происхождением

тамги этого типа представляет значительный интерес ее наличие на реверсе мелких медных монет, обнаруженных в Ташкентском оазисе (рис 2, 5).⁹ В Согде влияние Кангюя было, видимо, кратковременным и незначительным. В Хорезме же, тесно связанном с миром кочевых племен, этот тип тамги, так же как и всадник, сохраняются вплоть до арабского завоевания (рис. 5, 6—10). Возможно, это указывает на кангюйское происхождение правящей династии Хорезма, в чем, учитывая большую роль кочевых племен в политической жизни Средней Азии, нет ничего невероятного.

стр. 126—127. К сожалению, опубликована лишь прорисовка, а не фотография этой интереснейшей монеты.

⁶ В. М. Массон. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа. ВДИ, 1953, № 3.

⁷ Таких монет известно две. Одна из них издана. См.: В. М. Массон. Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, № 2, таблица, № 18.

⁸ С. П. Толстов (Датированные документы... стр. 58—59) и Б. И. Вайнберг (Рания хорезмийская монета... стр. 126) предлагают считать монету „варварского Евкратиды“ с тамгой на реверсе хорезмийской. В равной мере она может представлять чекан областей Согда и Бактрия, попавших под кангюйское влияние. Разумеется, это отнюдь не значит, что эта монета чеканена в коренных областях Кангюя по Сыр-Дарье, где, судя по всему, денежное обращение не было развито.

⁹ М. Е. Массон. 1) Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. Ташкент, 1933, стр. 7—8; 2) Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 27. Возможно, эти монеты относятся к более раннему времени, чем III—IV вв. н. э., но связь их с Кангюем (кангюйским владением Юни?) представляется весьма вероятной.

Рис. 2. Хорезмийские монеты в собрании Гос. Эрмитажа.

1-2 — „Арвмух“; 3-4 — „Афгиг“; 5-6 — „Вазыр“.

Отметим также другие особенности хорезмийских монет, указывающие на сохранение греко-бактрийских традиций и отсутствие кушанского влияния. Таков прежде всего бюст правителя на аверсе в отличие от кушанских царей, обычно изображавшихся в полный рост. Ободок хорезмийских монет — „бусины с точками“ в отличие от точечного ободка кушанских монет. Легенда также стойко сохраняет подражание греческой легенде Евкратиды, а появляющаяся надпись арамейским алфавитом скорее обнаруживает связи с парфянским пехлеви, чем с кушанскими легендами, основанными, как известно, на греческом шрифте. Столь же разительны расхождения и в области номиналов. Хорезмийский чекан основан на серебре с ведущим номиналом тетрадрахмы, а позднее — драхмы в отличие от кушанского золотого стандарта. Если принять заключение С. П. Толстова, становится совершенно непонятным такое полное до деталей возрождение в III—IV вв. н. э. традиций I в. до н. э. и столь же полное отсутствие воздействий кушанской эмиссии. Скорее следует ожидать отсутствие значительного перерыва в выпуске древнехорезмийских монет. Представляется, что уже в настоящее время можно выделить ряд хорезмийских монет, относящихся к I—II вв. н. э.

Таковы прежде всего 2 тетрадрахмы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. На аверсе одной из них изображены бородастый правитель и венчающая его Ника, а на реверсе — всадник, тамга типа S, арамейская и искаженная греческая легенды (рис. 2, 1). Вес монеты 11.6 г. На другой монете правитель изображен безбородым, и в легенде наблюдается ряд отличий (рис. 2, 2). Вес второй монеты 11.76 г. С. П. Толстов, читая на обеих монетах в арамейской части легенды имя „Арсамух“, пришел к необоснованному выводу, что на монетах изображены правитель и его жена.¹⁰ Далее утверждается, что надписи на обеих монетах идентичны. Сами монеты отнесены им, как отмечалось выше, к началу III в. н. э. Вместе с тем нет никаких оснований считать безбородого правителя в тяжелом головном уборе женщиной (рис. 2, 2), — это типичный профиль государя парфянского типа. Именно у парфянских правителей II—начала III в. н. э. мы находим головной убор подобного типа, причем наиболее близким изображению на рассматриваемой монете является головной убор Вологеза III (147/8—191 гг.).¹¹ Среди сасанидских правителей высокий кулак, обшитый перлами, известен лишь в ранних сериях Арташира I и при этом близок не к уборам позднепарфянских царей, а к шлему Митридата II, что отмечалось всеми нумизматами.¹² Вес обеих монет также весьма типичен для позднепарфянских тетрадрахм.¹³ Скорее всего перед нами два правителя древнего Хорезма, выпускавших свою монету во второй половине II—начале III в. н. э.

¹⁰ С. П. Толстов. 1) По следам..., стр. 161; 2) Датированные документы..., стр. 60.

¹¹ W. Wroth. Catalogue of the Coins of Parthia. London, 1903, [tab. XXXIV, 3, 4.

¹² Возможно, связующим звеном были в данном случае монеты Фарса. См.: В. Г. Лукомни. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, стр. 29—30.

¹³ Ср.: R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia on the Tigris. Univ. of Michigan Studies, Hum. ser., XXXVII, Ann Arbor, 1935, pp. 81—93.

Большой интерес представляет и S-образная тамга. Известны медные хорезмийские монеты с изображением на реверсе этой тамги, а на аверсе — головы правителя вправо, с полумесяцем в головном уборе.¹⁴ Как полагает С. П. Толстов, это — правитель, отличный от „Арсамуха“. Наконец, именно S-образной тамгой надчеканено большинство кушанских монет, найденных в Хорезме. Такие надчеканы известны на монетах Канишки, Хувишки и Васудевы. Изданные монеты Каффиза II с подобным надчеканом пока отсутствуют.¹⁵ Нам представляется, что наличие этого надчекана является как раз одним из главных аргументов против теории о длительном и прочном распространении на Хорезм политической власти кушан. Сам С. П. Толстов по этому поводу пишет: „Видимо, S-образная надчеканка на кушанских монетах и является первым проявлением тенденции хорезмийских правителей взять под свой контроль монетное обращение в стране“.¹⁶ Представляется, что скорее это явление уникальное для кушанской нумизматики; оно свидетельствует вообще о независимости властителей Хорезма, помещавших свои знаки на чужеземных монетах, которые обращались в стране. Надчекан мог быть осуществлен и с целью переоценки кушанской монеты в соответствии с хорезмийскими номиналами, основанными на тетрадрахме, а не на золотом ауреусе, как у кушан. Однако, учитывая совпадение надчекана и тамги на серебряных монетах, следует полагать, что в первую очередь имелся в виду политический эффект.

Как кажется, изучение номиналов хорезмийских монет вообще будет иметь важное значение для их хронологии. В этой связи нельзя не отметить высокий вес одной из хорезмийских монет, приписывавшейся С. П. Толстовым „Афригу“ (рис. 2, 3). Этот вес (9.1 г), близкий позднеаршакидским тетрадрахам, так же как и искаженная греческая легенда реверса с подчеркнутым утяжелением знаков точками, заставляет сомневаться в отнесении ее к послепарфянскому времени. Другая монета, также отнесенная к „Афригу“, отлична и по типу тамги, и по практическому отсутствию греческой легенды (рис. 2, 4), и по весу (5.8 г). Тетрадрахмы с головой царя в „орлиной короне“ („Вазамар“ — по С. П. Толстову) также отличаются сравнительно высоким весом (8 и 9.65 г) и довольно четкой „греческой“ частью легенды (рис. 2, 5 и 6). Это заставляет их помещать раньше „второго Африга“, монета которого как бы образует переход к номиналу сасанидской драхмы, утверждающемуся в раннесредневековой Средней Азии, в том числе и в Хорезме. По аналогиям в сасанидской нумизматике правителя с „орлиной короной“ обычно относят к III в. н. э.,¹⁷ но, учитывая хорезмийскую традицию подобных головных

¹⁴ С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм. М., 1948, стр. 182, рис. 108; 2) Датированные документы. . . , стр. 60.

¹⁵ С. П. Толстов. Датированные документы. . . , стр. 58—59.

¹⁶ Там же, стр. 60.

¹⁷ Наиболее близкой аналогией следует считать не короны с орлом с распростертыми крыльями, как например у Хормизда II, а корону в виде сидящей птицы, как у наследника на монетах Варакрана II (276—293 гг.). См.: В. Dorn. Collection de monnaies Sassanides de J. de Bartholomaei. SPb.. 1875, tab. IV, 7—17; R. Vasmer. Sassanian Coins in the Ermitage. NC, 1928, tab. XV, 39, и особенно увеличенное изображение: К. В. Тревеллер. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ, I, Л., 1939, табл. I, 2.

уборов,¹⁸ это сравнение, возможно, не будет иметь решающего значения в хронологии.

В последнее время появились монеты, позволяющие подойти и „снизу“ к ликвидации „кушанского перерыва“ в древнехорезмийской нумизматике. Мы имеем в виду 2 тетрадрахмы с изображением на реверсе всадника, искаженной греческой легенды и легенды арамейским шрифтом. С. П. Толстов одну из этих монет (найденную на Канга-Кала) считал промежуточной по времени между хорезмийским „безымянным царем“ и „Вазамаром“.¹⁹ Б. И. Вайнберг, считая, что со второй половины I в. н. э. в Хорезме могут быть только кушанские монеты, относил эту серию к первой половине I в. н. э.²⁰ Во всяком случае тип монет и их сравнительно высокий вес (одна из них, обломанная почти на $\frac{1}{4}$, весит 8.24 г) свидетельствуют о ранней датировке. Дуга в поле перед лицом правителя ближе всего ставит эти монеты к чекану „бородатого Арсамуха“ (см. такую дугу на его монете, рис. 2, 1). Таким образом, не приходится считать нумизматические материалы бесспорным свидетельством вхождения Хорезма в державу Кадфиза и Канишки.

Массовый археологический материал также едва ли может свидетельствовать о тесных связях Хорезма и Кушанского государства, особенно его индийских областей. Находки вещей этого круга в Хорезме единичны, что особенно показательно при широком исследовании памятников, проводящемся экспедицией С. П. Толстова. Единственная находка модели буддийской ступы, на которую ссылается Б. Я. Ставиский,²¹ лишь подчеркивает поразительное отсутствие в Хорезме памятников буддийского круга в отличие от Бактрии, не говоря уже о более южных областях. Нам представляется, что прав был С. П. Толстов, писавший в 1948 г. об искусстве Топрак-Калы, что „влияние индубуддийской художественной школы... было значительно более ограниченным, чем можно было предполагать по материалам 1946 г.“.²²

Значительное внимание при рассмотрении связей Хорезма с прилегающими областями должно быть обращено на Парфию. Об этом свидетельствует уже и нумизматический материал. Так, монеты „безымянного царя“ Хорезма I в. до н. э. чеканены по „местному стандарту“, характерному для Согды и Бактрии (тетрадрахма — 10.36 г). Серебро Хорезма I—III вв. н. э. — это уже „уменьшенная“ аттическая тетрадрахма, характерная именно для Парфии. Головные уборы правителей Хорезма, так же как и фигурка венчающей их Ники, имеют опять-таки парфянские аналогии. В этой связи следует отметить наличие группы медных монет с типичной хорезмийской тамгой на реверсе и с головой царя на аверсе, повернутой влево (т. е. как в Парфии), а не вправо (как в Греко-Бактрии и в продолжающей греко-бактрийские традиции нумизматике Хорезма). Кстати, эти монеты, относящиеся скорее всего к I—II вв.

¹⁸ Б. И. Вайнберг. Ранняя хорезмийская монета... стр. 129—130.

¹⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 72, рис. 104, стр. 223.

²⁰ Б. И. Вайнберг. Ранняя хорезмийская монета... стр. 132.

²¹ Б. Я. Ставиский. О северных границах... стр. 111.

²² С. П. Толстов. По следам... стр. 179—180. Ср., однако, его же: Датированные документы... стр. 55—56.

н. э., являются еще одной группой, заполняющей кушанский перерыв.²³ Возможно, не случайны известные параллели в скульптуре Топрак-Калы со статуями парфянской Нисы, наличие в керамических комплексах Хорезма и Парфии роговидных ритонов. Еще в V в. до н. э. парфяне и хорезмийцы выступали в ахеменидской армии в одном отряде (Нерг. VI, 66). Вероятно, именно парфянская поддержка помогла Хорезму сохранить или быстро вернуть независимость перед лицом кушанской экспансии.²⁴

Таким образом, следует считать, что пока отсутствуют бесспорные данные о вхождении Хорезма в состав Кушанской державы, во всяком случае о вхождении прочном и долговременном. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что окончательное решение этого (как и многих других) вопроса будет в значительной мере зависеть от публикации полного каталога древних монет, найденных на территории Хорезма. Известные шаги в этом направлении предприняты,²⁵ и следует лишь надеяться на их успешное продолжение.

²³ Первоначально сам С. П. Толстов относил эту группу к I в. н. э. (Древний Хорезм, стр. 182), теперь же, исходя из точки зрения о господстве в денежном обращении кушанской монеты, — «К послепаршакидскому времени» (Датированные документы..., стр. 64, прим. 18), что менее вероятно.

²⁴ Ср.: С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 182.

²⁵ См.: С. П. Толстов. Датированные документы...; Б. И. Вайнберг. Ранняя хорезмийская монета... К сожалению, при суммарном описании опускается ряд важных признаков, как например вес монет.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

К ПРЕДКУШАНСКОМУ ЧЕКАНУ БАКТРИИ

Период между падением Греко-бактрийского царства и образованием Кушанского государства, составляющий во всяком случае около столетия, является одним из наиболее темных в истории Средней Азии. Относящиеся к этому времени письменные источники очень скудны и отчасти даже не вполне ясны, нумизматические материалы также ограничены и к тому же недостаточно изучены. В последние годы появился новый важный источник для понимания этого времени — большие курганные могильники, принадлежавшие тем кочевникам, которые уничтожили Греко-Бактрию.

В самом крупном и наиболее полно раскопанном из них (Тулхарском) наряду с другими предметами сопровождающего инвентаря обнаружено три интересных обела, легенды которых содержат имя Евкратиды.

1. Серебряный обел удовлетворительной сохранности (серебро высококачественное); края сношены.

На лицевой стороне сильно стертое изображение — бюст правителя вправо; на голове шлем со спускающимся с верхушки гребнем; у затылка концы диадемы. Черты лица неразличимы.

На оборотной стороне в середине колпаки Диоскуров и пальмовые ветви. Легенда в две вертикальные строки:

[B]AΣIΛEΩ[Σ] [E]YKPATID[OY]

Начертания букв правильные, без искажений.

Под колпаками Диоскуров крупная монограмма .

Диаметр: 1.2 см; вес 0.29 г (найден в кургане I, 18; рис. 1, 1).

2. Серебряный обел удовлетворительной сохранности (серебро с примесью меди).

На лицевой стороне почти полностью стертое изображение — бюст правителя вправо, очевидно в шлеме; у затылка концы диадемы. Черты лица полностью разрушены.

На оборотной стороне в середине колпаки Диоскуров и пальмовые ветви. Легенда в две вертикальные строки:

[B]AΣIΛEΩΣ EYKPATID OY

Начертания букв правильные, без искажений.

Под колпаками крупная монограмма .

Диаметр: 1.2 см; вес 0.39 г (найден в кургане XI, 14; рис. 1, 2).

3. Серебряный обол плохой сохранности, края частично обломаны, сильно окислен (серебро низкого качества).

На лицевой стороне полностью уничтоженное окислами изображение.

На оборотной стороне в середине колпаки Диоскуров и пальмовые ветви. Легенда (повреждена окислами) в две вертикальные строки:

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ

Начертание букв правильное, без заметных искажений.

Под колпаками монограмма .

Диаметр: 1,2 см; вес 0,19 г (найден в кургане XVI, 2; рис. 1, 3).

Все эти три обода с именем Евкратида очень близки друг к другу, но все же чеканены не одним и тем же штампом. Различия между первым и

Серебряные ободы из Тулхарского курганного могильника (увеличены в 3 раза).

1 — из кургана I, 18; 2 — из кургана XI, 14; 3 — из кургана XVI, 2.

вторым носят незначительный характер и сводятся к некоторой разнице в ширине и высоте букв легенды, а также монограммы. Третий отличается от них более существенной деталью: на нем колпаки Диоскуров и монограмма помещаются значительно ниже. В то же время наличие одинаковой монограммы и совпадение форм отдельных букв свидетельствуют о том, что все они, вернее всего, чеканены на одном и том же монетном дворе.

Атрибуция рассматриваемых монет, на первый взгляд, не представляет трудностей: наличие имени Евкратида и отсутствие искажения в легенде как будто дают все основания считать их принадлежащими чекану этого греко-бактрийского царя. Однако мы не находим их в числе изданных оболов Евкратида, которые известны сравнительно давно и в немалом количестве. Они очень близки к последним, но все же отличаются некоторыми деталями.

1. Изображение на лицевой стороне — насколько о нем можно судить по остаткам на монетах из курганов I, 18 и XI, 14 — несколько более крупное.

2. Монограмма своеобразной формы, не встречающаяся ни на монетах Евкратида, ни на монетах других греко-бактрийских (а также греко-индийских) правителей.

3. Положение монограммы и ее размеры отличны: она крупная и занимает все пространство под колпаками Диоскуров, которые к тому же имеют сравнительно меньшие размеры.

4. Буквы легенды несколько крупнее.

5. Буквы К и Р имеют нечеткие очертания.

Все эти особенности мы находим также на одном оболе с именем Евкратиды, изданном в 1889 г. А. Кеннингхемом;¹ единственное отличие его от рассматриваемых заключается в несколько более грубой, схематизированной форме отдельных букв (в особенности К и Р). Легенда читается на репродукции без труда, и в ней не содержится никаких искажений.

В описательной части статьи автор относит этот обол к числу „варварских подражаний“ монетам Евкратиды; легенда читается им как ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ, причем в подтверждение этого добавлено sic!² Однако данное чтение не соответствует легенде на воспроизведенной монете. Имеющееся здесь явное расхождение может быть объяснено либо тем, что на таблице изображена не та монета, о которой речь идет в тексте, либо тем, что автор допустил в чтении ошибку. Но последнее явно исключается указанным выше подтверждением правильности. Таким образом, следует считать, что Кеннингхем располагал образцами во всяком случае двух серий оболов, относимых им к числу подражаний монетам Евкратиды. Тогда становится более ясным вызывающее, на первый взгляд, некоторое сомнение утверждение его, что серебряные оболы, включаемые им в число „варварских подражаний“, являются просто копиями монет Евкратиды, включая даже монограмму. Но в последнем пункте он ошибался, поскольку эта монограмма не встречается на оболах, чеканенных самим Евкратидом.

Очень близки к рассматриваемым монетам также оболы, найденные в могильнике Туп-Хона,³ но они отличаются некоторой особенностью легенды: в имени Евкратид опущена буква Ι. Очевидно, именно такой обол описан Кеннингхемом. Таких оболов в Туп-Хоне найдено 5,⁴ и во всяком случае 3 из них (2 плохой сохранности, вследствие чего не все детали изображений и легенды ясны) чеканены разными штампами. Этот момент очень важен, поскольку говорит о том, что указанная особенность легенды не может рассматриваться как случайная ошибка резчика, допущенная на единичном штампе. Мы имеем здесь воспроизведение оболов Евкратиды с несомненным искажением легенды первоосновы. При этом очевидно, что непосредственной основой являлись не монеты чекана самого Евкратиды, а оболы того типа, который известен по находкам в Тулхарском могильнике; достаточно указать на совпадение специфической монограммы, которая, как уже отмечалось выше, на монетах чекана самого Евкратиды не встречается.

Таким образом, мы можем констатировать, с одной стороны, наличие определенных отличий оболов из Тулхарского могильника от оболов Евкратиды, а с другой стороны — тот факт, что именно они, а не последние явились непосредственным объектом подражаний, в которых наблюдается беспорядочное искажение легенды. Это даже при наиболее осторожном подходе позволяет считать „тулхарские“ оболы самыми ранними воспроизведениями

¹ A. Cunningham. Coins of the Tochari, Kushans or Yue-ti. NC, 3 ser., t. IX, 1889.

² Там же, стр. 308.

³ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 1950, № 15, стр. 171, табл. 85.

⁴ Кроме того, такой же обол был найден в 1950 г. при раскопках на городище Калаи Мир (ср.: М. М. Дьяконов. Археологические работы на нижнем течении реки Кафирнигана. МИА, 1953, № 37, стр. 273).

оболов Евкратиды; и при этом именно воспроизведениями, в которых вводится только новая монограмма, занимающая несколько иное положение. В то же время, конечно, нельзя полностью исключить возможность того, что они чеканились еще во время правления Евкратиды — где-то на периферии его бактрийских владений.

То, что „гулхарские“ и „гиссарские“ оболы чеканились в пределах Бактрии, вряд ли может быть подвергнуто сомнению: об этом свидетельствуют все достоверно известные места их находок. Иных же критериев для решения этого вопроса в нашем распоряжении не имеется, как и вообще для всех монет этого времени. Чтобы установить время выпуска интересующих нас монет, прежде всего необходимо остановиться на вопросе о датах правления Евкратиды. Как известно, в письменных источниках имеется только одно сообщение, могущее служить в данном случае более или менее твердой основой: это известие Юстина (XVI, 5) о том, что в то же время, когда в Парфии взошел на престол Митридат I, в Бактрии пришел к власти Евкратид. Слова Юстина поддаются двоякой интерпретации: можно понимать их как указание на то, что оба упомянутых правителя вступили на престол в один и тот же год, но с равным основанием можно полагать, что тут подразумевается лишь относительная одновременность этих событий. Однако в обоих случаях ориентировочная дата воцарения Евкратиды целиком и полностью зависит от даты начала правления Митридата I. А она нам фактически точно не известна. Длительное время общепринятой была точка зрения Гутшмидта, определявшего ее около 175 г. до н. э.;⁵ соответственно датировалось и время прихода к власти Евкратиды. Затем было установлено, что более точной датой, видимо, следует считать 171 г. до н. э.,⁶ и она остается в настоящее время наиболее широко признанной.⁷

Не менее сложное положение существует и в отношении даты смерти Евкратиды: письменные источники сообщают только то, что он был убит сыном. Это известие интерпретируется различно: в частности, Тарн полагает, что речь здесь идет не о сыне самого Евкратиды, а о сыне Деметрия I. Однако, по всей видимости, правы те исследователи, а их большинство, которые считают убийцей его собственного сына — Гелиокла.

Дата этого события, несомненно сыгравшего немалую роль в ослаблении Греко-бактрийского государства, обычно определяется как близкая к 155 г. до н. э.⁸ Но имеются и иные мнения: так, Тарн утверждает, что это имело

⁵ A. Gutschmidt. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.

⁶ W. Wroth. Catalogue of coins of Parthia. London, 1903; ср.: N. C. Debevoise. A political history of Parthia, Chicago, 1938.

⁷ A. K. Narain. 1) The coin types of the Indo-Greek Kings. Bombay, 1955, p. 9; 2) The Indo-Greeks. Oxford, 1957, p. 53; A. Simonetta. A new essay on the Indo-Greeks, the Sakas and the Pahlavas. EW, vol. IX, № 3, 1958, p. 182. Точка зрения Тарна (ср.: W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. London, 1938, p. 197), относящего дату появления Евкратиды в Бактрию к 169 г. до н. э., сколько-нибудь широкого признания не получила; критику ее см.: A. K. Narain. The Indo-Greeks. . . , p. 54 sq.

⁸ Это мнение впервые было высказано Гутшмидтом.

место в 159 или 158 г. до н. э., не позднее.⁹ А. Симонетта предлагает 160 г. до н. э.¹⁰

Останавливаться на той аргументации, которая приводится отдельными авторами, здесь нет необходимости; важно лишь отметить, что во всех случаях мы имеем дело лишь с более или менее обоснованными предположениями. Однако возможные ошибки относительно истинной даты, учитывая все, что нам в настоящее время известно об истории Греко-Бактрии, по всей видимости незначительны и во всяком случае не превышают 10 лет.

Таким образом, можно с достаточным основанием считать, что правление Евкратиды падает на вторую четверть II в. до н. э.; соответственно и чеканка „подлинных“ оболов этого правителя должна была производиться в этот промежуток времени.

Однако тут следует соблюдать определенную осторожность. Евкратид не был последним греческим правителем Бактрии. До недавнего времени обычно считалось, что таковым являлся его сын и убийца Гелиокл. В последнее время некоторыми исследователями высказано мнение, что после Евкратиды было два правителя, владевших Бактрией: Гелиокл и Евкратид II. Относительно родственных взаимоотношений и последовательности правления их мнения расходятся. Так, Тарн считает, что Евкратид II был младшим сыном Евкратиды I и правил в Бактрии с правом чекана монеты лишь во время похода Гелиокла в Индию.¹¹ Нараян полагает, что Евкратид II был сыном и преемником Гелиокла.¹² Наконец, А. Симонетта считает Евкратиды II братом и преемником Гелиокла.¹³ Кто в данном случае прав — остается пока неясным, тем более что существование Евкратиды II представляется весьма сомнительным.

Оболы, принадлежащие чекану Гелиокла и предполагаемого Евкратиды II, нам совершенно неизвестны. Однако этот вид монет как таковой, вероятно, был одним из самых ходких в повседневной жизни и торговле, вследствие чего потребность в них должна была постоянно существовать. Это позволяет предположить, что, возможно, чекан оболов Евкратиды продолжался и при его преемнике (или преемниках), без внесения каких-либо изменений в штампы. Если это так, то период выпуска их следует несколько расширить, но вряд ли больше чем на 10—15 лет.

Таким образом, вероятнее всего, интересующие нас оболы с именем Евкратиды чеканились уже после падения Греко-бактрийского государства, но в период очень близкий, даже непосредственно следующий за этим событием, т. е. в последней трети II в. до н. э., и, возможно, также в начале I в. до н. э. „Гиссарские“ оболы, являющиеся подражаниями им, соответственно следует относить к I в. до н. э. и притом вернее всего — к середине

⁹ W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*, p. 269.

¹⁰ A. Simonetta. *A new essay on the Indo-Greeks...*, p. 182.

¹¹ W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*, p. 271.

¹² A. Narain. *The Indo-Greeks...*, p. 107.

¹³ A. Simonetta. *A new essay on the Indo-Greeks...*, p. 159.

его. Та датировка их, которая была предложена М. М. Дьяконовым, таким образом, может быть несколько уточнена.¹⁴

Следует надеяться, что дальнейшие раскопки в Северной Бактрии помогут установить время чекана как „тулхарских“, так и „гиссарских“ оболов на более прочной основе и соответственно более точно. Однако может считаться уже достаточно определенным, что первые из них непосредственно связаны с „подлинными“ оболами Евкратиды и соответственно являются наиболее ранними их воспроизведениями.

Учитывая все то, что известно о других подражаниях монетам Евкратиды, можно предполагать, что, кроме рассмотренных выше серий оболов, выявятся и другие, имеющие большие искажения изображений и легенды. Если это предположение подтвердится, то различные серии оболов с именем Евкратиды смогут быть использованы как один из важных датирующих моментов, столь необходимых для дальнейшего исследования памятников предкушанского периода. „Варваризация“ их протекала на протяжении ограниченного промежутка времени: прекращение этого процесса следует относить к правлению Герая, которое, по мнению большинства исследователей, лежит в пределах второй половины I в. до н. э. — рубежа нашей эры.

Оболы рассматриваемого типа относятся к числу сравнительно редких монет и, судя по местам находок, имели ограниченную территорию обращения. Очевидно, они выпускались лишь для нужд местного рынка и в ограниченных количествах. Наличие хронологически следующих друг за другом серий указывает на регулярное сокращение количества монет, находящихся в обращении, что вызвало необходимость дополнительного выпуска.

Прогрессивная „варваризация“ и, в частности, искажение легенд при учете собственного кушанского чекана заслуживают пристального внимания: здесь, как представляется, отражаются определенные явления экономического и политического характера. Падение власти греков, естественно, должно было повлечь за собой уменьшение роли греческого языка и алфавита; однако свидетельств того, что произошла какая-то замена их, не имеется. Оболы с именем Евкратиды чеканятся длительное время после его смерти какими-то неизвестными нам правителями, судя по исторической обстановке — из числа завоевателей-кочевников или же подвластных им местных владельцев негреческого происхождения. Это только воспроизведения традиционных монет для нужд внутреннего рынка Бактрии, но не „династийный“ чекан: последний начинается с Герая, и опять-таки мы имеем оболы. Предшественники Герая не меняют легенды, которая лишь условно воспроизводится с возрастающим искажением, что говорит об изготовлении штампов лицами, не знавшими греческого языка. Такое положение позволяет прийти к заключению, что выпуск оболов определялся прежде всего экономическими факторами: падение Греко-бактрийского царства, видимо, не повлекло за собой значительного подрыва экономики Бактрии, неизбежно отразившегося бы в нарушении денежной системы, во всяком случае ее „низшего“ звена. Бо-

¹⁴ М. М. Дьяконов располагал только „гиссарскими“ оболами и, естественно, ввиду значительной близости к подлинным оболам Евкратиды считал их самыми ранними подражаниями им.

лее того, условия находки некоторых монет в уже упоминавшемся Тулхарском могильнике (во рту, как и в погребениях оседлого населения) говорят о каком-то частичном включении в местные экономические отношения и пришельцев-кочевников: оболы явно выступают в качестве денег.

Почему новые властители Бактрии не чеканили свою монету до Герая, пока остается неясным: объяснение этого, возможно, следует искать в заинтересованности их лишь в конечном результате хозяйственной деятельности подвластного населения, выражающейся в дани. Но к рубежу нашей эры положение меняется: консолидация отдельных кочевых племен и образование нового государства закономерно влекут за собой изменения и в области денежного хозяйства. Использование старых местных традиций в данном случае вполне естественно.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

Монеты клада, о которых пойдет речь в настоящей заметке, были найдены при раскопках на городище Древнего Пенджикента в 1962 г. Место находки — небольшое помещение нижнего этажа (№ 33) объекта XIII, расположенного в восточной части города. Монеты были обнаружены рассыпанными, но в одном месте, в северо-восточном углу помещения, в грунте завала, в 25—30 см над поверхностью пола. Несколько экземпляров лежали слипшиеся, в виде стопки. Вблизи монет были найдены фрагменты небольшого кувшинчика, в котором, очевидно, монеты находились. Первоначально монеты были завернуты в кусок шелковой ткани, от которой сохранились пропитанные металлической окисью миниатюрные кусочки на поверхности одной из монет между выступами знаков (рис. 1.). В завальный грунт клад монет попал из помещения верхнего этажа, стены которого частично сохранились. Судя по местонахождению, клад был спрятан под стеной помещения верхнего этажа над пазухой свода, которым было перекрыто нижнее помещение.

Клад состоит из 18 серебряных монет. Из них 6 с арабской легендой и 12 с легендой на согдийском языке. Первые превосходной сохранности почти не нуждались в очистке, и легенды на них были прочтены на месте. Все монеты с арабской легендой оказались дирхемами омейядского чекана, выпущены различными монетными дворами. Каких-либо отклонений от известных по различным каталогам типов соответствующих омейядских дирхемов на них не имеется. Поэтому ниже приводится только место и год их чекана.

1. Дамаск 85 г. х. = 704 г. н. э.
2. Васит 90 г. х. = 708/9 г. н. э.
3. Васит 91 г. х. = 709/10 г. н. э.
4. Кирман 90 г. х. = 708/9 г. н. э.
5. Истахр 91 г. х. = 709/10 г. н. э.
6. Ал-Баб 117 г. х. = 735 г.¹ (рис. 2.).

Как видим, за исключением дирхема 735 г., выпущенного монетным двором Ал-Баба, как называли арабы Дербенд на Северном Кавказе, остальные 5 дирхемов по времени выпуска близки друг к другу и принадлежат чекану хорошо известных монетных дворов основных владений омейядского Халифата — Сирии, Ирака и Ирана.

¹ См.: В. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1878.

Разрыв по времени выпуска в 25 лет между монетами №№ 1—5 и монетой № 6 заставил первоначально предположить, что монета, чеканенная в Ал-Бабе, попала в завал независимо от остальных монет. Однако анализ остальных монет клада снимает сомнение в принадлежности кладу и этой монеты. Как увидим, клад не мог быть спрятан раньше 30-х годов VIII в. Кроме того, следует отметить, что находки на городище Древнего Пенджикента дирхемов омеядского времени весьма редки, и мало вероятно, чтобы

Рис. 1. Монета с остатками ткани.
Увел.

Рис. 2, а—б. Дирхем, чеканенный в Ал-Бабе.

в одном и том же месте оказались и клад, и случайно оброненная серебряная монета.

Следует также отметить, что находки омеядских дирхемов на территории Средней Азии вообще исключительно редки, а в кладах при археологических раскопках, насколько мне известно, — встречены впервые. Обстоятельство это придает нашей находке особый интерес.

Видимо, не случайно, что годы выпуска основной группы дирхемов падают на время наместничества известного Кутейбы ибн Муслима, с именем которого связано завоевание арабами основных областей Средней Азии, в том числе и Согда, в состав которого входил и Пенджикент.

Очень хорошая сохранность дирхемов свидетельствует о том, что они почти не находились в обращении. Возможно, что первые 5 монет попали в руки их последнего владельца вскоре после их выпуска, но, очевидно, не раньше 712 г., когда Кутейба овладел Самаркандом. Если такое предположение верно, то наши монеты свидетельствуют одновременно и о том, что монеты с арабской легендой не вошли в широкий торговый обиход, по крайней мере в Согде, где серебро в качестве средства обращения было представлено монетами местного чекана.

В связи с этим представляется уместным привести следующее сообщение историка Ат-Табари. Под 115 г. х. он, рассказывая о прибытии известного арабского наместника Асада в день праздника Михрджан в Бухару, специ-

ально отмечает, что перед ним разбрасывали „бухарские дирхемы“.² Едва ли приходится сомневаться в том, что речь идет именно о серебряных монетах с согдийской легендой, составляющих большинство и в нашем кладе, к рассмотрению которых мы и приходим.

В отличие от арабских дирхемов остальные 12 монет клада были сильно окислены, однако после очистки общая их сохранность оказалась вполне удовлетворительной. За исключением одной, все остальные 11 монет принадлежат к одному типу, известному в литературе под названием „бухархудатских“.

На этих одиннадцати монетах центральная часть кружка лицевой стороны занята изображением головы царя, в профиль обращенным вправо. На го-

Рис. 3. а—е. Бухархудатские дирхемы.

лове зубчатая „городовая“, или „крепостная“, корона в фас. Перед лицом надпись согдийским шрифтом из 3 слов. Кроме того, позади головы остатки знаков другой надписи, сильно искаженной (см. ниже).

На оборотной стороне этих монет изображен жертвенник с контурным, сильно схематизированным изображением человеческой головы, над которой поднимаются языки пламени. По сторонам от жертвенника — также сильно схематизированные очертания 2 человеческих фигур в полный рост, с копьями (?) в руках, обращенные лицами к жертвеннику. При общей однотипности этих монет могут быть отмечены некоторые отличия на отдельных экземплярах, которые приводятся в нижеследующем перечне (л. с. — лицевая сторона, о. с. — оборотная).

7. Л. с. Над короной полумесяц с шариком внутри. Позади головы искаженная надпись в виде вертикальной линии с зубцами и с загнутым вправо крючком на конце. О. с. Голова над жертвенником вправо (рис. 3, а).

8. Л. с. То же. О. с. Голова над жертвенником влево.

9. Л. с. То же. О. с. Как № 7.

10. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

² At-Tabari. Annales..., II, p. 1563.

11. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

12. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

13. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

14. Л. с. То же. О. с. Как № 7.

15. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

16. Л. с. Над короной вместо полумесяца кружок. В надписи позади головы крючок оторван от линии с зубцами. О. с. Как № 7 (рис. 3, б).

17. Л. с. Как № 16. Надпись позади головы сильно стерта. О. с. Как № 8 (рис. 3, в).

18. Л. с. такая же, как на остальных, т. е. лицо в профиль, вправо. Корона как у №№ 16 и 17. Позади головы остатки искаженной надписи, состоят из двух угловатых знаков. О. с. Голова над жертвеником повернута влево (рис. 4, а).

Последняя монета клада отличается от предыдущих согдоязычных монет в основном лишь своей легендой, состоящей всего из одного слова.

До недавнего времени в нумизматической литературе была известна лишь основная группа согдоязычных монет нашего клада (7—17). П. Лерх, которому принадлежит главная заслуга в определении этих монет, дал им название бухархудатских соответственно с прочтенным им титулом на легендах этих монет.³ Сама дешифровка надписей на этих монетах, как показали последующие исследования, была не точной, их чекана была Бухара. Здесь нет необходимости останавливаться на ходе дальнейшего изучения этих монет. В настоящее время принято чтение этой легенды, предложенное В. Хеннингом, а именно $\beta\omega\gamma^{\nu}\ \gamma\omega\beta\ \kappa^{\nu}\gamma$ — „государь царь Бухары“.⁴ Отметим, что чтение первого титула ($\gamma\omega\beta$) вполне подтверждается независимыми от монетных легенд данными письменных источников на согдийском языке, в первую очередь известными документами с горы Муг.⁵ Что касается второго титула ($\kappa^{\nu}\gamma$), кажущегося для времени выпуска монет несколько архаическим, — он возводится к названию древней легендарной династии кавиев или кеянидов, — то его бытование в Средней Азии в начале VIII в. подтверждается сообщением письменного источника. Укажу на не отмеченное в нумизматических исследованиях упоминание его ат-Табари. Царь небольшого владения Шумана в сообщении под 91 г. х. назван им Кай Гиш-

Рис. 4, а—г. Бухархудатские драхмы.

однако бесспорно, что местом

³ П. И. Лерх. Монеты Бухархудатов. „Труды Восточного отделения Русского археологического общества“, ч. 18, СПб., 1875—1909.

⁴ См. R. Frye. Notes on the early Coinage of Transoxiana. „Numismatic Notes and Monographs“, № 1, 1949, № 113, 24 squ.

⁵ А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962, стр. 9, 74, 81.

тасп,⁶ и, таким образом, наличие титула „кай“ на монетах Бухары не представляется фактом исключительным.

П. И. Лерхом была предложена и классификация разных вариантов бухархудатских монет. При этом одним из критериев для него послужила степень искаженности упомянутой легенды на лицевой стороне монет позади головы царя, восходящей к пехлевийской надписи. Монеты того типа, к которым принадлежит рассматриваемая группа монет нашего клада, по классификации П. И. Лерха, относится ко „второму виду“. К первому виду он отнес монеты, на которых прослеживается отчетливое начертание пехлевийской легенды, а к третьему — монеты, на которых на месте пехлевийской легенды появляется уже арабское слово, имя „эль Мегди“⁷ (ал-Махди — халиф аббасидской династии).

Дж. Уокер в каталоге монет Британского музея несколько по-иному классифицирует разновидности этих монет. Все монеты первого и второго „видов“ П. Лерха он объединил в одну группу, под общим названием „промежуточные бухарские подражания“, имея в виду подражания их прототипу — монетам сасанидского царя Варахрана V. Внутри этой группы он выделил разновидность по наличию на лицевой стороне упомянутых искаженных знаков в виде черты с зубцами. Эту разновидность он, в свою очередь, делит на два варианта, по реверсу, а именно, в какую сторону обращено профильное изображение лица над алтарем, которую он называет вслед за другими авторами изображением Ахура-Мазды. Во вторую группу он помещает монеты с „двуязычной легендой“, т. е. те, на которых, помимо основной согдийской надписи, появляется арабское имя.⁸ В отличие от П. Лерха он первой такой двуязычной монетой считает монеты с именем „Мухаммед“, но относит ее также к чекану ал-Махди, собственное имя которого было Мухаммед. В отношении датировки этих монет Уокер полагает, что они чеканились или во время пребывания ал-Махди наместником в Хорасане (759 г. н. э.), или же после того, как он стал халифом (775 г. н. э.), очевидно склоняясь больше к первой дате.⁹

Последней работой, в которой рассматриваются монеты Бухархудатов, аналогичные монетам нашего клада, и дается их классификация, является статья О. И. Смирновой „Монеты Древнего Пенджикента“.¹⁰

В этой статье ею учтено всего 9 серебряных экземпляров; они названы монетами „сасанидского типа“. Две из них (№№ 8—9) она датирует второй половиной VII—первой четвертью VIII в., считая их „бухарским подражанием, восходящим к драхам Варахрана V“. Остальные экземпляры (7—16) она обозначила как „аббасидское подражание“ тем же драхам Варахрана V и датирует их второй половиной VIII в. Отличия, которые она видит между этими двумя разновидностями монет, заключаются в том, что на монетах

⁶ At-Tabari, *Annales...*, II, p. 1227. Ср.: F. Altheim. *Geschichte der Hunnen*, Bd. II. Berlin, 1960, p. 92.

⁷ П. И. Лерх. *Монеты Бухархудатов*, стр. 46 и 122.

⁸ J. Walker. *A Catalog of the Arab-Sassanian Coins*. London, 1941, p. 162 squ.

⁹ Там же, стр. XC.

¹⁰ МИА, 66, стр. 216 сл.

первого типа знаки позади головы царя она считает искаженной пехлевийской надписью, а те же знаки на монетах второго типа читает как арабское слово *بسی*.¹¹ Надо отметить, что возможность чтения этих знаков в качестве арабского слова рассматривалась и другими нумизматами. Особенно подробно на этом вопросе останавливается Дж. Уокер. Однако составленная им таблица постепенного искажения пехлевийской надписи показывает, что эти знаки не больше как одна из форм такого искажения и что принимать ее за арабскую надпись нет основания.¹² Признать ее арабской невозможно и потому, что она не имеет вразумительного значения. О. И. Смирнова переводит все слово в соответствии со своим чтением этих знаков — „во имя мое“ и полагает, что оно будто означает „во имя мое — Аллаха и его общины“. Такое толкование — чисто произвольное и не подтверждается параллелями в арабоязычной нумизматике. Да и трудно предположить, чтобы халифы или их наместники на монетах вместо имени Аллаха употребили местоименную форму. Как известно, на монетах имя Аллаха употребляется в совершенно иной формуле: или в полном символе веры, или сокращенно — „во имя Аллаха“, иногда просто „Аллах“.

Таким образом, нет основания в этой искаженной пехлевийской надписи предполагать арабское слово. Тем самым отпадает и уверенная датировка этих монет аббасидским временем, когда на других монетах Бухархудатов действительно появляются арабские легенды. Нам кажется гораздо более вероятным, что монеты с этой искаженной легендой находятся в одном ряду с другими бухархудатскими монетами, чеканенными до прихода к власти Аббасидов.

Подтверждается это и анализом монет пенджикентского клада в целом. Но, прежде чем заняться рассмотрением клада в данном аспекте, необходимо подробнее остановиться на последней монете нашего клада.

Дешифровка согдийской легенды на этой монете является заслугой О. И. Смирновой. Надпись состоит из одного имени. Оно было первоначально прочтено ею на бронзовых монетах в форме *τωγγ'χ*. Позже, благодаря находке серебряной драхмы в Пенджикенте с этой же легендой, чтение было ею уточнено в форме *τωγγ'ν*. Одновременно ею же была обнаружена аналогичная монета в нумизматическом собрании Гос. Эрмитажа, на которую предшествующие авторы не обратили внимания.

Привлеченные О. И. Смирновой данные письменных источников относительно этого правителя представляют, несмотря на их скудость, значительный интерес. Как правильно установлено О. И. Смирновой, имя Тургара фигурирует в ряде источников в форме *Tou-ho* (по Шаванну) или „До-хэ“ (по Бичурину).¹³ Сведения о нем сводятся к следующему.

В 731 г. царь Самарканда Гурек просит утвердить одного из своих сыновей *Tou-ho* наместником Кабудана. В 738 г. этот же *Tou-ho* утверждает

¹¹ МИА, 66, стр. 218 сл.; а также 241 сл.

¹² J. Walker. A Catalog of the Arab-Sassanian Coins, p. LXXXV.

¹³ О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. СВ, VI, М., 1949, стр. 364 сл.

царем Самарканда вместо умершего Гурека.¹⁴ Таким образом, время наместничества Tou-ho = Тургара определяется как будто точно между 731 и 738 гг. Впрочем, последняя дата для правления Тургара остается сомнительной. Дело в том, что тем же указом 738 г. Асада был назначен Sou Tou-pu-lo, преемник своего умершего брата Mo-sien'a. [Таким образом, Mo-sien к 738 г. был царем Кабудана, и, следовательно, в это время Тургар уже таковым не был. Иначе говоря, правление Тургара, возможно, прекратилось до 783 г.

Следующее упоминание Тургара относится к 750 г., когда сообщается о прибытии от его имени некоего Mo-ue-me с дарами.¹⁵

О. И. Смирнова полагает возможным отождествить с именем Тургара, упоминаемого у Нершахи под 782 г., „Язида, сына Гурека“.¹⁶ Однако такое предположение едва ли приемлемо, если учесть, что к этому времени с начала карьеры Тургара прошло более чем 50 лет. Для того беспокойного, изобиловавшего политическими и социальными потрясениями времени такое длительное царствование маловероятно. При этом О. И. Смирнова, помимо Нершахи, ссылается на ат-Табари,¹⁷ но эта ссылка непонятна, поскольку последний в указываемом месте говорит о событиях 712—713 гг. и упоминает при этом только Гурека.¹⁸ Во всяком случае об активной политической деятельности Тургара = Дохэ пока можно говорить лишь для периода между 730—750 гг.

Выше указывалось, что в распоряжении О. И. Смирновой имелось всего 2 монеты Тургара.¹⁹ Монета нашего клада является третьей монетой этого типа. Но, кроме того, в 1962 г. была найдена на городище еще одна монета Тургара (рис. 4, б). Таким образом, в настоящее время имеется четыре экземпляра этой монеты. Из них опубликована одна в виде фотографии и прорисовки (не очень точной). Рассмотрим несколько ближе датировку серебряных монет Тургара.

О. И. Смирнова полагает, что монеты Тургара — это „Самаркандское подражание образцу, восходящему к драхмам Варахрана V (время правления 421—438 гг.) не ранее 738 г.“.²⁰ Едва ли можно сомневаться в том, что драхмы с именем Тургара чеканились по образцу бухарских монет, именно того их варианта, на котором корона имеет наверху в виде колечка или кружка. Эта форма короны выдержана на всех трех драхмах Тургара из Пенджикента. Однако надпись позади головы претерпела явные изменения. На монете, опубликованной О. И. Смирновой, и на отдельной, найденной

¹⁴ Ed. Chavannes. Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux. „T'ong Pao“, 1904, 2 sér., vol. 5, p. 53; Documents sur Tou-kiue, (Turks) occidentaux. — SPb., 1903, p. 136. Н. Бичурич. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. II. М., 1950, стр. 311.

¹⁵ Ed. Chavannes. Notes additionnelles. . . , p. 83.

¹⁶ О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник. . . , стр. 365.

¹⁷ О. И. Смирнова. К вопросу о двух группах монет владетелей Согда VII—VIII вв. „Известия Отделения общественных наук Академии наук Тадж. ССР“, вып. 14, Душанбе, 1957, стр. 116, прим. 1.

¹⁸ At-Tabari, II, p. 1274.

¹⁹ МИА, 66, стр. 219, рис. 4 и табл. I, 7.

²⁰ Там же, стр. 212.

в 1962 г., мы вполне различаем еще начертания всего знака. На монете из нашего клада от этого сплошного знака осталось лишь два разорванных значка. По всей вероятности, мы вправе говорить, что первые две монеты принадлежат к более раннему выпуску, когда резчик штампа более внимательно следовал своему прообразу, т. е. собственно бухар-худатской монете. Резчик второго штампа пренебрег этой деталью, на которую едва ли обращали особое внимание.

О. И. Смирнова, устанавливая дату выпуска драхм Тургара не ранее 738 г., опирается при этом на приведенное выше сообщение об утверждении Тургара царем Самарканда. Однако особенности монеты Тургара, как мне представляется, могут свидетельствовать об обратном, а именно, что она чеканилась не позже 738 г. Дело в том, что О. И. Смирнова не обратила внимания на важную особенность основной легенды. Она состоит всего из одного слова — имени Тургара — и не сопровождается его титулами.

В то же время на бронзовых монетах, выпущенных от его же имени, как об этом можно судить по очень большому количеству экземпляров, титул его всегда сопутствует имени, так же как и на монетах других правителей.²¹ Объяснить пренебрежение к своему титулу со стороны Тургара тем обстоятельством, что монеты эти имели определенный прообраз, которому слепо подражал резчик штампа, мы не можем. Наоборот, собственно бухарские драхмы не содержат в легенде имени, ограничиваясь лишь титулом.

На мой взгляд, положение это может объясниться лишь тем фактом, что Тургар в своей карьере правителя прошел две вполне определенные ступени. С 730 по 738 г. он был наместником от имени отца Гурека в Кабудане, а уже после 738 г. вступил на престол отца, приняв и соответствующие титулы — малка (царь) и хуб (государь). Исходя из этого, напрашивается вывод: серебряные драхмы Тургар выпускал только в период своего пребывания наместником в Кабудане. Очевидно, этим обстоятельством и следует объяснять редкость находок этих монет, в частности и то, что в нашем кладе на 11 бухар-худатских монет приходится всего одна монета Тургара. Существенным фактом, подтверждающим такую ограниченную по времени датировку драхм с именем Тургара, может служить и наличие в составе нашего клада упомянутой омеядской монеты, чеканенной в Ал-Бабе в 735 г. Это показывает, что клад не мог быть запрятан ранее последней даты; дирхем этот одновременно может свидетельствовать и о том, что клад был запрятан не намного позже, в противном случае мы имели бы, очевидно, в составе клада и более поздние арабоязычные дирхемы.

Что именно к этому времени следует относить дату захоронения клада, подтверждает и общая обстановка в Средней Азии, сложившаяся во второй половине 30-х годов VIII в. Это один из наиболее острых периодов анти-арабской борьбы, когда против завоевателей образовалась могущественная коалиция, состоявшая почти из всех среднеазиатских владетелей во главе с тюркешским хаканом. В результате успешных военных действий этой коалиции едва ли не все гарнизоны арабов были вынуждены оставить свои

²¹ Там же, стр. 244 и т. д.

опорные пункты, в том числе и главные из них — Бухару и Самарканд. В окрестностях последнего города происходили наиболее крупные военные столкновения. Как известно, арабы вернули свою власть над территорией Мавераннахра лишь после того, как наместнику арабов Асаду удалось в 737 г. выиграть известное сражение у местечка Харистан на южном берегу Аму-Дарьи.

Из числа отдельных эпизодов этой борьбы определенный интерес для нас представляет упоминаемый источниками поход Асада к востоку от Самарканда, к Варагсару, где находились головные сооружения главного канала, питавшего водой Самарканд. Варагсар находится приблизительно на полпути между Самаркандом и Пенджикентом. И хотя последний при описании похода не упоминается, но едва ли он остался в стороне от этих военных событий.²²

Таким образом, анализ собственно самих монет клада и общеисторической обстановки делает вполне вероятным указанное предположение, что клад был оставлен в конце 30-х годов VIII в. Заключение это важно и в отношении истории самого Пенджикента, если датировать один из моментов его запустения. Очевидно, клад был захоронен не случайно. Мы знаем о ценности серебряных монет того времени, а это показывает, что 18 драхм нашего клада составляли если и не очень большую, то все же значительную ценность. Нам трудно судить о конкретных обстоятельствах захоронения клада. Владелец клада при его захоронении вполне очевидно намеревался достать его обратно. Почему он этого не сделал? Ответы могут быть, естественно, разные. Раскопки помещения, где был найден клад, да и большей части всего строительного массива (объект XIII) свидетельствуют о том, что после разрушения его восстановительные работы не производились. Если бы таковые производились, то монеты клада не остались бы на месте. Очевидно также, что лицо или лица, знавшие о захоронении клада, или погибли, или же оставили город и не вернулись в него. Все это говорит о явлениях катастрофических для города в целом.

Но была ли эта катастрофа окончательной для Пенджикента? Ряд других данных, в том числе и находка многих других датированных более поздним временем монет, свидетельствует о том, что жизнь в городе продолжалась. Однако автору представляется несомненным, что именно конец 30-х годов VIII в. явился одним из моментов его постепенного разрушения.

В целом наш небольшой клад дает весьма важные данные для уточнения датировки бухархудатских монет и в то же время для истории самого города.

²² Об этих событиях см.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1900, стр. 194 сл.; Акад. В. В. Бартольд, Соч., т. I, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, М., 1963, стр. 249.

М. Е. МАССОН

КЛАДИК САМАНИДСКИХ ДИРХЕМОВ КОНЦА X в. ИЗ ПРИГОРОДА СТАРОГО МЕРВА

На территории обширного пригорода-рабада Старого Мерва, в восточной его части, на землях, отведенных Байрам-Алийскому лесхозу, находятся развалины, именуемые окрестным населением „Шаим-Кала“. Это, как теперь установлено, бывший средневековый военный лагерь. Он занимал некогда прямоугольную площадь свыше 1 км² и был обнесен не очень мощной пахсовой стеной с башнями, от которой теперь кое-где есть лишь жалкие остатки преимущественно в виде оплывших валов. Примерно в середине северного фаса находились когда-то одни из четырех ворот лагеря. Отсюда тянулась длинная улица зажиточного пригородного квартала Бени-Махан. Кроме небольших поперечных переулков, ее пересекала большая дорога, отходящая от восточных мервских городских ворот Синджан. Как удалось нам проследить в 1950 г. при производстве археолого-топографической съемки городища Старого Мерва, довольно густая застройка вдоль главной улицы махала Бени-Махан тянулась на протяжении свыше 1 км, а сам квартал прекратил свое существование вскоре после разгрома Мерва монголами в конце первой четверти XIII в.

Осенью 1961 г. при проведении из Байрам-Али в северо-восточном направлении шоссейной дороги, на одном из своих отрезков пришедшейся на место, где некогда пролегла главная улица упомянутого средневекового пригородного квартала, бульдозерист Мурад Бердыев заметил под машиной выковыренный из земли небольшой глиняный кувшин бледно-зеленой поливы. Внутри его оказалось семь старинных монет, которые он и принес домой, чтобы передать их XVIII отряду Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). К моменту нашего прибытия в базисный старомервский лагерь экспедиции ребята М. Бердыева успели, играя, поломать 3 монетки и затерять их кусочки. Оставшиеся 4 бульдозерист занес на ближайшую к месту его работы раскопчную площадку, а на другой день специально заехал указать самое место находки. Там удалось подобрать фрагменты разбитого кувшина, который уточненно датируется заключающимися в нем монетными кружками. Выяснилось, что бульдозерист сравнял бугорок, представлявший собой совершенно оплывшую руину небольшого средневекового жилого домика, находившегося в северной части квартала Бени-Махан.

Самое интересное представляют собой монетные кружки. Они белесоватого оттенка под тусклое серебро. Употреблен для их изготовления мягкий, кое-где расслаивающийся низкопробный сплав с большим количеством свинца. Края монет разорваны от нанесения слишком сильных ударов при чеканке. Изображения букв арабских надписей очень плоские и расплывчатые. Ясно, что они вышли из-под сношенных штампов, сделанных из мягкого металла.

Сами легенды, выполненные куфическим почерком, вырезаны были не очень грамотным мастером. Чеканка осуществлена неряшливо. На одном кружке большая часть поверхности достаточно бесформенной заготовки осталась из-за косо го удара гладкой или несущей лишь слабые контуры отдельных слов.

По общему облику было сразу ясно, что найденные монетные кружки относятся к категории саманидских дирхемов второй половины X в. Расшифровка плохо выполненных неясных надписей показала, что на одном кружке (рис. 1, 1) имеется дата 359 г. х. и проставлено имя Мансұра I ибн Нұха (961—976). На другом кружке, кроме религиозных формул, читается имя государя Нұх II ибн Мансұр (976—997). На третьей монете можно разобрать, что этот

дирхем помечен как принадлежащий эмиссии Самаркандского монетного двора 369 г. х., каковая дата приходится на время правления только что упомянутого государя, имя которого при чеканке не получилось. Наконец, на четвертом кружке выбита дата 361 г. х. (971—972 г. н. э.), а на другой стороне дирхема с полным хронологическим несоответствием проставлено имя Нұха II ибн Мансұра, вступившего в действительности на престол четыре с лишним года спустя (рис. 2).

Как установлено для Закавказья Е. А. Пахомовым,¹ а для Средней Азии нами, в этих районах очень редко и в небольшом количестве встречаются находки местных дирхемов, которые чеканились примерно с половины IX до конца X и даже начала XI в., тогда как в России и прилежащих прибалтийских странах они далеко не составляют редкости, причем попадаются

Рис. 1. Лицевая сторона фальшивых саманидских дирхемов из Мерва.

1 — Мансұр I ибн Нұх, 359 г. х.; 2 — Нұх II ибн Мансұр, Самарканд, 369 г. х.; 3 — Нұх II ибн Мансұр; 4 — Нұх II ибн Мансұр, 361 г. х.

¹ Е. А. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана. Баку, 1923, стр. 13.

цельми кладами, содержащими часто по несколько тысяч монетных кружков каждый. Данные нумизматической статистики с несомненностью указывают, что тогда все серебряные монеты, выпускавшиеся азиатскими государствами Среднего Востока, уходили за их пределы в Восточную Европу. Характерно, что в отчетах дореволюционной Археологической комиссии, регистрировавшей монетные находки по всей Российской империи, под заголовками пяти областей бывшего Туркестанского края за все годы существования этой организации нет ни одного указания на обнаружение там саманидских монет. Отчасти это свидетельствует об известной «неполноте сведений, поступивших в Археологическую комиссию с мест в большинстве случаев через чиновников административно-управленческого аппарата. Начатая нами с 1917 г. регистрация монетных находок на территории Средней Азии постепенно выявила, что хотя при Саманидах в рыночном обращении основную массу составляли монеты из неценных металлов в виде разных категорий фельсов и так называемых черных дирхемов,² тем не менее какая-то незначительная часть валовой эмиссии высокопробных серебряных дирхемов оседала внутри государства. Об этом свидетельствуют нечастые находки как отдельных серебряных монетных кружков саманидского чекана, так и небольших кладов, иногда заключающих меньше десятка штук. Таков, например, был кладик из 6 монет, найденный в 1928 г. в Ташкенте и состоявший из 4 шашских дирхемов Насра I ибн Ахмеда 273 г. х. (875—892), Исма'йла ибн Ахмеда 283 г. х. (892—907) и Насра II ибн Ахмеда 307 и 317 гг. х. (914—943), а также из 2 самаркандских дирхемов 308 г. с именем последнего государя.³ Примером количества более значительного и однородного по своему составу кладика может служить находка на Афрасиабе

Рис. 2. Обратная сторона фальшивых саманидских дирхемов из Мерва.

Обозначения те же, что на рис. 1.

² Общую характеристику состояния денежного хозяйства в государстве Саманидов см.: М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби. «Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 184—191.

³ М. Е. М а с с о н. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928—1929 гг. «Научная мысль», Самарканд, 1930, № 1, отд. отт. 5, № 8.

в 1926 г., при рытье могилы на мусульманском кладбище, 29 дирхемов, вычеканенных в Самарканде в 357 г. х. при Мансуре I ибн Нухе.⁴ Среди немногих прочих находок заслуживает особого внимания встреченный в 1928 г. в Самарканде при строительстве большой Краевой больницы, близ места, где располагалась средневековая мечеть Намазга, клад саманидских серебряных монет весом, как тогда определяли, до 7 фунтов. В его состав входило около 300 целых и ломаных дирхемов. Еще более выразительным является клад, найденный в 1960 г. в Чиназе сторожем одной из тамошних школ на участке, где бралась земля для изготовления кирпичей. Клад был зарыт в медном сосуде и заключал массу целых и ломаных саманидских дирхемов разных категорий, в том числе очень мелких, а также небольшую примесь бувейхидских и отчасти зияридских серебряных монет. От самого сделавшего находку лица в Музей истории Узбекистана Академии наук Узб. ССР поступило свыше 1500 экземпляров общим весом в 14 кг с лишним. Часть монетных кружков этой находки, до того разошедшихся по рукам, попала в Нумизматический отдел упомянутого музея в количестве около 150 штук.⁵

Два последних клада — Самаркандский 1928 г. и Чиназский 1960 г. — дают основание отнести как ошибочное предположение, будто „порча“ в виде разламывания на куски саманидских дирхемов в свое время производилась исключительно в Болгарах и в других местах Восточной Европы, где население в отличие от Мавераннахра якобы не привыкло тогда еще к нормальному монетному обращению. В обоих указанных местных кладах нельзя не усматривать документального доказательства, что и внутри коренных областей саманидского государства серебряные монеты принимались на рынках по весу. О том, что в X в. у жителей столичной Бухары золотые динары и серебряные дирхемы общегосударственного образца ходили как товар, т. е. принимались при расплате в процессе торговых операций на вес, имеется прямое указание Ибн Хаукаля.⁶

При всем том, хотя приведенными данными не исчерпывается перечень зарегистрированных за советское время находок саманидских дирхемов в Средней Азии, все же остается в силе высказанное выше положение об их относительной редкости здесь, особенно по сравнению с восточноевропейскими областями. Это тем разительнее, что налицо обнаружение даже золотых саманидских динаров, эмиссии которых были вообще довольно незначительны. Они вместе с чисто газневидскими динарами были, между прочим,

⁴ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг. „Известия Среднеазиатского музея“, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 287, № 19.

⁵ О Чиназском кладе 1960 г., исключительно важном для истории денежного обращения в X в. внутри саманидского государства, в прессе имелись две, несколько преждевременно написанные заметки с не очень верными данными как об обстоятельствах находки, так и о составе его объектов. См.: С. Ишанханов. Через пласты веков. Редкий клад древних монет в Чиназе. „Правда Востока“, 1960, № 277; Ю. Ф. Буряков. Клад раскрывает тайны. „Комсомолец Узбекистана“, 1961, № 18. Судя по составу клада, нам думается, что он связан как-то с торговыми операциями, происходившими между Средней Азией и странами Восточной Европы, в том числе с Приволжьем.

⁶ Ибн Хаукаль. BGA, II, Lugduni Batavorum, 1939.

в найденном в 1929 г. и 10 лет спустя обработанном мною кладе, обнаруженном при устройстве конюшни государственного конезаводства в Южном Туркменистане у Махтум-Калы близ Ашхабада.⁷ Не менее интересным и еще более содержательным является клад, хранящийся в Самаркандском областном музее, состоящий из 63 золотых монет и найденный в 1961 г. по Дахбидской улице, на участке Автодорожного техникума при производстве строительных работ. В его составе оказались 2 сажидских динара Йусуфа ибн Дивдада (288—315 гг.), чеканенных в Мухаммадии в 311 и 312 гг. х., 2 — выбитые в Мисре чекана династии Тулунидов от имени Хумаравейха ибн Ахмеда (273 г. х.) и Харуна ибн Хумаравейха (289 г. х.), а все остальные — саманидские. Последние представлены чеканом Исма'йла ибн Ахмеда — одна штука, Ахмеда ибн Исма'йла — 7 штук и Насра II ибн Ахмеда — 51 штука. Монеты клада охватывают своими датами промежутки времени в 28 лет — от 289 до 316 г. х. Саманидские динары в нем представлены продукцией монетных дворов столичной Бухары (одна штука), ал-Мухаммадии (одна штука), Шаша (2 штуки), Самарканда (3 штуки) и Нишапура (38 штук). Резкое преобладание нишапурского золотого чекана вообще весьма типично для среднеазиатских монетных кладов поры развитого феодализма.

Находки медных саманидских фельсов разных категорий исключительно обильны, причем среди них бывают довольно значительные по размерам кладки. Самые крупные, не зарегистрированные в свое время Археологической комиссией, были обнаружены в первом десятилетии XX в. в Катта-Кургане при устройстве моста через Нарпай и в самом городе на участке землемера В. А. Савича. Каждый из них заключал в себе по несколько сот экземпляров монетных кружков.

Все сказанное является наглядным показателем оживленного, хотя не очень нормального монетного обращения в Средней Азии X в.,⁸ где нехватка на рынках серебряной монеты давала лишний повод к выпуску частными предпринимателями дирхемов нелегальной фальсификации. В начале 30-х годов нам удалось показать, что найденные Абду Вахитом в 1915 г. на Афрасиабе, близ иранского кладбища, у самого крупного котлована („хауза“), алебастровые матрицы для отливки дирхемов с именем Ахмеда ибн Исма'йла и с обозначением „Самарканд, 297 г. х.“, вопреки мнению В. Л. Вяткина, принадлежат не монетному двору, а инвентарю фальшивомонетчика, проживавшего здесь в начале X в.⁹ Небольшая коллекция в 7 экземпляров фальшивых свинцовых дирхемов, сделанных из очень мягкого металла и плохой сохранности, почему разборю поддалось лишь 2 из

⁷ М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г. „Материалы ЮТАКЭ“, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 140—141, № 7.

⁸ М. Е. Массон. К вопросу о „черных дирхемах“ мусейяби. „Материалы ЮТАКЭ“, вып. 1, стр. 190—191.

⁹ М. Е. Массон. Клад утвари фальшивомонетчиков XIV века под Ташкентом. „Материалы Узкомстариса“, вып. 4, Ташкент, 1933, стр. 15 и 16. Ср.: В. Л. Вяткин. Матрицы и штампы из Самарканда. „Известия Средазкомстариса“, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 73—75.

них, имитирующих чекан Мансура I ибн Нуха, хранится в Ашхабадском музее истории Академии наук Туркменской ССР и была определена мной в 1939 г.¹⁰ Летом 1940 г. самаркандский школьник Л. Попович, роясь на месте мишеней бывшего временного учебного стрельбища у южного склона бугра древней цитадели Афрасиаба в поисках пуль, неожиданно обнаружил небольшой кладик монет, оказавшихся фальшивыми свинцовыми дирхемами. Вскоре они в количестве 15 штук поступили в Самаркандский областной музей (инвентарный номер КП, 1574). Четыре экземпляра из-за плохой сохранности определению не поддаются. Остальные 11 подражают эмиссиям, выпускавшимся в правление Нуха II ибн Мансура в Бухаре в 371 г. х. (одна штука), 373 г. х. (3 штуки), 374 г. х. (2 штуки), 377 г. х. (одна штука) и в Самарканде в 373 г. х. (одна штука), 378 г. х. (2 штуки) и б. г. (одна штука).

По-видимому, вообще весьма рискованный промысел фальшивомонетчиков при Саманидах был очень выгоден, так как подделывались даже медные фельсы. Очень характерный экземпляр такого фельса был найден нами в 1929 г. среди развалин поселка горнорабочих, у огромного государственного рудника Кан-Мансур в Кара-Мазарских горах. Надписи его лицевой стороны были выполнены достаточно удовлетворительно, и в круговой легенде ясно читалось имя саманидского государя „шā Исма'йил ибн Ахмед“. Зато круговая легенда оборотной стороны представляла не поддающийся расшифровке набор буквенных знаков в случайном их сочетании.

Таким образом, вещественными материалами раскрывается разнообразие приемов, которыми в государстве Саманидов пользовались местные фальшивомонетчики, подделывавшие, как теперь выясняется, и медные, и серебряные, и, несомненно, золотые монеты. Они применяли и литье в формах, продукцию которого довольно легко было различить как подделку, и чекан, как более совершенный способ изготовления, но зато и более трудоемкий. Штампы в таких случаях делались из меди, что давало преимущество как в смысле меньшей затраты труда на вырезание изображений лицевой и оборотной сторон по более мягкому, чем сталь, металлу, так и в смысле сравнительно легкого уничтожения матриц в случае опасности обнаружения следов незаконного производства. С другой стороны, это сказывалось на относительно быстрой порче матриц, причем при использовании уже изношенных штампов со смятыми линиями рисунка для получения большей его четкости приходилось прибегать к более сильным ударам молотка. Последние приводили к резкому сглаживанию металла заготовки и к появлению разрывов на краях монетных кружков. В качестве металла при подделке дирхемов применялись и почти чистый свинец, и разные сплавы с медью, и даже с добавкой того или иного количества серебра.

Все сказанное дает основание видеть в составе небольшого мервского кладика саманидских дирхемов продукцию нелегальной фальсификации. Данная в самом начале общая характеристика его состава изобличает в мастере не опытного специалиста-монетчика, а не очень искусного малограмотного

¹⁰ М. Е. М а с с о н. Неопубликованные монетные находки. . . , стр. 140.

кустаря, плохо копировавшего надписи своих прототипов и даже путавшего при чеканке штампы. Этим именно и объясняется отмечавшийся анахронизм в выпускных данных, когда содержание лицевой стороны опередило таковое же обратной более чем на четыре года, что не могло бы иметь места на государственном монетном дворе. Несомненно, что при изготовлении дирхема с именем Нуха II и датой 361 г. х. фальшивомонетчик матрицу лицевой стороны взял от одной монеты, а для чекана оборотной стороны — от другой.

Кто был творцом обнаруженных у Шаим-Калы фальшивых дирхемов и как звали этого человека, останется навсегда неизвестным, но для эпохи, в какую он жил и действовал, сделанная находка дает лишний штрих.

Очевидно, наш фальшивомонетчик копировал те монеты, которые были наиболее распространенными в обращении на тогдашнем рынке. Если не считать получившейся путаницы с матрицами, то из 4 монет одну он подделал под чекан Мансура I, а 3 — его сына Нуха II, правление которых приходится на пору упадка династии и развала саманидского государства. Нух II умер в 997 г., а два года спустя, в 999 г., караханидский илек вновь занял Бухару и окончательно разрушил саманидскую централизованную державу. И до этого события, и несколько лет после него длилась смутная переходная пора, когда правители складывавшихся в Средней Азии и Хорасане новых государственных образований не могли сразу удовлетворить потребности денежного обращения монетами своих чеканов. Они, разумеется, должны были допустить на некоторое время хождение, вероятно по пониженному курсу, старых саманидских дирхемов. Их подделка, как монет уже сошедшей с исторической арены династии, возможно, даже несколько ослабляла ответственность за совершаемое уголовное преступление, что могло еще ненадолго поддержать нашего мервского фальшивомонетчика в выпуске своих „воровских денег“. Во всяком случае уже к середине первого десятилетия XI в. стимул к подделке саманидских дирхемов отпал сам собой, поскольку они полностью были изъяты из употребления. Вообще начало этого столетия было последним временем, когда наш мервский фальшивомонетчик, если он до того не был изобличен, еще мог бы подвизаться со своим опасным производством, так как вскоре же во всех странах так называемого мусульманского Востока с включением Грузии вообще прекратился выпуск серебряных полноценных дирхемов из-за наступившего длительного серебряного кризиса. С этого момента желавшим продолжать занятие предосудительным ремеслом предстояло переключиться на производство одних поддельных „золотых динаров“, что было доступно далеко не всем прежним фальшивомонетчикам, так как требовало более высокой квалификации и тонкого мастерства.

Как бы то ни было, но несколько менее тысячи лет назад в жизни Мерва настал момент, когда в его пригородном квартале Бени-Махан оказались зарытыми описанные свинцовые дирхемы.

По сравнению с самым установленным фактом обнаружения в Мерве средневековых фальшивых саманидских дирхемов частный второстепенный вопрос — кем были зарыты дирхемы — не имеет особого значения для истории.

В заключение уместно хотя бы кратко коснуться вскользь вопроса вообще об изготовлении „подделок“ саманидских дирхемов, о чем в научной литературе за последние полтораста лет накопилось немало суждений, причем в нашу задачу отнюдь не входит сейчас приводить их все. Подделки саманидских дирхемов стали обращать на себя внимание с начала XIX в., встречаясь и в виде отдельных находок, и в составе кладов полноценных серебряных монет. Специальной задачи всестороннего рассмотрения этих „подделок“ и установления какой-то их классификации не ставилось. Уже одно это привело к слишком субъективным, порой просто случайным высказываниям в зависимости от того, с какой категорией „подделок“ имел дело тот или иной исследователь. Примером может служить явно ошибочное мнение Гартмана, будто между азиатскими дирхемами саманидские были самые малоценные (*die geringhaltigsten*),¹¹ каковое могло сложиться в результате осмотра низкопробных монетных кружков нелегальной фальсификации. В. Г. Тизенгаузен, перед глазами которого прошло больше саманидских дирхемов, чем перед кем-либо другим, в самом факте наличия огромной массы последних среди находок в Восточной Европе усматривал доказательство, что европейские купцы предпочитали их всем прочим обрацдавшимся в ту пору монетам чекана различных династий. Ему казалось, что именно это „дало, вероятно, повод к выделке фальшивых саманидских дирхемов, которые нередко встречаются в кладах“, как, впрочем, находятся поддельные монеты и иных династий, но в гораздо меньшем числе.¹² Х. М. Френ, Ф. Соре и ряд других нумизматов полагали, что фальшивые саманидские дирхемы чеканились в Волжских Булгарах,¹³ причем в данном случае речь шла, очевидно, об очень грубых подражаниях общегосударственному саманидскому чекану, для каковых имитаций штампы изготовлялись безграмотными или во всяком случае очень малограмотными мастерами. П. С. Савельев считал, что такие подражания выпускались ремесленниками Кубачи.¹⁴ Между тем последние искони славилась высоким мастерством по обработке металла и едва ли когда-либо выпускали такую низкую продукцию. Шведский нумизмат К. Торнберг и группа разделявших его точку зрения ученых придерживались мнения, что чеканка фальшивых саманидских дирхемов производилась варварскими народами, проживавшими на северных границах государства Саманидов.¹⁵ Эту гипотезу в свое время принял и постарался аргументировать В. Г. Тизенгаузен, допускавший, что саманидские дирхемы подделывались жившими на границах Мавераннахра и Хорасана „турецкими и татарскими

¹¹ См.: А. Т. Hartmann. Allgemeine Belehrungen über die durch einen frühen Handel im Mittelalter in die Ostseeländer eingeführten Arabischen Münzen. „Oluf Gerhard Tychsen oder Wanderungen“, Bd. II. 1820, p. 47; В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ЗВО, т. VI, отд. I, СПб., 1853, стр. 17.

¹² Там же, стр. 17—18; на последней также прим. 1.

¹³ Ch. Fraehn. Die neuesten Bereicherungen der muhammedanischen Numismatic. „Bulletin scientifique“, t. 1, 1835, pp. 27—28; Ф. Соре. Незданные восточные монеты. ЗВО, т. VI, отд. II, СПб., 1855, стр. 431.

¹⁴ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, I. СПб., 1846, стр. LVIII—LIX.

¹⁵ K. Tornberg. Numi Cufici. Upsaliae, 1848, pp. LVII, 242.

племенами¹⁶, которые, по его мнению, принимая некоторое участие в торговле с булгарами и хозарами, хотели воспользоваться теми же выгодами, которые извлекали из торговли их богатые соседи, и для достижения этой цели стали прибегать к подделке саманидских дирхемов.¹⁶

Все эти остроумные, высказанные еще в XIX в. предположения базировались только на известных тогда находках, сделанных в Восточной Европе. В настоящее время совершенно несомненно, что вопрос о подделках саманидских дирхемов не так прост, а самый термин „подделка“ включает изделия, весьма различные по своему содержанию. Прочное установлено, что местные владетели Волжских Булгар выпускали грубые подражания саманидским серебряным монетам с бессмысленным копированием названий мест чекана и даже, возможно, годов выпуска оригинала. Однако это были не фальшивые подделки, а кружки примитивного, но легального болгарского чекана. В свое время саманидского типа дирхемы с именем Микáйла ибн Джа'фара и обозначением Шаша, Самарканда, Балха и Нишапура крупнейшие исследователи, как Х. М. Френ, В. Г. Тизенгаузен, Линдберг и др., принимали за чекан повстанца, воспользовавшегося малолетством эмира На'сра I, внука Исма'йла, чтобы объявить государем самого себя, в чем он якобы и успел, захватив перечисленные крупные города саманидского государства. В. В. Бартольд полагал, что выпуск монет с именем Микáйла ибн Джа'фара находится в связи с упоминаемым Ибн' ал-Асйром восстанием в Хуттале некоего Джа'фара ибн Абу Джа'фара, и указывал, что Микáйл ибн Джа'фар был якобы в Самарканде с 918—919 по 920—921 гг.¹⁷ Р. Р. Фасмер в солидном нумизматическом этюде доказал, что в кратковременном восстании в Хуттале такого участника вообще не было, а все указанные монеты с именем Микáйла ибн Джа'фара принадлежат чекану именно одного из болгарских правителей, вероятнее всего сыну Джа'фара — ибн 'Абдалла'ху, к которому в 310 г. х. приезжало от багдадского халифа посольство, с участием в качестве секретаря Ибн Фадлана.¹⁸

Наряду с этим стремление к „легкой наживе“ несомненно побуждало к фальсификации широко распространенных в X в. саманидских дирхемов отдельных лиц различного племенного происхождения и, как показано выше, проживавших не только на периферии саманидской державы, но и внутри коренных земель этого государственного образования. Именно они изготовляли более или менее искусные и низкокачественные, из неценных металлов, действительно поддельные дирхемы, которые получили распространение всюду, куда проникали монеты чекана государства Саманидов. Но есть еще крупная группа монетовидных кружков, которые хотя и сделаны в подражание саманидским дирхемам, однако не относятся к категории фальшивых. Они в большинстве случаев изготовлены из достаточно высокопробного

¹⁶ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 19.

¹⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 252, прим. 2 и стр. 505.

¹⁸ Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X века. „Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете“, т. XXXIII, вып. 1, Казань, 1926, стр. 29 сл.

серебра, почти не уступающего монетному по своей пробе, и сделаны путем литья или чекана без стремления точно копировать свои образцы, лишь в общих чертах передавая тип подлинника, почему их легенды, как правило, представляют случайный набор знаков, не всегда поддающихся даже частичной расшифровке. Изредка встречаются брактеатовидные односторонние экземпляры, но подавляющее большинство — двусторонних, с одним или двумя пробитыми отверстиями для прикрепления их путем пришивания к одежде в качестве украшений, как это широко практиковалось в старину на Востоке, а кое-где, например в Туркменской ССР, распространено и сейчас.¹⁹ В какой-то мере все они могут быть причислены к категории „подделок“, но это отнюдь не продукция злостной фальсификации, а выпускались они и в Средней Азии, и в Поволжье, и в других местах теми базарными ремесленниками-заргярами, которые изготовляли всякого рода украшения. В большинстве случаев благодаря высокопробности их металла они представляли определенную ценность, почему оказывались иногда в составе кладов настоящих дирхемов, так как могли иметь денежное обращение при приеме на вес как в государстве Саманидов, так и на рынках Восточной Европы.

Наибольший интерес среди таких монетовидных объектов представляют серебряные кружки, подражающие медалевидным саманидским дирхемам крупного размера, достигающим порой 42 мм в диаметре. Специально ими никто не занимался. Между тем, поскольку подлинные медалевидные дирхемы X в. представляют исключительную редкость (например, бадахшанские), быть может, изучение подражаний им позволит установить неизвестные еще в нумизматике подлинники, послужившие для них прототипами. В этом отношении большое значение имеет ждущая своего исследователя небольшая коллекция их, заключающая в себе около десятка экземпляров и входящая в состав упомянутого выше крупного Чиназского клада 1960 г. Наряду с ними в нем есть и подлинный крупный медалевидный самаркандский дирхем, выбитый в 358 г. х.

¹⁹ Об употреблении в Средней Азии в качестве женских украшений старинных монет и специальных подражаний мелким золотым талля Хорезма XIV в., арабским дирхемам, теньгам XVII—XVIII вв. и персидским монетам XVIII в. см.: М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии, стр. 280.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ПО ПОВОДУ ДВУХ КЛАДОВ МЕДНЫХ МОНЕТ XV в. ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Два маленьких клада медных тимуридских монет найдены были в 1959 г. недалеко от г. Душанбе (к западу от него) при земляных работах.¹

Первый клад состоит из 41 монеты одного типа: они различаются только наименованием монетного двора. Чеканены все в 823/1420 г. (рис. 1, а—в).

Л. ст. В центре — шестиконечная звезда, образованная пересечением 2 треугольников; внутренний шестигранник звезды заполнен орнаментом,

Рис. 1. Медные тимуридские монеты 823/1420 г. Прорисовка-реконструкция.

в 6 внешних треугольниках точки. В 6 отсеках шестиконечной звезды надпись, заключающая наименование монетного двора после слова ضرب и термина عدليه, например: ضرب سمرقند عدليه — "Чекан Самарканда. Адлийа". Ободок линейный и точечный (рис. 1, а).

Об. ст. В поле — дата — سنه ثلاث وثمانماية — "Год восемьсот двадцать третий". Ободок как на л. ст. (рис. 1, б, в).²

Дата полностью или фрагментарно сохранилась на всех монетах, наименование же монетного двора читается на 14 экземплярах: Бухара (2 экз.), Карши (один экз.), Самарканд (7 экз.), Термез (2 экз.),^{2а} Шахрисябз (один экз.), Шахрухия (один экз.).³

¹ Оба клада поступили в Республиканский историко-краеведческий музей в г. Душанбе (РМ/И №№ 1965 и 1966).

² Монеты демонстрируют ряд технических изъянов: штампы смещены относительно монетного кружка, часто отмечаются двойные смещенные удары и пр. Встречаются также ошибки в круговой надписи лицевой стороны.

^{2а} В монетном чекане встречается двойное начертание "Термеза": ترمذ و ترمز. В данном случае — первый вариант.

³ М. Е. Массон (Клад медных монет XV века из Оша. ЭВ, XIII, М., 1960, стр. 118—119) опубликовал монету 823 г. х. такого же типа (фото и прорисовка на рис. 1, г и 2, ж), но

Второй клад из 37 монет совершенно другого состава. Только одна монета чеканена в Урду в 861/1456—1457 г. На всех остальных (когда дата сохранилась полностью или восстанавливается по фрагментам) читается 832/1428—1429 г. Основная их масса чеканена в Бухаре (21 монета), остальные в Андижане, Карши, Термезе,⁴ Шахрухии и Урду по одной монете. На 11 монетах место чекана стерто.

Все монеты 832/1428—1429 г. однотипны и различаются наименованием монетного двора.

Л. ст. В круглом картуше (размеры картуша варьируют), обрамленном орнаментом, наименование монетного двора. Кругом, в 6 внешних отсеках картуша, надпись (полностью не сохранившаяся ни на одном экземпляре, но легко восстанавливаемая по многим) *فلوس عدليه ضرب* — „Фулус 'адлийя. Чекан“. Ободок линейный и точечный.

Об. ст. В поле — дата *في التاريخ سنه اتنا ثلاثين وثمانماية* — „В дни года восемьсот тридцать второго“. Ободок как на л. ст. (рис. 1, в).

Тип монеты Урду 861 г. х. частично повторяет тип монет 832 г. х., но имеет и отличия.

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, — наименование молетнего двора (часть надписи сбита надчеканом) *ضرب اردو*. В 6 внешних отсеках картуша надписи нет.

Об. ст. В поле — дата (на данном экземпляре частично стертая): *في التاريخ سنه احدى ستين وثمانماية* — „В дни года восемьсот шестьдесят первого“.

Из 37 монет клада 25 надчеканено, причем на 18 монетах по одному надчекану, а на 7 монетах — по два.

Надчеканы двух типов: в квадратном и в шестигранном картушах.⁵ Надписи и в том, и в другом случае одинаковы: наименование монетного двора после слова *ضرب* и термина *دانگی*. Например, *دانگی ضرب سمرقند* — „Дангй чекан Самарканда“.

Надчеканы в шестигранном картуше зафиксированы для Самарканда, а в квадратном — для Андижана, Бухары, Карши и Самарканда.

В программном заключении своей статьи, посвященной разбору одного клада медных монет XV в., М. Е. Массон отметил: „Отсутствие достаточного количества соответствующих данных в письменных источниках в извест-

определил ее, по недоразумению, как чеканенную в Ширазе, без обозначения года. Надпись *ضرب شیرز* прочтена на оборотной стороне вместо частично стертой даты (стертые части в скобках) — 823 г. х.

[س]نه [ثلاث]ث [ع]شرین [وثمانماية] [یه]

Перевод. „Чекан Шираваз. Год восемьсот двадцать третий“.

М. Е. Массон еще две монеты относит к чекану Ширазе и читает на них дату — 823/1420 г. (там же, стр. 118). К сожалению, они не описаны и не приведены на рисунках, так что их невозможно сравнить с монетами этого же года в составе нашего клада.

⁴ Начертание „Термез“ на монетах 832 г. х. совершенно такое же, как на монетах 823 г. х. *ترمز*.

⁵ Один надчекан не сохранил картуша, но остатки надписи позволяют заключить, что он принадлежит одному из этих двух типов.

ной мере будет тормозить детальное изучение истории денежного обращения в государстве Тимуридов. Но благодаря предварительным наблюдениям за обильными нумизматическими объектами и исследованиям местного чекана XVI в. совершенно несомненно, что многие явления, положения и закономерности, обнаруженные и установленные для денежного хозяйства во владениях Шейбанидов, или восходят к XV столетию, или даже целиком справедливы для монетного обращения при Тимуридах⁶.

Действительно, ряд закономерностей денежного обращения, выявленных нами⁷ для конца XV и XVI в. на основании совокупного изучения самих монет и письменных источников (преимущественно многочисленных юридических документов), позволяет понять и объяснить особенности двух публикуемых здесь кладов XV в. и охарактеризовать некоторые черты медного обращения во второй и третьей четвертях этого столетия.

По материалам конца XV—начала XVI в. видно, что надчеканы в одинаковых картушах производились на разных монетных дворах одновременно. Разные же формы картушей — свидетельство разновременности надчеканов.⁸ Это в полной мере может быть отнесено к надчеканам второго из публикуемых кладов: все надчеканы в квадратном картуше на всех монетных дворах были произведены одновременно, так же как и надчеканы в шестигранном картуше. К сожалению, монеты этого клада не позволили установить хронологическую последовательность производства надчеканов в шестигранном и квадратном картушах. Для решения этого вопроса существенно рассмотреть те случаи, когда два разнотипных надчекана перебили друг друга. Подобные монеты рассматриваемого клада и еще некоторых других не дали, однако, возможности прийти к уверенному выводу в этом отношении. В прилагаемой таблице шестигранные надчеканы помещены первыми совершенно условно.

Тип надчекана	Количество монет монетных дворов					
	Андижан	Бухара	Карши	Самарканд	(стерто)	Всего
Шестиграннык . . .	—	—	—	6	9	15
Квадрат	1	2	2	6	5	16
Картуш стерт . . .	—	—	—	—	1	1

Для абсолютной датировки этих надчеканов весьма существенно, что один надчекан в шестигранном картуше зафиксирован на монете Урду 861/1456—1457 г. Следовательно, шестигранные надчеканы были произведены после этого года.

⁶ М. Е. Массон. Клад медных монет XV века из Оша, стр. 124.

⁷ Перечень опубликованных до 1960 г. статей по этим вопросам см.: И. Г. Спасский и В. Л. Янин. Советская нумизматика. Библиографический указатель. 1917—1958. Сб. „Нумизматика и эпиграфика“, II, М., 1960, стр. 195—196, III, М., 1962, стр. 300.

⁸ Е. А. Давидович. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. „Известия Отделения общественных наук Академии наук Тадж. ССР“, вып. 3, Душанбе, 1953, стр. 46—47.

Два рассматриваемых клада отражают определенные этапы обращения медных монет в XV в. и позволяют выявить некоторые особенности этих этапов.

Все монеты двух кладов (кроме монеты Урду 861 г. х.) чеканены в годы правления Улугбека и в пределах его владений. Однотипность монет, выпущенных в один и тот же год на нескольких монетных дворах, свидетельствует о том, что они имели равное обращение по всему государству, вне зависимости от места выпуска. Два рассматриваемых и многие другие клады XV в. прекрасно это иллюстрируют: монеты, чеканенные в разных городах, оказывались в составе одних кладов, т. е. в одном месте. Это первая характерная черта медного обращения рассматриваемого времени.

По материалам более позднего времени (конца XV—начала XVI в.)⁹ удалось установить, что изменение типа медных монет диктовалось фискальными соображениями. Одна из форм извлечения доходов из чекана и обращения медных монет заключалась в том, что государственная власть периодически заменяла одни группы медных монет другими. При таких сменах „старые“ монеты запрещались вообще, и их обменивали на „новые“ в выгодной для казны пропорции. Для контроля за этими мероприятиями было необходимо, чтобы „новые“ монеты имели новый внешний вид, отличный от внешнего вида запрещенных монет. Такого рода фискальные мероприятия государства наносили большой материальный урон владельцам „запрещенных“ монет. Это стимулировало образование кладов: владельцы иногда припрятавали монеты „до лучших времен“, не желая терять на обмене.

В этой связи обращает внимание, что монеты 823 и 832 г. х. в типовом отношении очень отличаются друг от друга. Вышеизложенное позволяет заключить, что выпуск в 832 г. х. монет нового типа (отличного от типа монет 823 г. х.) был вызван именно фискальными соображениями и сопровождался запретом дальнейшего обращения монет 823 г. х. Этот вывод подтверждается еще и тем фактом, что часть выпуска 832 г. х. была основана на простом перечеканивании монет 823 г. х. Среди найденных в Таджикистане монет 832 г. х. оказалось несколько экземпляров, на которых в силу технически неудачного перечекана хорошо видны остатки незабитых надписей и орнаментов 823 г. х.¹⁰ Не менее существен и состав кладов. В кладах, сложившихся во второй половине XV в. или в начале XVI в. (с большим количеством монет 832 г. х.), монеты 823 г. х. совершенно отсутствуют или же единичны. Например, в большом душанбинском кладе (1040 монет) Института истории АН Тадж. ССР (КП-461) только одна монета 823 г. х. В ошском кладе 2 или 3 монеты¹¹ 823 г. х., причем одна сохранилась в обра-

⁹ Там же, стр. 63—69.

¹⁰ Институт истории АН Тадж. ССР, КП-461/240 и др. Республиканский историко-краеведческий музей в Душанбе; клад, найденный в 1960 г., — №№ 327, 663, и др.

¹¹ М. Е. М а с с о н. Клад медных монет XV века из Оша, стр. 118. Примеры полного отсутствия в аналогичных кладах монет 823 г. х. слишком многочисленны, так что мы их не приводим.

шении благодаря надчекану. Следовательно, при переходе на новый тип 832 г. х. старые монеты 823 г. х. действительно вышли из обращения.¹²

Очень интересна весовая сторона медного чекана 823 и 832 гг. х. Сравнительный анализ более позднего материала (письменных свидетельств, надписей на самих монетах и их веса в конце XV и в XVI в.) позволил заключить, что в это время для медных монет государство назначало совершенно определенный вес (с точностью до нухуда, т. е. $\frac{1}{24}$ части мискаля) и что кратные основного номинала получали соответственно кратный вес.¹³

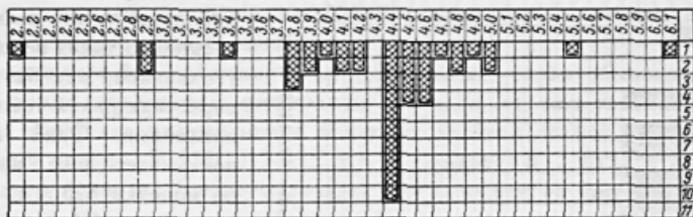

Рис. 2. Графическая таблица веса тимуридских монет 823/1420 г.

Аналогичные выводы сделаны нами и для более раннего времени (по весовым данным медных посеребренных дирхемов XII—XIII вв.).¹⁴

Монеты 823 г. х. в составе нашего первого клада не оставляют сомнений в том, что для них тоже был назначен твердый и определенный вес и что все они представляют собой один номинал. Графическая таблица веса (рис. 2) показывает, что основная масса монет (85%) расположилась в пределах 3,8—5,0 г, что в среднем дает 4,4 г; вершина графического треугольника также приходится на эту цифру. Среднее арифметическое веса 40 монет дает 4,3 г. Следовательно, законный вес, назначенный для этого типа монет, был около 4,4 г.¹⁵

Значительно сложнее весовая картина монет 832 г. х. Графическая таблица (рис. 3), составленная на основании веса 464 ненадчеканенных монет этого типа, показывает очень большую амплитуду весовых колебаний; как уже отмечалось в литературе, юстировка при чеканке монет этого типа не производилась.¹⁶ Такое предположение означает, что государство опреде-

¹² Летом 1427 г. Улугбек совершил очень неудачный поход против кочевых узбеков. Вероятно, состояние казны, истощенной этим походом, вынудило Улугбека в 832/1428—1429 г. с фискальной целью прибегнуть к запрету старых и выпуску новых медных монет.

¹³ Е. А. Давидович. К медным номиналам конца XV—начала XVI в. по данным чекана Хисара и Кундуза. Сообщения Таж. филиала АН СССР, вып. XXIV, Душанбе, 1950, стр. 39—46.

¹⁴ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. Сб. „Нумизматика и эпиграфика“, II, М., 1960, стр. 106—107.

¹⁵ В основу этого веса мог быть положен мискаль столничного Самарканда размером в 4,46 г или же более употребительный в позднем средневековье бухарский мискаль, равный 4,8 г. В последнем случае назначенный для монет 823 г. х. вес равнялся бы мискалю без 2 нухудов (ср. вес медных самаркандских монет 914/1508—1509 г., равный мискалю и 2 нухудам, что обозначено на самих этих монетах).

¹⁶ М. Е. Массон. Клад медных монет XV века из Оша, стр. 113.

ляло не индивидуальный вес медных монет, а лишь число их из определенного количества металла. Обращает, однако,

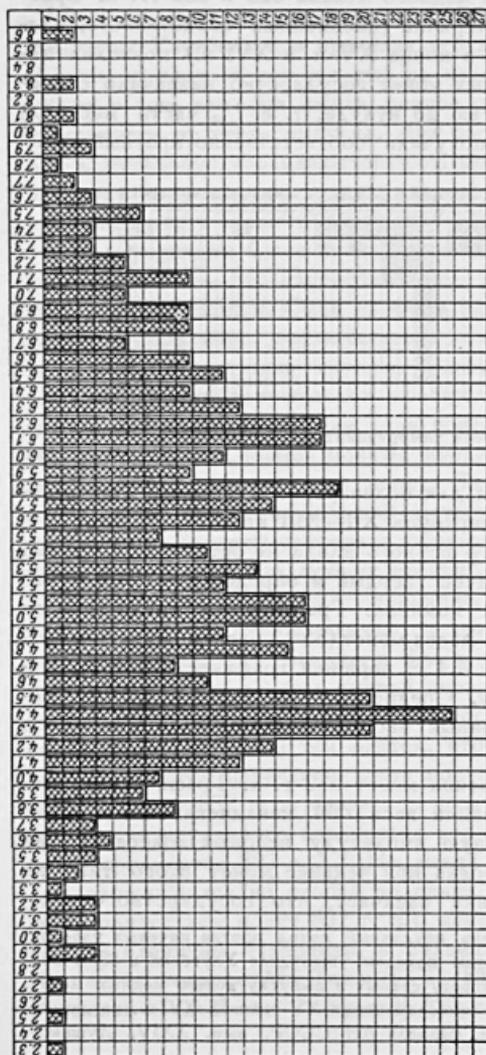

Рис. 3. Графическая таблица веса тимуридских монет 832/1428—1429 г.

на себя внимание следующий факт: графическая таблица веса монет 832 г. х. не образует сплошного треугольника с одной вершиной, как это бывает при любой амплитуде колебаний одной весовой группы монет. Здесь довольно четко выделяется несколько таких вершин треугольников, как бы взаимно пересекающихся своими основаниями. Одна вершина показывает уже известный по монетам 823 г. х. весовой стандарт — 4.4 г. Другая вершина расположена около 5.1 г и т. д. Предположение о наличии кратных основного номинала отпадает: все монеты 832 г. х. одного типа, типовой же критерий являлся основным для практического отличения монет разного достоинства.¹⁷ Остается предположить, что перед нами случай изменения весового стандарта внутри одного типа и номинала.

В литературе отмечалось, что на медных монетах XV в. проставлялись не годы их чекана, а годы утверждения той или иной серии монет, выпускавшихся практически в течение ряда лет без изменения типа.¹⁸ В части монет 832 г. х. это положение не вызывает сомнений: монеты

¹⁷ Правда, известны редкие случаи, когда монеты разного достоинства были чеканены по одному типу и отличались только весом. Но в этих случаях разница веса и размеров была такова, что монеты нельзя было спутать. Пример — простые и двойные медные динары Самарканда 919/1513—1514 г.: они одного типа, но вес вторых в два раза больше веса первых (Е. А. Давидович. К медным номиналам. . . , стр. 43—44).

¹⁸ М. Е. Массон. Клад медных монет XV века из Оша, стр. 112.

этого типа встречаются очень часто и в большом количестве как в виде отдельных находок, так и в составе кладов разных размеров. Это обилие особенно заметно по сравнению со всеми другими медными монетами XV в. Следует также учесть, что основная часть монет 832 г. х. чеканена на бухарском монетном дворе, а один монетный двор за один год не мог выпустить такую массу монет.

Если же исходить из того, что монеты 832 г. х. практически чеканились в течение нескольких лет (во всяком случае в Бухаре), то предложенное объяснение большой амплитуды весовых колебаний монет этого типа (как следствие изменения весового стандарта внутри одного номинала и типа) покажется особенно правдоподобным.

Изменение веса без изменения типа и номинала — самая обычная для феодализма форма извлечения фискальных доходов из монетного чекана. И в Средней Азии для медных монет близкого времени может быть приведен аналогичный пример. В 918/1512—1513 г. в Самарканде и Бухаре вес основного медного номинала (медного динара) был понижен на 0,3—0,4 г, причем в Самарканде это понижение сопровождалось изменением типа, в Бухаре же оно было завуалировано: тип не был изменен.

Сейчас не представляется возможным нарисовать полную картину движения веса медных монет серии 832 г. х. Более вероятным кажется понижение их веса каждый раз на несколько десятых долей грамма. Именно так, например, понижался вес медных монет с 897/1491—1492 по 913/1507—1508 г. (от 5,1—5,2 до 4,6 г. тремя приемами).¹⁹ Но нельзя не учитывать, что весовой стандарт в 4,4 г мог сложиться не без влияния монет 823 г. х., использованных в 832 г. х. путем перечеканивания. Пока можно утверждать одно: в 832 г. х., так же как раньше (в 823 г. х.) и позже (в чекане конца XV—XVI в.), для медных монет назначался определенный законный вес. Широкая же амплитуда весовых колебаний монет 832 г. х. объясняется не отсутствием юстировки, а изменением веса внутри одного типа при многолетнем его чекане.

Рассмотрение типов и веса монет 823 и 832 гг. х. подсказывает еще один вывод: в эти годы медное обращение базировалось на медных монетах одного достоинства, кратные основного номинала не чеканились вовсе (пока они неизвестны) или чеканились в очень небольшом количестве и существенной роли в денежном обращении не играли. Следовательно, денежная торговля в сфере обращения меди в рассматриваемое время еще не достигла того более высокого уровня, который отмечается наличием медных монет нескольких разных достоинств.

Определенные сдвиги в этом отношении намечаются на следующем этапе. Значительная часть монет второго клада надчеканена. Два последовательно произведенных надчекана (в квадратном и шестигранном картушах) в своих надписях содержат термин „данги“ دانگی. Термин этот подчеркивает, что надчеканенные монеты являются шестой частью каких-то других монет (или же

¹⁹ Е. А. Давидович. К медным номиналам. . . , стр. 42.

равняются шести другим мелким монеткам).²⁰ В это же или близкое время производились надчеканы других типов:²¹ с наименованием монетного двора после слова ضرب и термином نيمدانگی. Термин „нймдэнгй“ подчеркивает, что надчеканенные монеты равняются $\frac{1}{12}$ части каких-то других монет (или же заключают 3 другие мелкие монетки); иначе говоря, они являются половинками основных медных монет „дэнгй“.

Надчеканы с терминами „дэнгй“ и „нймдэнгй“ говорят о том, что денежная торговля во второй половине XV в. достигла более высокого уровня: внутренний рынок уже не удовлетворялся медной монетой одного достоинства и государственная власть вынуждена была озаботиться выпуском не только основного номинала, но и его кратных. Такое направление в развитии чекана и обращения медных монет оказалось не случайным: к концу XV—началу XVI в. чеканились монеты 5—6 разных достоинств: кроме основного номинала (медного динара), — монетки в $\frac{1}{6}$ его части, половинки, монетки в $\frac{2}{3}$, двойные динары и, очевидно, полutorные динары.²²

Обращает на себя внимание следующий факт: если монеты 823 г. х. после перехода к монетам 832 г. х. действительно были изъяты из обращения, почему очень редко и единицами встречаются в более поздних кладах, — судьба монет 832 г. х. выглядит несколько иначе. Следовало бы ожидать, что после принятия надчеканов с терминами „дэнгй“ и „нймдэнгй“ правительство запретит дальнейшее обращение ненадчеканенных монет 832 г. х. Между тем в кладах более позднего времени (включая клады, сложившиеся к началу XVI в.)²³ очень много ненадчеканенных монет 832 г. х.

Это может быть объяснено двояко. Ненадчеканенные монеты 832 г. х. смогли оказаться в кладах вместе со значительно более поздними монетами в силу постепенного сложения самих кладов, на протяжении длительного времени накапливаемых их владельцами. Иначе говоря, клады, накопленные таким образом, могли включать монеты разных этапов денежного обращения. Но вполне вероятным кажется и другое: правительство, произведя надчеканы с терминами „дэнгй“ и „нймдэнгй“ (т. е. дав рынку монеты двух достоинств), ненадчеканенные монеты 832 г. х. также не запретило к дальней-

²⁰ Термин „дэнгй“ во второй половине XV в. встречается не только в надчеканах, но и в надписях некоторых типов монет. Пример: чекан Кашгара 858/1454 г. М. Е. Массон. (Клад медных монет XV века из Оша, стр. 115) относит эти монеты к 850/1446—1447 г. Но на фотографии (рис. 1, а) и рисунке (рис. 2, а) четко видно слово единиц ثمان.

²¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 681, № 268—271 и др.

²² Е. А. Давидович. 1) Шаартузский клад двойных динаров 905/1500—1501 и 907/1501—1502 гг. Доклады АН Тадж. ССР, вып. IX, Душанбе, 1953 (о полutorных динарах — стр. 38—39); 2) Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. Сб. „Нумизматика и эпиграфика“, вып. I, М., 1960, стр. 193—198.

²³ Например, в душанбинском кладе Института истории АН Тадж. ССР (КП-461), сложившемся к началу XVI в., из 1040 монет 259 (т. е. почти 25%) ненадчеканенных монет 832 г. х. Примеры такого рода многочисленны.

шему обращению в каком-то определенном курсовом отношении к надчеканенным монетам.

Оба клада дают также материал для характеристики экономических связей Хисарской области, где они найдены. В кладах — монеты и надчеканы монетных дворов центрального Мавераннахра и Ферганы, монет же хорасанских городов совсем нет. Другие, более поздние клады, найденные также на территории Хисарской области, в этом отношении аналогичны: в них вовсе нет или единичные экземпляры монет и надчеканов хорасанского происхождения. Следовательно, в XV в. экономические интересы связывали Хисар именно с центральным Мавераннахром, а не с Хорасаном. Такое же направление экономических интересов рисует монетный чекан XVI в.²¹

²¹ Е. А. Давидович. Из истории Хисара в XVI в. „Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР“, вып. 2, Душанбе, 1952, стр. 27—29.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ПАНДЖАБСКАЯ НАДПИСЬ С УРАЛА¹

В „Эпиграфике Востока“ (вып. VI, 1952, стр. 116) был опубликован эскиз сосуда с однострочной надписью и следующей заметкой: „Рисунок бронзового сосуда с неизвестной надписью, найденного при земляных работах в районе Локомотивстроя в Орске в 1951 г., поступил в редакцию «Эпиграфики Востока» через А. Н. Берштама. Автор рисунка, К. В. Сальников, предлагает кому-либо из лингвистов-востоковедов прочесть надпись (смотри рисунок)“.

Мой друг Шри Суреш Чандра Сан-Гупта из Аллахабадского университета дал мне в августе 1954 г. перевод этой заметки и вып. VI „Эпиграфики Востока“. Я тогда же прочел однострочную надпись в присутствии Шри Сан-Гупта и обещал написать заметку о ней по окончании моей книги „Бхаратийа Итихас Ки Миманса“. Я надеялся, что „Миманса“ будет окончена к октябрю 1954 г., но эта книга отняла еще шесть лет, и хотя я предпринял за этот период много меньших работ, все же эта заметка была надолго отложена. Надпись была написана почерком гурмуки: она относится к XVI в., когда это письмо появилось как самостоятельное из письма шарада северо-западной Индии.²

Надпись читается:

„Бхоләсингх Пандат“

Писец предполагал написать „Бхоләсингх Пандат“, что означало владельца бронзового сосуда. Первая согласная *бх* в письме шарада не употребляется, но характерна для его более поздних вариантов такари (*tākari*) и гурмуки. Обозначение *о* после *бх* и *л* и *а* после *л* характерны для гурмуки; в шараде и такари таких значков нет; *е* и *лх* употребляются в такой форме и в шараде, и в гурмуки; но *о* после *с* таким значком передается только в шарада или такари; в гурмуки такое обозначение не употребляется.

Анусвара (знак назализации) над *с* характерна для шарада и такари, а не для почерка гурмуки. *П* в такой форме употребляется в любом из этих трех видов письма, особенно в шарада и гурмуки. *Д* в такой форме употребляется только в шарада, — как раз такой знак мы находим в рукописи Шакунтала, написанной в XVI в.³ Последнее *т* может быть из любого из этих почерков, но особенно из такари или гурмуки.

Бхоләмингх Пандат (Бхоләсингх Пандит) был, очевидно, панджабский знатный человек XVI или XVII в., который имел обыкновение отпраляться ради торговли в район Урала. Во время своей торговли он оставил этот сосуд там или хранил его там и потом не смог снова отправиться на Урал, чтобы привезти его.

Прозвище Пандат (Пандит) показывает, что он принадлежал к касте „брахманов“. Но панджабские брахманы не имеют Синх (Сингх) в своих именах, — „Сингх“ как часть имени показывает, что он был сикх. Так как очень немногие брахманские роды присоединились к общине сикхов, может быть возможно проследить в истории сикхов, к какому роду принадлежал этот Бхоләсингх.

Эта надпись из семи слогов очень важна, так как она освещает старую торговлю между Панджабом и областью Урала.

Джай Чандра Видьяланкар.

¹ Переведено с английского языка М. И. Воробьевой-Десятовской и В. А. Крачковской.

² См.: Х. Х. Оджха. Бхаратийа Прачин Липимала, Изд. 2-е, Дели, 1918, табл. 31 и 77.

³ См.: там же, табл. 31.

К ХРОНОЛОГИИ МЕДНЫХ КУШАНСКИХ МОНЕТ

Среди многочисленных медных монет кушанского чекана, как известно, имеется ряд групп, весьма плохо поддающихся определению и датировке. Это прежде всего те, которые имеют сильно искаженные легенды или вообще лишены последних. Общепринятым положением является отнесение их к сравнительно позднему периоду; особо выделяются грубые варианты, обычно именуемые распылчатым термином „поздикушанские“. Предположительное определение монет, лишенных легенд, производится [путем сопоставления имеющихся на них изображений с таковыми золотых монет, обычно снабженных поддающимися чтению надписями. Этот естественный сам по себе путь основывается на постулате, что медный чекан отдельных правителей следует в смысле изображений золотому. Однако это соответствие не является доказанным, и тут вполне вероятны расхождения. Другим, в конечном счете более надежным путем может быть учет стратиграфических соотношений различных групп медных монет, полученных при археологических раскопках; соответствующих данных пока мало, но дальнейшие работы, несомненно, пополнят их. Определенный интерес в этом плане представляют находки, сделанные при исследовании небольшого городища кушанского времени Хан-Газа в Бишкентской долине (Южный Таджикистан). Здесь четко прослежено пять этапов жизни, причем между четвертым и последним, вероятно, имел место некоторый период запустения. В слоях, соответствующих трем этапам, найдены медные монеты различной сохранности.

Ко второму этапу принадлежит медная монета, найденная на суфе. Она сравнительно крупная и массивная, но плохой сохранности (рис. 1, 1).

Стоящая мужская фигура в расходящейся книзу одежде; правая рука опущена к алтарю, левая опирается на трезубец. Вокруг головы, по-видимому, имеется нимб. По краю неясные выпуклости; возможно, разрушенная окислами легенда.

Сидящее женское божество: детали его, к сожалению, неразличимы. Около него, возможно, имелась легенда.

К третьему этапу относится монета, найденная в хуме, вкопанном в пол помещения. Монета небольшая, с обломанными краями, овальной формы. Изображения сохранились сравнительно хорошо (рис. 1, 2).

Стоящая мужская фигура в сравнительно короткой, расходящейся книзу одежде; правая рука опущена к алтарю, за которым возвышается трезубец, украшенный свисающими вниз лентами; в левой руке трезубец (конец его отсутствует, так как здесь край монеты сильно поврежден). У левого бока длинный узкий меч. На голове конический головной убор или шлем; вокруг головы нимб. Около левого локтя тамга, между ног свастика.

Сравнительно сильно схематизированное изображение божества, стоящего перед горбатым быком.

Имелась ли на данной монете легенда — неясно, так как края повреждены; но около тамги прослеживаются какие-то небольшие выпуклости, возможно являющиеся частями букв.

К пятому, последнему этапу относится небольшая монета, сильно поврежденная окислами (рис. 1, 3).

Стоящая мужская фигура в расходящейся книзу одежде; правая рука опущена к алтарю, за которым различим трезубец, левая отведена в сторону (вероятно, опиралась на трезубец, но эта часть разрушена).

Сильно схематизированное изображение божества, стоящего перед горбатым быком.

Легенды на этой монете не имелось.

Кроме того, еще одна монета плохой сохранности, возможно, происходит из слоя, соответствующего второму этапу; однако условия находки настолько неопределенны, вследствие чего целесообразно исключить ее здесь из рассмотрения.

Находки, сделанные на городище Хан-Газа, являются пока единственным случаем в Бактрии, когда имеется стратиграфия для трех разных монет, что, безусловно, важно при определении их относительной даты. Что касается возможности определения их по принадлежности чекану тех или иных правителей, то здесь отсутствие легенд создает очень большие трудности.

Монета из пятого слоя, относящаяся к одной из наиболее широко распространенных групп, не имеющих легенды, является, пользуясь общепринятой терминологией, позднечушанской. Возможная абсолютная дата ее определяется двумя моментами: отсутствием в верхнем слое городища следов разрушения, что говорит о постепенном замирании жизни на нем, и наличии в непосредственной близости от городища погребений с трупосожжением, в одном

Рис. 1. Медные монеты с городища Хан-Газа (увеличены в 2 раза)

1 — из второго слоя; 2 — из третьего слоя; 3 — из пятого слоя.

из которых найдена очень сильно окисленная медная монета, сходная с одной группой монет Шапура II. Эти погребения могут рассматриваться как принадлежащие хноитам. Таким образом, верхний слой городища должен быть отнесен ко времени, предшествующему вторжению последних, т. е. к IV в. н. э. Соответственно можно датировать и интересующую нас монету.

Монета из второго слоя поддается более или менее твердому определению, но исходя из золотого чекана. Изображение на лицевой стороне характерно для монет с именем Васудевы; наличие же тамги, сходной с таковой Кадфиза II, и свастики является, по классификации Р. Гебля, специфической особенностью чекана Васудевы II. Очевидно, соответствующее определение и здесь наиболее вероятно.

Более сложно положение с монетой из второго слоя. Для определения ее может быть использовано только наличие изображения женского божества и нимба. Первое составляет сравнительно позднее явление, относящееся, по свидетельству золотого чекана, ко времени после Васудевы I. Р. Гебль считает, что указанное изображение появляется при Канишке II; однако тут следует соблюдать осторожность, так как возможный прототип, как это справедливо отмечается самим Р. Геблем, может быть найден на монетах Хувишки и даже Аза. Так как нет вообще достаточной уверенности в совпадении „ассортимента“ изображений на реверсах медного и золотого чекана кушан, видимо, следует воздержаться от отнесения рассматриваемой монеты к какому-либо конкретному правителю. Но условия находки свидетельствуют о том, что она относится ко времени до Васудевы II. Абсолютная датировка ее по археологическим данным может быть определена лишь весьма приблизительно, но, поскольку это представляет известный интерес для хронологии кушанского времени, на ней следует здесь вкратце остановиться.

Возникновение поселения на городище Хан-Газа, по археологическим данным, несомненно относится ко времени после рубежа нашей эры. Предшествующий период в Бишкентской долине представлен только кочевническими могильниками, достаточно твердо датированными различными данными в пределах последней трети II в. до н. э.—начала I в. н. э. Появление здесь оседлого населения имело место во всяком случае не ранее прекращения функционирования этих могильников и, возможно, отделено от них каким-то промежуток времени (по всей видимости, небольшим).

Первый этап жизни городища, судя по ряду признаков (монументальному характеру построек, обилию обломков керамики и т. д.), должен был быть сравнительно продолжительным, во всяком случае более 50 лет. Даже при самом осторожном подходе можно с уверенностью говорить, что он лежит в пределах I—II вв. н. э. Это положение, как представляется, исключает возможность отнесения монеты, найденной во втором слое, к I в. н. э. и позволяет предполагать, что она принадлежит чекану II в. н. э.

А. М. Мандельштам.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

(Составлена В. А. КРАЧКОВСКОЙ)

Сотрудник Института народов Азии Э. Р. Тенишев участвовал в 1957 и 1958 гг. в поездке диалектологических отрядов, организованных КНР, в западные провинции Синьцзян, Цинхай и Ганьсу. В Краеведческом музее г. Урумчи, кроме прочих экспонатов, Э. Р. Тенишев отметил камни с надписями; в провинции Цинхай во дворе монастыря Гуан-Си-мяо была обнаружена плита с тибетско-китайской билингвой XII в., которая поступила в музей г. Сиани. Население этой провинции (салары) ранее пользовалось арабским письмом; обнаружены рукописи на старом саларском языке арабским шрифтом (XVII—XVIII вв.); в настоящее время салары говорят по-китайски и пользуются китайской иероглификой. Кроме лингвистических и фольклорных записей, собраны рукописные книги уйгуров, фотокопии рукописей и книг, этнографические коллекции. (См.: Э. Р. Тенишев. Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарык-югурам. „Известия Академии наук СССР“, Отд. лит. и яз., т. XX, вып. 2, М., 1961, стр. 181—184).

В Дегтянском кладе, найденном в 1958 г. в Минской области, кроме 258 западноевропейских денариев, позднейшие из которых чеканены в середине XI в., оказались обломки аббасидского дирхема 319/931 г. и оквайдского дирхема 387/997 г. (см.: А. А. Быков. Восточные монеты Дегтянского клада. „Труды Государственного Эрмитажа“, т. IV, Л., 1961, стр. 30—35). Автор тщательно определил и описал исследуемые обломки, с учетом палеографических особенностей письма, отметил сравнительную редкость находок оквайдских монет в пределах СССР и их проникновение „на территорию Европы с последним

потоком куфических монет, направлявшимся через Булгарское царство“ (стр. 34).

Серебряное ожерелье с подвешенными к нему 8 куфическими дирхемами 289—323 гг. х. и двумя подражаниями, датированными серединой или второй половиной X в., найдено в 1956 г. в деревне Паункюла (Эст. ССР). Наиболее редок дирхем Ахмада ибн Исма'йла, чеканенный в Балхе в 300 г. х. Учитывая подражания, издатель датирует ожерелье второй половиной или концом X в. (А. А. Быков. Куфические монеты ожерелья из Паункюла. „Известия Академии наук Эст. ССР“, т. X, сер. обществ. наук, 1961, № 2, стр. 178—181).

Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, вып. 2: А. И. Михайлова. Географические сочинения. М., 1961. Ответственный редактор В. И. Беляев. В каталог вошло 55 списков 33 сочинений; в нем представлены все основные жанры арабской географической литературы (предисловие автора, стр. 5), из которых для нас особенно полезны историко-топографические описания городов и стран, описания путешествий. За предисловием идут списки сокращений (стр. 7—11), описание рукописей (стр. 12—67), указатели названий сочинений и два указателя имен (стр. 69—76).

24—27 января 1962 г. в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова состоялась научная конференция по иранской филологии. В секции памятников иранской письменности три доклада были посвящены описаниям рукописей. Доклад доцента А. Т. Тагирджанова о научном описании таджикско-персидских

рукописей собрания Восточного факультета ЛГУ ознакомил с фундаментальной работой автора (см.: Тезисы докладов, Л., 1962, стр. 49—50). В настоящее время она опубликована (А. Т. Тагирджанов. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ, т. 1. История, биография, география. Л., 1962. Редактор проф. А. Н. Болдырев. 4 + 512 + 2 стр., — с иллюстрациями и указателями названий сочинений, имен авторов и переводчиков, переписчиков, имен на печатях, хронологическим указателем сочинений и рукописей, конкордансом номеров рукописей и описаний).

О. И. Смирнова в докладе „Автограф согдийского счетовода первой четверти VIII в.“ на основании совместного с М. Н. Боголюбовым исследования хозяйственных документов с горы Муг (архив Деваштича) установила их характер, состав и многообразие типов, существование сложной бюрократической системы в Согде (Тезисы докладов, Л., 1962, стр. 49).

Хорезмийские документы из Топрак-Калы, три образца которых с транслитерацией текстов и предварительными замечаниями об их структуре опубликованы С. П. Толстовым („Советская этнография“, 1957, № 4, стр. 32; рис. 3, а—б — документы на дереве, 3, в — на коже; „Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции“, т. II, М., 1958), подробнее охарактеризованы в докладе В. А. Лившица, который предложил опыт чтения и истолкования документов налогового характера на дереве, с единообразным формуляром. Это старейшие памятники хорезмийской письменности на арамейской основе, в гетерографическом написании, но система идеограмм имеет отличия от парфянской, согдийской и среднеперсидской письменностей. (Тезисы докладов, Л., 1962, стр. 47—48).

„Новые памятники письменности из Сурхан-дарьи“ освещены в докладе Л. И. Альбаум. Они обнаружены осенью 1961 г. при раскопках замка в 30 км от Термеза. Документы с двусторонним письмом, сходным с образцами письма брахми в Хотане, найденными А. Стейном, датируются V—VII вв. По предварительному знакомству, тексты отличаются от тохарских почерков и текстов; язык не тохарский, имеет санскритские окончания, тохарские огласовки отсутствуют.

Доклад О. Д. Чехович „Терминология среднеазиатских актов“ основан на тщательном изучении вакуфных актов XIV в., знаток которых является автор (ср.: О. Д. Чехович. Вакуфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея. ЭВ, IV, М.—Л., 1951, стр. 56—67). Автор исследует хозяйственные и поземельные термины, иногда не имеющие юридического значения, но тонко и точно определяющие части участков; например, разными терминами обозначались пахотные земли и земли под постройками; оба термина автор обнаружила у Наршахи. (В „Тезисы докладов“ не вошли доклады Л. И. Альбаум и О. Д. Чехович).

В Иранском кабинете Ленинградского отделения Института народов Азии 7 февраля 1962 г. состоялся доклад О. И. Смирновой на тему: „К вопросу о происхождении правящих среднеазиатских родов“. Докладчица привлекла родовые знаки на согдийских монетах преимущественно VII, середины VIII в. и ранее, а также источники персидские (Нишапур), арабские (ат-Табар), китайские Танского времени. В докладе говорится о среднеазиатском (долина Зеравшана) родовом имени Jamūg, с которым связано название среднеазиатского города Jamūkat у мусульманских авторов.

С исключительными трудностями были обнаружены в высокогорной пещере Армении в конце 1961 г. серебряные монеты XII в. и старинные, частью ислевшие рукописи; их описал армянский историк XIII в. Киракос Гандзакци со слов Ованеса Саркавага, который изучал в XII в. рукописи в пещере близ Ахлатского монастыря (Иосиф П и к а р е в и ч. Рукописи в пещере. „Вечерний Ленинград“, 24 февраля 1962 г., № 47/4977).

Столетие со дня рождения выдающегося семитолога академика П. К. Коковцова (1862—1962 гг.) было отмечено на специальном совместном заседании Совета Палестинского общества при Академии наук СССР и Кафедры арабской филологии ЛГУ 1 марта 1962 г. Работы П. К. Коковцова в области финикийской, арамейской, древнееврейской и сирийской эпиграфики и палеографии хорошо известны (см.: ЭВ, VI, М.—Л., 1952,

стр. 49—50, прим. 1—2). Его эрудиция блестяще подтверждается и теперь. Его чтение первой финикийской надписи из Библа (1869 г.), без обломка, и предположения относительно утраченной части текста оправдались, когда отсутствовавший обломок был найден, как указал профессор И. Н. Винников в своем докладе на тему „П. К. Кокцов — профессор Восточного факультета“.

Памяти Н. А. Невского, знатока тангутской письменности, было посвящено заседание 2 марта 1962 г. в Институте народов Азии в Ленинграде. К заседанию была устроена выставка печатных работ Н. А. Невского и рукописных материалов из его архива (в нем имеется более 8000 единиц хранения). Выдающееся место занимают работы по дешифровке тангутской письменности, составленный Н. А. Невским тангутский словарь и исследование „Тангутская филология“ (тт. I—II), которые были подготовлены к печати старшим научным сотрудником Института народов Азии Э. И. Горбачевой. (Н. А. Невский. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. М., 1960).

„Работы Н. А. Невского по количеству привлеченных тангутских, тибетских, китайских и других источников, по широте охвата проблем, тщательности исследования занимают ведущее место среди тангутоведов как его времени, так и современности“, — пишет подготовительница издания Э. И. Горбачева (Н. А. Невский. Тангутская филология, I, стр. 11). Для нас особый интерес представляет раздел „Тангутская письменность и ее фонды“ (стр. 75—94), часть которых точно датирована, например ода 1185 г. из коллекции П. К. Козлова (стр. 75). Излагая историю расшифровки тангутской письменности, Н. А. Невский называет прежде всего шестизычную надпись 1345 г. (стр. 77); изобретение тангутской письменности освещено на стр. 79 сл. В книге I воспроизведены факсимиле тетради I—III Тангутского словаря (стр. 167—601), в книге II — тетради IV—VIII.

По случаю присуждения Ленинской премии доктору филологических наук Н. А. Невскому состоялась 4 мая 1962 г. заседание Филологической комиссии Ученого совета и Отдела языков Института народов Азии Академии наук СССР. Тангутской фило-

логии, лингвистическим и фонетическим исследованиям, а также неопубликованным работам А. Н. Невского посвятили свои доклады Г. П. Сердюченко, В. В. Иванов, Е. Н. Кычанов и М. В. Софронов (см.: „Вечерний Ленинград“, № 62/4992, 14 марта 1962 г., стр. 3).

24 марта 1962 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР состоялся доклад А. М. Беленицкого с отчетом 16-й археологической кампании 1961 г. на городище Пенджикент. Из вскрытых архитектурных жилых комплексов весьма интересен объект № 16, хотя и пострадавший от пожара. Сбоку от главного входа в помещении найдено 47 булл, на которых сохранилось 10 разных оттисков печатей с изображениями. Документы, к которым принадлежали печати, не обнаружены, вероятно, сгорели. Среди предметных находок 1961 г. на территории городища выделяются плоскоовальный голш с остатками согдийских письмен, согдийские монеты с профильными изображениями царей и согдийскими надписями.

В программу работы учредительного съезда Историко-археологического общества при КГУ, который был созван 16 апреля 1962 г. в Казани, включались, между прочим, доклады, темы которых имеют прямое отношение к эпиграфике. Такими по секции истории феодализма доклад Б. Г. Горянова „Русь, древние булгары и хозары“, сообщение А. Б. Булатова „К вопросу о разрушении г. Булгары Булат-Тимуром“ (18 апреля); по секции всеобщей истории доклад И. А. Мазитова „Путешествие И. П. Березина в страны Ближнего Востока“ (18 апреля), А. Х. Халикова „Итоги археологического изучения Татарии“, сообщения С. В. Морозова и Е. М. Халикова „Археологические разведки в Куйбышевском районе ТАССР“ и П. М. Старостина „Археологические памятники левобережья Волги между г. Козьмодемьянском и с. Кокшайском“ (17 апреля); доклады А. П. Смирнова „Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства“, Г. А. Федорова-Давыдова „Раскопки нового Сарая“, Т. А. Хлебникова „Металлообработка и металлургия меди у волжских булгар X—XII вв.“, сообщение А. М. Ефимова „Изучение археологических памятников волжских болгар“ (18—19 апреля). В секции

этнографии выделяются доклад П. П. Воробьева «Изобразительное искусство казанских татар» и сообщение Ф. Х. Валеева «Вопросы истории татарской архитектуры» (18 апреля). На заключительном пленарном заседании избрана редакционная коллегия «Трудов Историко-археологического общества при Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина».

Сессия по изучению Древнего Востока, организованная при Ленинградском отделении Института народов Азии под председательством академика В. В. Струве, состоялась в Ленинграде 14—19 мая 1962 г. На двадцати заседаниях четырех секций и пленарных заседаниях было заслушано 76 докладов и проведены две дискуссии. Большинство докладов касалось памятников древней письменности. Назовем для примера доклады М. Д. Амусяна, Н. А. Мещерского и А. Е. Вильскера, темы которых связаны с находками древних рукописей у Мертвого моря (Кумран); в секции Передней Азии 16 мая освещались архаические документы Шумера (А. А. Вайман), исторический эпос Шумера (И. Т. Канева, В. К. Афанасьева, В. А. Гвахария), аккадский эпос (З. Г. Кикнадзе). Древним письменам и надписям специально были посвящены доклады В. И. Абаева «Пятый столбец Бехистунской надписи и антидзювская надпись Ксеркса», Г. Ф. Турчанинова «Скифо-сарматские надписи арамейского письма из Северного Причерноморья», И. Г. Лившица «Из наблюдений над египетскими литературными папирусами», В. Н. Шеворошкина «О современном состоянии дешифровки карийских надписей». Несколько докладчиков осветило новооткрытые надписи и документы: М. А. Исраелия «Текст новой урартской надписи, обнаруженной в архиве Государственного исторического музея Академии наук Арм. ССР», И. В. Арутюнян «Новая урартская надпись из раскопок Кармир-блур», Г. Х. Саркисян «Неизданные глинописные частнопровольные документы в собрании Берлинского переднеазиатского музея», Т. В. Грек «Индийские надписи из Кара-Тепе».

16 надписей на санскрите прочтено Т. В. Грек на обломках сосудов из пещеры Кара-Тепе, входившей в комплекс развалин буддийского монастыря I—III вв.

на берегу Аму-Дарьи, около Старого Термеза (см.: «Правда», 24 мая 1962 г., № 120/14371).

О расшифровке загадочных писем индийской народности майя с помощью электронно-вычислительных машин сообщил академик С. А. Соболев на Международном математическом конгрессе в Стокгольме в августе 1962 г. (см.: «Известия», № 203/14057, 26 августа 1962 г.).

Районная научно-теоретическая конференция, посвященная выяснению роли народов Востока в формировании мировой культуры, была организована Дзержинским районным комитетом КПСС г. Ленинграда и Ленинградским отделением Института народов Азии Академии наук СССР. На первом заседании 25 октября 1962 г. в Ленинградском Доме ученых им. А. М. Горького доклад И. Л. Шифмана был посвящен происхождению алфавита, Ю. Я. Перепелкина — культуре Древнего Египта, 26 октября Л. Н. Меньшиков огласил доклад четырех соавторов (Ю. Е. Борщевского, П. А. Грязневича, Л. В. Дмитриевой и Л. Н. Меньшикова) «Рукописный отдел Института народов Азии — сокровищница письменной культуры народов Востока». Не менее содержательны были доклады: А. Б. Халидова «Вклад арабских народов в мировую культуру», А. А. Ваймана «Роль древневавилонской науки в развитии математических знаний», Е. И. Кычанова «У истоков книгопечатания» и др.

6 декабря 1962 г. на заседании Ученого совета Восточного факультета ЛГУ состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук И. Г. Лившицем на тему «Шампольон и египетский иероглифический алфавит». В качестве оппонентов выступали чл.-корр. АН Арм.ССР Б. Б. Пиотровский, чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге, доктора филологических наук М. Э. Матве, И. М. Дьяконов. Защита диссертации прошла успешно, степень доктора присуждена И. Г. Лившицу единогласно.

После опубликования второй половины т. II материалов из раскопок в Библе (M. Dunand. Fouilles de Byblos. t. II (1933—1938). Texte. Paris, 1958) появилась обстоятельная статья М. А. Гельцера «Значение раскопок в Библе для истории Древ-

него Востока. (Обзор археологических материалов и письменных источников). (ВДИ, М., 1962, вып. 2, стр. 149—159). Автор рассматривает критически археологические материалы, добытые в основном до 1939 г., но привлекает также открытия 1954 и 1955 гг. и обширную литературу. Кроме вещественных находок, культурные и политические связи Библа прослежены с IV тысячелетия до н. э., кончая IV в. до н. э. по надписям на памятниках, печатях, позднее — на монетах.

Участники Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции ведут с 1949 г. в Марыйском районе сбор и регистрацию надмогильных кирпичей, надписи на которых являются важными памятниками для истории, истории культуры и арабского письма, начиная с V/XI в. М. Е. Массон уже издал три целых и три фрагментированных экземпляра из находок ЮТАКЭ 1951 г.; из них три с датами VI/XII в., один датируется до 619/1222 г. (М. Е. Массон. Средневековые надмогильные кирпичи из Марыйского оазиса. ЭВ, VIII, М.—Л., 1953, стр. 24—35). В издание включены также описание и воспроизведение надмогильного кирпича из развалин Мехие (там же, стр. 24, 34, рис. 7). В 1955 г. на городищах Башана, Хурмузфарре и в их окрестностях найдены еще два датированных надмогильных кирпича (489/1096 и 555/1160 гг.), третий — недатированный и верхняя половина четвертого (XI—XII вв.); надмогильный кирпич с туркменскими именами арабским алфавитом происходит с левого берега р. Кумки (там же, стр. 386—392, рис. 46—50). Напомним попутно обнаруженный О. И. Смирновой в мазарке около Фараба надмогильный кирпич с куфической надписью и датой 507/1113—1114 гг. (МИА, т. XV, 1950, табл. XXIII).

М. Е. Массон отметил вычурный почерк надмогильного кирпича 489/1096 г. На строке 4 (стр. 387—388, рис. 47) нисба полностью не прочтена и обозначена в переводе на русский язык многоточием, а в арабской транслитерации шесть букв *التاور*. На изображении между тем видно семь букв, которые писавший тщательно пунктировал и снабдил двумя пояснительными знаками. После члена состоят: средний *қаф* с двумя точками сверху и маленьким изображением буквы *қаф*

снизу, среднее *ба* с точкой снизу, конечный *алиф*, *вав*, под которым врезан маленький *вав*, и гибкая линия конечного *йа* с двумя точками снизу. Нисба ал-Қубави указывает на происхождение усопшего шейха ал-Хусайна из города Қуба, лежавшего на пути из Ходжента в Ош (ср.: W. Barthold. Turkestan..., GMS, New Series, V, London, 1928, pp. 14, 157, 159, 161—163). О ферганском городе Қуба писал Йакут (F. Wüstenfeld. Jacut's geographisches Wörterbuch..., I. Leipzig, 1866, p. 404, в районе *أوش* — *قباء*. .; VI, 1870, p. 169: *قباء فرغانة*).

На строке 6 не транслитерированы четыре последние буквы *قبره*, а потому надо изменить перевод в конце строки 6: вместо «Свет Аллаха (на него)!» читать: «(Да) осветит Аллах могилу его!» (ср.: В. А. Крачковская. Надгробные надписи из Дманиси. ЭВ, V, М.—Л., 1951, стр. 27—30, рис. 6, 13, 14, 15А).

Во время раскопок отряда ЮТАКЭ 1961 г. в юго-восточной части Гаур-Кады вскрыта половина лестницы, ведущей к круглой башне. Найдены парфянские монеты, но преобладают сасанидские времена Шапура I. На территории христианской обители в комнате нашли конусообразные детали из глины; на одной вырезано изображение креста и подобие буквы Н. (Из письма М. Е. Массона редактору 14 I 1962).

Из работ по арабской эпиграфике, опубликованных в Груз. ССР, отметим: И. В. Мегрелидзе. Надписи и другие древности Лиахвского ущелья. VI. Згудери. «Труды Тбилисского государственного университета», т. 99, Тбилиси, 1962, стр. 237—242 (на груз. яз.; резюме на русск. яз., стр. 234—244). (О частях I—V той же монографии см.: ЭВ, XII, М.—Л., 1958, стр. 128—129). На стенах одной из двух церквей св. Георгия в Згудери в надписи упоминается Мария Дадиани, супруга царя Картаи Ростома (1632—1658 гг.). На кладбищах вокруг церквей встречаются в надмогильных надписях грузинские и армянские фамилии, известные и теперь.

В «Вестнике Академии наук Груз. ССР» (т. XXIX, № 4, Тбилиси, 1962, стр. 497—

504) опубликована на грузинском языке статья Ц. Кахиани о надгробных арабских надписях из Дманиси, с переводами текстов на грузинский язык, 8 рисунками и комментариями. Напомним, что первые сведения о кувических рельефных надписях из Дманиси появились в русской печати в 1856 г., а первые надгробные тексты опубликованы в 1951 г. (см.: И. А. Бартоломей: *Mélanges Asiatiques*, II. SPb., 1856, p. 314); В. А. Крачковская. 1) Задачи арабской эпиграфики в СССР. Труды Первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г. „Труды Института востоковедения“, XXIV, М.—Л., 1937, стр. 131—132; 2) Надгробные надписи из Дманиси. ЭВ, V, М.—Л., 1951, стр. 21—32).

Д. А. Павлов. К вопросу создания „Тодо бичиг“, Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. „Записки“, вып. 2, Элиста, 1962, стр. 109—132. Автор рассматривает фонемную основу ойрат-калмыцкого языка, прослеживает возникновение „Тодо бичиг“ — „Ясного письма“ в 1648 г. на базе древнего обдемонгольского письма в связи с образованием Ойратского или Джунгарского государства.

Статья сопровождается графическими изображениями знаков алфавита „Тодо бичиг“; дан образец текста монгольским и старокалмыцким шрифтами (стр. 127).

Для историков, эпиграфистов, нумизматов важное значение имеет статья: О. А. Эфендиев. Некоторые сведения о последних Ширваншахах дербендской династии (1500—1538 гг.). (Ближний и Средний Восток. Сборник статей, Институт народов Азии, М., 1962, стр. 87—93). Привлечена не только литература, вошедшая в научный обиход со времени Дорна, но и новейшие издания источников исследования монетных кладов, как-то: Искандер Мунши, Тарих-и алам ара, 1900 г., Мюнаджим-баши, Джамии ад-дувал (V. Mi-pórsky. A history of Shirwan and Darband in the 10-th-11-th centuries. Cambridge, 1958).

А. В. Рагимов. О Бакинском кладе XV—XVI вв. Докл. АН Азерб. ССР, т. V, Баку, 1949, № 1, стр. 45; А. В. Рагимов. Бакинский клад (находка 1948 г.).

„Материальная культура Азербайджана“, т. III, Баку, 1953, стр. 117—120; Е. А. Пахомов. Чайкендский клад 1935 года. Баку, 1941, стр. 17—19. В результате исследования генеалогическая таблица последних Ширваншахов, составленная О. А. Эфендиевым, по датировкам полнее и точнее, чем соответственные таблицы у С. Лэн-Пуля—В. В. Бартольда, что в одном случае отметил автор (стр. 88, прим. 10), и у Цамбаура (E. de Zambaur. Manuel de chronologie et de généalogie pour l'histoire de l'Islam. Hanovre, 1927, pp. 182—183, № 167).

Впервые опубликована арабская строительная надпись 816/1413 г. на фризе двенадцатиградного мавзолея из красного туфа в селе Аргаванд (восточная Армения), с переводом на русский язык и комментарием, освещающим историю средневековой Армении конца XIV—начала XV в. Широко использованы данные армянских рукописей по работе Л. Хачикяна „Памятные записи армянских рукописей XV в.“ (ч. 1, Ереван, 1955) (см.: А. Д. Папаян. Арабская надпись на гробнице туркменских эмиров в селе Аргаванд. „Ближний и Средний Восток“, М., 1962, стр. 68—75; с 2 рисунками: общий вид гробницы и фотоснимки надписи).

Опубликован очередной том в двух тетрадах „Обзор работ по исламоведению“ за 1961 г., издаваемый в Париже (*Revue des Études islamiques*, Année 1961, t. XXIX, Cahier I — Mémoires, Cahier II — Abstracta islamica. Paris, 1962).

Издание этой серии было задумано в 1927 г. французским выдающимся исламоведом, иностранным чл.-корр. Академии наук СССР Луи Массиньон, который скончался 31 октября 1962 г. в 80-летнем возрасте. Луи Массиньон, активный борец против колониализма, член многих академий и востоковедных обществ, был руководителем „Обзоров работ по исламоведению“. Тетрадь 1 т. XXIX содержит седьмую часть его исследования легенды „Семь спящих отроков эфесских“ и три статьи других авторов. Важность издания „Обзоров работ по исламоведению“ ясна из содержания тетради 2 т. XXIX, где напечатана 15-я серия библиографии изданий за 1960 г., частью с краткими аннотациями. Три сотрудника, Й. Мубарак, И. Меликов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств.
- ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
- ИАН, СИФ — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии.
- Изв. — Известия.
- КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
- МВК — Музей восточных культур.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- ПСб — Палестинский сборник.
- ПВ — Проблемы востоковедения.
- РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры.
- РГО — Русское географическое общество.
- СВ — Советское востоковедение.
- Тб. — Тбилиси.
- ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
- ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции.
- ЭВ — Эпиграфика Востока.
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- AANL — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei.
- AASOR — Annual of the American Schools of Oriental Research.
- AJSL — American Journal of Semitic Languages.
- ANLR — Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti.
- BA — Biblical Archaeologist.
- BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research.
- BEFEO — Bulletin d'École Française d'Extrême Orient.
- BGA — Bibliotheca Geographorum arabicorum.
- BIES — Bulletin of the Israel Exploration Society.
- BMB — Bulletin du Musée de Beyrouth.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies.
- CIA — Corpus inscriptionum arabicorum.
- CIH — Corpus inscriptionum himyariticarum.
- EEA — S. Moscati. L'Epigrafia Ebraica Antica. Roma, 1954.
- EW — East and West.
- HISG — J. B. Pritchard. Hebrew Inscriptions and Stamps from Gibeon. Philadelphia, 1959.
- IAP — D. Diringer. Le iscrizioni antico-ebraiche palestinesi. Firenze, 1934.
- IC — G. Coedes. Inscriptions du Cambodge, 1937—1954.
- IEJ — Israel Exploration Journal.
- ISC — A. Barth. Inscriptions sanscrites du Cambodge. „Journal Asiatique“, sér. 7, t. 20.
- KSGI — A. Alt. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel, Bd. I—II. München, 1953.
- NC — Numismatic Chronicle.

и Н. Елисеев, включили в библиографию соответствующие задачам издания статьи и монографии, напечатанные в СССР. Привлечены: Краткие сообщения АН СССР, Издательство восточной литературы, Очерки по истории русского востоковедения, Проблемы востоковедения, Советская этнография, Труды Института этнографии, Советская археология, Эпиграфика Востока. Библиография заканчивается алфавитным указателем имен авторов со ссылкой на порядковые номера списка (№№ 1—2331). И знаменательно, что один из последних, № 2329, за подписью Л. М., отмечает изданную в 1961 г. „интересную археологическую карту Марокко“ — страны, историей которой Луи Массиёно занимался в начале своей замечательной научной деятельности.

Увековечению памяти и работ глубокого, разностороннего исследователя средневековых памятников Востока и арабских надписей, Жана Соваже, посвящен тщательно составленный аналитический указатель его трудов (*Mémorial Jean Sauvaget*. Т. II. Institut français de Damas. Damas, 1961. Index analytique de l'œuvre de Jean Sauvaget établi par Janine Sourdel-Thomine et Dominique Sourdel).

Арабист-эпиграфист легко может ориентироваться в работах Ж. Соваже по таким рубрикам указателя, как надписи, арабские надписи (*inscriptions, inscriptions arabes*, р. 124), каллиграфия (*calligraphie*, р. 48), разновидности письма и палеография (*écriture*, р. 75 и др.), различные имена и термины, декреты (*décrets*, р. 69).

Статья П. Миятева „Османские памятники в Болгарии“ (*Petâr Mijatev. Les monuments osmanlis en Bulgarie*. „Rocznik orientalistyczny“, т. XXIII, I, Warszawa, 1959, pp. 8—56, Sig. 1—2) начинается критическим обзором изданий надписей на турецком и арабском языках; она имеет целью

привлечь внимание к надписям и памятникам османского периода в Болгарии, которым грозит исчезновение, особенно при перепланировании городов, что случилось, например, в Пловдиве (стр. 13—14). Происхождение надписей, попавших в городские музеи или хранящихся в некоторых мечетях, как в Видине (стр. 24—25), в большинстве случаев неизвестно. Они датируются XIII—XIX вв. Автор начал собирать эпиграфические материалы и фотографии надписей до войны 1941 г. и возобновил работу в 1948 г., обследовав многие города. Он горячий сторонник создания корпуса османских надписей Болгарии, идею которого выдвигал 40 лет назад К. Жиречек (стр. 8, 9, 28). В статье П. Миятева опубликована часть неизданных надписей в извлечениях, с переводами на французский язык и, как исключение, одна надпись на турецком народном языке в транскрипции латинским алфавитом (стр. 24). Воспроизведение надписей на рисунках не всегда удачно, что создает затруднение для чтения подлинных текстов.

Опубликован т. I части II издания материалов экспедиции в Аравию 1951—1952 гг. под руководством Х. Ст. Дж. Фильби. В т. I А. Громани издал около 300 арабских надписей и граффити, с таблицами II—XXIV. Часть I издания материалов экспедиции будет посвящена географии и археологии. В часть II войдут еще т. 2 — сабейские надписи (Г. Рикманс), тт. 3—4 — самудские надписи и топографический конкорданс надписей (Ж. Рикманс), тт. 5—6 составят 261 факсимиле копий надписей и фототипические таблицы надписей (*Expédition Philby-Ryckmans-Lippens en Arabie. IIe Partie. Textes épigraphiques. T. I. Arabic Inscriptions by A. G r o h m a n n*. „Bibliothèque du Musée“, vol. 50, Louvain-Leuven, 1962, Avant-propos G. Ryckmans, pp. I—III).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Бронзовая подставка с урартским клинообразным текстом (Гос. исторический музей Армении)	4
Фрагмент саркофага Хевит (1—4)	8—9
Надписи и клейма на древнепалестинской керамике (1—9)	21
Клейма на древнепалестинской керамике. Скарабей с четырьмя крыльями (1—3)	29
Клейма на древнепалестинской керамике. Скарабей с четырьмя крыльями (1—2)	29
Клейма на древнепалестинской керамике. Крылатый солнечный диск (1—4)	29
Древнепалестинские печати (1—7)	36
Чаши с надписью „Благороднейшее из богатств — отказ от желаний“, X в. (а—б)	55
Надписи на керамике „Знание — благороднейшее из происхождений“ и „Знание — украшение юноши“ (а, б — X в., в — IX—X вв.)	57
Блюдо из Нишапура с надписью „Знание — благороднейшее из происхождений“, X в.	58
Фрагмент надписи со словом „знание“, IX—X вв.	59
Обрывки надписи, VIII, X—начало XI в. (а—д)	60
Тарелка с надписью „Щедрость восхваляема“, X в.	61
Надпись на люстровом кувшине 1179 г. из Британского музея	64—65
Медный судок для пряностей 1261/1845 г. из собрания Гос. Эрмитажа	66
Крышка медного судка 1261/1845 г.	66
Гремская трилингва. По фотографии Д. И. Ермакова, № 2749	72—73
Тамгообразные знаки (1—10)	80
Хорезмийские монеты в собрании Гос. Эрмитажа (1—6)	80—81
Серебряные оболы из Тулхарского курганного могильника (1—3)	86
Монета с остатками ткани. Увел.	93
Дирхем, чеканенный в Ал-Баб (а—б)	93
Бухархудатские дирхемы (а—е)	94
Бухархудатские драхмы (а—г)	95
Лицевая сторона фальшивых саманидских дирхемов из Мерва (1—4)	102
Оборотная сторона фальшивых саманидских дирхемов из Мерва (1—4)	103
Медные тимуридские монеты 823/1420 г. (Прорисовка-реконструкция)	111
Графическая таблица веса тимуридских монет 823/1420 г.	115
Графическая таблица веса тимуридских монет 832/1428—1429 г.	116
Медные монеты с городища Хан-Газа (1—3)	122

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Б. Б. Пиотровский. Урартская надпись из раскопок Кармир-Блура, связанная с основанием Эребуни	3
И. Г. Лившиц. Фрагмент саркофага из Ахмира	6
М. Л. Гельцер. Древнепалестинская керамическая эпиграфика как важный исторический источник	18
И. Ш. Шифман. Североаравское государство Лихья	38
Л. А. Седов. О высшем духовенстве ангорской Камбоджи. (По материалам кхмерской эпиграфики)	45
О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XI вв.	54
Л. Т. Гюзальян. Надпись на люстровом кувшине 1179 г. из Британского музея	63
А. А. Иванов. Данные эпиграфики и вопросы датировки иранских медных и бронзовых изделий XIX в.	65
Л. М. Медиксет-Бек . К толкованию имени „Мат'арси“ гремской (Грузия) трилингвы конца XVI в.	72
В. М. Массон. Хорезм и кушаны. (Некоторые вопросы хорезмийской нумизматики)	79
А. М. Мандельштам. К предкушанскому чекану Бактрии	85
А. М. Беленицкий. Клад серебряных монет из Пенджикента	92
М. Е. Массон. Кладик саманидских дирхемов конца X в. из пригорода Старого Мерва	101
Е. А. Давидович. По поводу двух кладов медных монет XV в. из Таджикистана	111
Краткие сообщения и заметки	120
Джай Чандра Видьяланкар. Панджабская надпись с Урала (120)	
А. М. Мандельштам. К хронологии медных кушанских монет (121)	
Хроника и библиография. (Составила В. А. Крочковская)	124
Список иллюстраций	131
Список сокращений	132

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

Имеются в продаже книги

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА. Вып. XIV

1961. Цена 64 к.

В книге опубликованы монументальные надписи и надписи на предметах средневекового искусства, освещаются вопросы монетного дела и обращения монет.

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА. Вып. XV

Сборник статей под ред. проф. В. А. Крачковской

1963. Цена 88 к.

Опубликованы эпиграфические и нумизматические памятники самого разнообразного характера.

Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. 1963. 144 стр.
Цена 78 к.

История и филология стран Ближнего Востока. Палестинский сборник. Вып. 9 (72). 1962. 162 стр. Цена 72 к.

Проблемы социально-экономической истории древнего мира. 1963. 375 стр. Цена 1 р. 71 к.

Статьи и исследования по проблемам истории народов древнего Востока (Шумер, Вавилон, Египет, Урарту, Финикия и др.).

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. (Свод археологических источников). 1964. 48 стр. Цена 1 р. 44 к.

Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пянджикент. 1964. 172 стр. Цена 1 р. 30 к.

Ваши заказы просим прислать по адресу:
Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,
„Академкнига“, отдел „Книга — почтой“;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
„Академкнига“, отдел „Книга — почтой“.

Заказы на книги выполняются наложенным платежом.

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА. XVII

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. П. Конаков*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Э. В. Гришина, В. А. Пузиков и Г. И. Шер*

Сдано в набор 20/VIII 1965 г. Подписано к печати
10/II 1966 г. РИСО АН СССР № 8—134В. Формат бу-
маги 84×108^{1/16}. Бум. л. 4^{1/4}. Печ. л. 8^{1/2} + 5 вкл.
(^{1/4} печ. л.) = 15.54 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12.82. Изд.
№ 2455. Тип. зак. № 449. М-27550. Тираж 1200.

Цена 77 к. Бумага типографская № 1.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.

1-я тип. изд-ва «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Исправления и опечатки

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
30	6 снизу	Nebrew	Hebrew
44	2 снизу	Vogüe	Vogüé
112	18—19 сверху	молетнего	монетного